

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА
Т. 16, № 3 (2025)

EASTERN ANALYTICS
Vol. 16, No. 3 (2025)

ISSN 2227-5568 (Print)
DOI: 10.31696/2227-5568-2025-03

EASTERN ANALYTICS

Vol. 16, No. 3 (2025)

Information about the journal

The journal *Eastern Analytics* is a print peer-reviewed academic journal. The Journal is being published since 2010. Since 2015 it has annually 4 issues.

Form of distribution – print media, journal.

Registration number and decision date on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor):
PI No. FS77-82197 dated October 26, 2021.

Registered in the ISSN National Centre of the Russian Federation, Russian Book Chamber:
ISSN 2227-5568 (Print). Dated December 14, 2015. Title proper: Vostočnáâ analitika.
Parallel title: Eastern Analytics.

The media founder & Publisher

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
Website: www.ivran.ru

Address of the Editorial Office

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
Website: <https://analitika.ivran.ru>. E-mail: analitika@ivran.ru

The journal articles do not necessarily reflect the official views of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, the editorial board and the editorial staff of the journal. The editorial staff is not responsible for the accuracy and reliability of the information provided by the authors.

The articles published in the journal "Eastern Analytics" have passed the procedure of anonymous peer review and expert selection.

© "Eastern analytics", 2025
© IOS RAS, 2025

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Т. 16, № 3 (2025)

Информация об издании

Рецензируемый научный академический журнал.
Печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.
Издается с 2010 г., с 2015 г. – 4 раза в год.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-82197 от 26.10.2021 г.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации:
ISSN 2227-5568 (Print). От 14.12.2015 г. : Vostochnaâ analitika.
Параллельное название: Eastern Analytics.

Учредитель, Издатель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Адрес: 107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.
Веб-сайт: www.ivran.ru

Редакция

107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12, ком. 408.
Веб-сайт: <https://analitika.ivran.ru>. E-mail: analitika@ivran.ru

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН,
редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность
и достоверность сведений, приводимых авторами.

Опубликованные в журнале «Восточная аналитика» статьи прошли процедуру
анонимного рецензирования и экспертного отбора.

Editorial Staff

Akimov Alexander Vladimirovich – *Editor-in-Chief*, Doctor of Economics, Head of Department of Economic Research, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Fedulov Ilia Viktorovich – Deputy Chief Editor, Candidate of Technical Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Shchepilova Elena Feliksovna – Editorial Secretary, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Editorial Board

Naumkin Vitaly Vyacheslavovich – Chairman of the Editorial Board, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Scientific Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

Belokremitsky Vyacheslav Yakovlevich – Deputy Chairman of the Editorial Board, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Center for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Vorontsov Alexander Valentinovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Korea and Mongolia, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Voskresensky Alexey Dmitrievich – Doctor of Political Science, Professor, Professor of the Department of Oriental Studies, Director of the Center for Integrated Chinese Studies and Regional Projects of the Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Zvyagelskaya Irina Donovan – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Center for Middle Eastern Studies of the E. M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Isaev Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of International Economic Relations of Asia and Africa, Institute of Asian and African Countries, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Kuznetsov Vasily Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Arab and Islamic Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Faculty of World Politics of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Mamedova Nina Mikhailovna – Candidate of Economic Sciences, Head, Iranian Sector, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Melyantsev Vitaly Albertovich – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of International Economic Relations of Asia and Africa, Institute of Asian and African Countries, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Mosyakov Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head, Center for the Study of Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Panarin Sergey Alekseevich – Candidate of Historical Sciences, Head, Center for the Study of General Problems of the Modern East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Streltsov Dmitry Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Head of the laboratory "Center for Japanese, Korean and Mongolian Studies", Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Ulchenko Natalia Yurievna – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Economic Geography of Asia and Africa, M.V. Lomonosov Moscow State University; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Shaumyan Tatiana L'vovna – Candidate of Historical Sciences, Head, Center for Indian Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Редакция

Акимов Александр Владимирович – главный редактор, д-р экон. наук, зав. отделом экономических исследований, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Федулов Илья Викторович – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Щепилова Елена Феликсовна – отв. секретарь редакции, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Редакционная коллегия

Наумкин Виталий Вячеславович – председатель редакционной коллегии, академик Российской академии наук, д-р ист. наук, проф., научный руководитель Института востоковедения РАН.

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич – заместитель председателя редакционной коллегии, д-р ист. наук, проф., заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Воронцов Александр Валентинович – канд. ист. наук, заведующий отделом Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Воскресенский Алексей Дмитриевич – д-р полит. наук, профессор кафедры востоковедения, директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Звягельская Ирина Доновна – член-корр. Российской академии наук, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра ближневосточных исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Исаев Владимир Александрович – д-р экон. наук, профессор кафедры международных экономических отношений стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Кузнецов Василий Александрович – канд. ист. наук, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, доцент факультета мировой политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Мамегова Нина Михайловна – канд. экон. наук, зав. сектором Ирана, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Мельянцева Виталий Альбертович – член-корр. Российской академии наук, д-р экон. наук, проф., заведующий кафедрой международных экономических отношений стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Мосяков Дмитрий Валентинович – д-р ист. наук, проф., зав. Центром изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Панарин Сергей Алексеевич – канд. ист. наук, зав. Центром исследования общих проблем современного Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Стрельцов Дмитрий Викторович – д-р ист. наук, проф., заведующий кафедрой востоковедения, руководитель лаборатории «Центр японских, корейских и монгольских исследований», Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Ульченко Наталия Юрьевна – д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой экономики и экономической географии стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Шаумян Татьяна Львовна – канд. ист. наук, зав. Центром индийских исследований, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

CONTENTS

ECONOMICS

<i>Babenkova S.</i> Islamic Finance in the World: from Identity to International Integration	9
<i>Demchenko A.</i> Jordan-Syria Relations in the Post-Assad Era.....	29
<i>Eliseeva M.</i> Cooperation between Mongolia and the Republik of Korea in the Contemporary Period.....	52
<i>Ostrovskii A.</i> Chinese Economic Reforms from the Short Distance (Economic Reforms in Shanghai and Qinghai from the Very Beginning till Nowadays)	69
<i>Ryazanov Ya.</i> Foreign Direct Investment in India in the Late 20th and Early 21st Centuries.....	94
<i>Semenova N.</i> From Rivalry to Partnership? The Future of Sini-Japanese Cooperation in Maritime Trade and Logistics.....	108

POLITICS

<i>Evseenko O.</i> Illegal Drug Trafficking through African Countries: First Quarter of the 21st Century.....	126
---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

Бабенкова С. Ю.

Исламские финансы в мире:

от идентичности к международной интеграции 9

Демченко А. В.

Отношения Иордании и Сирии после свержения режима Асада..... 29

Елисеева М. В.

Сотрудничество Монголии и Республики Корея

в современный период..... 52

Островский А. В.

Китайская экономическая реформа с близкого расстояния

(о том, как проводилась экономическая реформа

в КНР в Шанхае и провинции Цинхай) 68

Рязанов Я. А.

Прямые иностранные инвестиции в Индии

в конце XX и начале XXI века 94

Seменова N.

From Rivalry to Partnership?

The Future of Sini-Japanese Cooperation

in Maritime Trade and Logistics..... 108

ПОЛИТИКА

Евсеенко О. Е.

Нелегальный наркотрафик через страны Африки:

первая четверть XXI в.126

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

Научная статья. Экономические науки
УДК 336.71:28
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2025-03-009-029>

ИСЛАМСКИЕ ФИНАНСЫ В МИРЕ: ОТ ИДЕНТИЧНОСТИ К МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Светлана Юрьевна Бабенкова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
s.babenkova@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7369-2720>

Аннотация. Современная нестабильная геополитическая и геоэкономическая обстановка, затрагивающая практически весь мир, побуждает страны Глобального Юга и Глобального Севера находить новые рынки и финансовые механизмы. Экспансия индустрии исламских финансов была вызвана в том числе и вышеуказанными причинами, а также растущей численностью мусульманского населения, которое заинтересовано в этических продуктах и услугах. Наряду с этим очень важно отметить, что исламские финансы в своей концепции несут в себе Традицию, которая показывает миру цивилизационную идентичность восточного общества.

В настоящее время исламские финансы в той или иной форме (банкинг, рынки сукук, исламское страхование и т. д.) представлены практически во всех странах мира, где проживает мусульманское население. Однако процент исламского финансирования в странах варьируется от 2% до 100%, показывая, что, с одной стороны, традиционные финансовые институты являются доминирующими на финансовом рынке, но с другой стороны, некоторые страны решили использовать исламские финансы в качестве экспортного варианта, одновременно стараясь аккумулировать трансграничные денежные потоки на своих территориях, увеличивая свою роль в качестве региональных финансовых центров.

Ключевые слова: исламские финансы, страны Востока (Глобальный Юг), страны Запада (Глобальный Север), страны – экспортеры исламских финансов, геополитические процессы, геоэкономические процессы, традиционализм, мусульманское население, финансовые центры

Для цитирования: Бабенкова С. Ю. Исламские финансы в мире: от идентичности к международной интеграции. *Восточная аналитика*. 2025;16(3):9-29. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2025-03-009-029>

Original article. Economics studies

ISLAMIC FINANCE IN THE WORLD: FROM IDENTITY TO INTERNATIONAL INTEGRATION

Svetlana Babenkova

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
s.babenkova@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7369-2720>

Abstract: The current unstable geopolitical and geo-economic situation affecting almost the entire world is encouraging countries in the Global South and Global North to find new markets and financial mechanisms. The expansion of the Islamic finance industry was caused,

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

among other things, by the above-mentioned reasons, as well as the growing number of the Muslim population who are interested in ethical products and services. Along with this, it is very important to note that Islamic finance in its concept carries a Tradition that shows the world the civilizational identity of Eastern society.

Currently, Islamic finance in one form or another (banking, sukuk markets, Islamic insurance, etc.) is represented in almost all countries of the world where the Muslim population lives. However, the percentage of Islamic finance in countries varies from 2% to 100%, showing that, on the one hand, traditional financial institutions are dominant in the financial market, but on the other hand, some countries have decided to use Islamic finance as an export option, while trying to accumulate cross-border cash flows in their territories, increasing their role as regional financial centers.

Key words: Islamic finance, Eastern countries (Global South), Western countries (Global North), exporting countries of Islamic finance, geopolitical processes, geo-economic processes, traditionalism, Muslim population, financial centers

For citation: Babenkova S. Yu. Islamic Finance in the World: from Identity to International Integration. *Eastern Analytics*. 2025;16(3):9-29. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2025-03-09-029>

Экономические и финансовые направления последних десятилетий наглядно показывают, что исламские финансовые институты (далее – ИФИ) и связанные с ними продукты и услуги успешно функционируют не только в исламских, но и в европейских странах, в которых также проживает мусульманское население. По мнению некоторых исследователей, исламская финансовая система является определенной альтернативой традиционной. Она была внедрена странами Глобального Юга [Usman, Huda, Sa'ad, 2022] для экономического, финансового и политического противостояния Бреттон-Вудской системе. В свою очередь, Бреттон-Вудская система разрабатывалась и внедрялась для экономической, в большей степени финансовой, поддержки стран Глобального Севера (США, Западной Европы, Канады и т. д.) и в дальнейшем была заменена на Новую международную финансовую архитектуру (New International Financial Architecture, NIFA), которая была создана влиятельными странами G-7 в ответ на растущую нестабильность в развивающемся мире¹.

Одной из причин активного развития исламского финансирования также можно назвать цивилизационное противостояние стран Востока западным финансово-культурным процессам и нормам, происходящим в том числе в рамках глобализационных процессов. Причины существенного отставания в экономическом развитии стран Востока (Глобального

¹ Новую финансовую архитектуру можно рассматривать как очередную попытку западных стран обновить политические и идеологические элементы существующей международной финансовой архитектуры, так называемого Вашингтонского консенсуса, посредством «навязанного лидерства». (Более подробно см.: [Soederberg, 2002].

Юга) перед странами Запада (Глобального Севера) на протяжении второй половины XX в. заключались не только в отсутствии ПИИ и избытке дешевой рабочей силы [Usman, Huda, Sa'ad, 2022], но и в определенном концептуальном пересмотре традиционной системы ценностей, которая является неотделимой от восточного общества. Это подтверждается и российскими учеными-востоковедами. Так, Я. И. Яковлев пишет: «В ходе модернизации стран Востока в течение XX в., а далее – на рубеже веков под давлением процессов глобализации под сомнение была поставлена традиционная система ценностей восточного общества, вся целостная совокупность Традиции, что побуждает задуматься над перспективами цивилизационной идентичности восточного общества в будущем... По сути, главным в процессах защиты самоидентичности и осознания идентичности и личности, и общества остается наличие определенной системы ценностей, моральных норм и идеалов» [Яковлев, 2009].

Однако происходящие процессы деглобализации стали смещать финансовые центры от стран Запада к странам Востока, ужесточая конкурентные преимущества последних и устанавливая контроль за аккумулярованием денежных средств и ресурсов и за финансовыми потоками в целом. Вышеуказанные процессы в определенной степени уже были рассмотрены и проанализированы в работе А. В. Акимова как сценарии развития «Лидерство переходит от Востока к Югу» и «Борьба за ресурсы» [Акимов, 2012].

Лидерство в финансово-инновационной сфере также постепенно начинает переходить от стран ЕС, где сложившийся конгломерат традиционных банков не хочет уступать финансовые ниши инновационным (мобильным, виртуальным) банкам, к странам Юго-Восточной Азии. Это подтверждается и статистическими данными: в 2022 г. на долю продуктов и услуг финтех индустрии пришлось 5%, или от 150 до 205 млрд долл. США от чистой выручки мирового банковского сектора, но к 2028 г. эта доля может быть увеличена в два раза – до суммы в 400 млрд долл. США. Развивающиеся страны регионов Ближнего Востока, Африки и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) (за исключением Китая) показали, что доля выручки в этом секторе в 2021 г. составляла около 15% от всего мирового объема, но она может увеличиться практически в два раза к 2025 г. – до значения 29%².

Исламская финансовая система является динамично развивающейся областью, которая в настоящее время уже выходит за рамки своего «традиционного» понимания, успешно действуя не только в мусульманских стра-

² Fintechs: A new paradigm of growth // McKinsey & Company. 24.10.2023. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/fintechs-a-new-paradigm-of-growth> (accessed: 05.05.2025).

нах и функционируя в инновационных финансовых секторах экономики. Общая стоимость всех исламских финансовых активов по всему миру составила 4,5 трлн долл. США³. Объем рынка исламского финансирования в 2024 г. оценивался в 3,5 трлн долл. США и ожидается, что к 2032 г. объем этого рынка достигнет 4,9 трлн долл. США. Также, рассматривая период 2025–2034 гг., специалисты отмечают рост этого рынка в 1,5 раза – с 3,7 трлн долл. США в 2025 г. до 5,7 трлн долл. США к 2034 г., а совокупный среднегодовой темп роста в течение прогнозируемого периода составит 5,13%⁴.

По мнению экспертов, на рынок исламского финансирования в среднесрочной перспективе будут оказывать влияние следующие факторы:

- растущий спрос на вышеуказанные финансовые продукты и услуги и повышение осведомленности населения о них;
- растущее мусульманское население⁵.

Прогнозируется, что в регионах и странах с большим мусульманским населением, включая Ближний Восток, Юго-Восточную Азию и Северную Африку, к 2032 г. объем рынка исламских финансов достигнет 4945 млрд долл. США, а среднегодовой темп роста составит 5,13%⁶. Этот рост также определяется хорошей государственной поддержкой, так как именно развитая финансовая система сможет обеспечить экономическую и социальную стабильность для населения.

Рассматривая индустрию исламских финансов в региональной разбивке, нужно отметить, что, несмотря на огромный потенциал азиатских стран, большая часть активов находится в странах Персидского залива, арабские монархии удерживают лидерство с показателем в 52,5% от объемов всего мирового рынка (см. рис. 1).

Возможность Персидских монархий содержать в своей финансовой системе достаточно дорогие в обслуживании ИФИ⁷ подкрепляется не только большими доходами, получаемыми от экспорта углеводородов, но и поддержанием и укреплением Восточной (мусульманской) традиционности, о которой уже упоминалось ранее.

³ Islamic financial sector – statistics & facts, Statista. 20.03.2025. URL: <https://www.statista.com/topics/6345/islamic-financial-sector/#topicOverview> (accessed: 05.05.2025).

⁴ Aarti Dhapte. Islamic Finance Market Research Report By Type of Institution (Islamic Banks, Islamic Non-Banking Financial Institutions (NBFIs), Shariah-compliant units within Conventional Banks, Takaful (Islamic Insurance) Companies), By Financial Product (Sukuk (Islamic Bonds), Murabaha (Cost-plus Financing), Musharaka (Profit-Sharing Partnerships), Ijara (Leasing)), By Target Market (Individuals, Corporations, Governments, Sovereign Wealth Funds) and By Regional (North America, Europe, South America, Asia-Pacific, Middle East and Africa) – Industry For Source, 05.2025. URL: <https://www.marketresearchfuture.com/reports/islamic-finance-market-23027> (accessed: 05.05.2025).

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ ИФИ менее ликвидны, чем их традиционные партнеры – *прим. автора*.

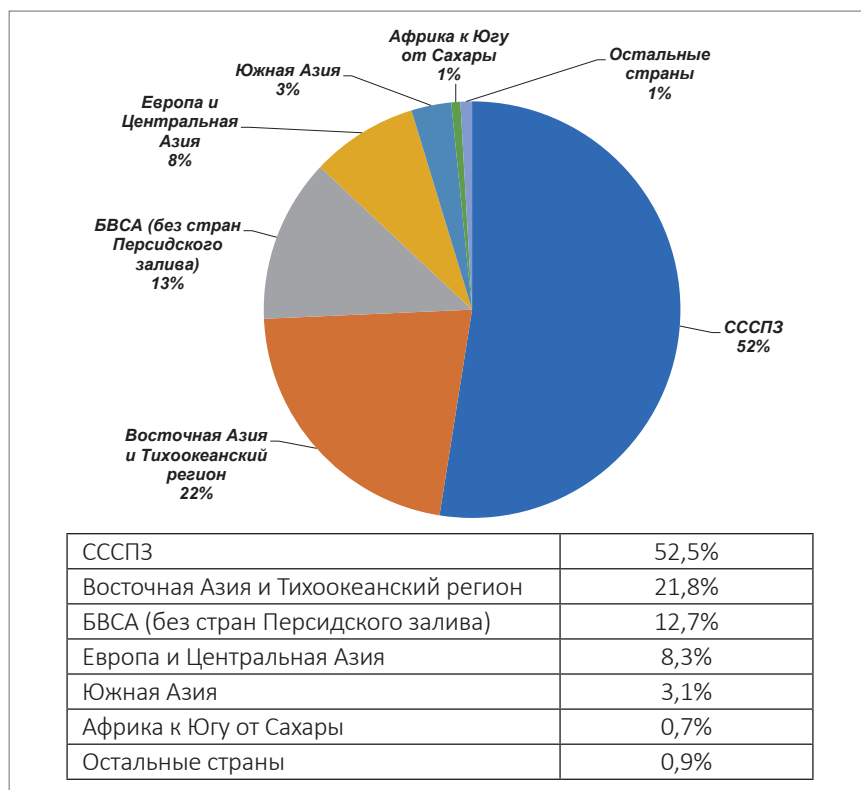

Рис. 1. Распределение исламских финансовых активов по регионам по состоянию на 2023 г.

Составлено автором на основании данных таблицы по информации: Islamic Financial Services Board. 2024. Islamic Financial Services Industry Stability Report. Kuala Lumpur, Malaysia, September. URL: <https://www.ifsb.org/wp-content/uploads/2024/09/IFSB-Stability-Report-2024-8.pdf>

Наряду с этим целесообразно отметить, что, как упоминалось ранее в статье, одним из аспектов популярности исламских финансов в мире является растущая численность мусульманского населения, а также необходимость полноценного обеспечения этих людей этичными продуктами и услугами.

В этой связи можно отметить, что приведенная в табл. 1 информация показывает, что только в Иране и Судане исламские финансы «покрывают» все мусульманское население, при этом в других странах, где проживает мусульманское население, процент исламского банкинга колеблется от 2% до 80% при процентной доле мусульман, достигающей в некоторых странах 98%. Исходя из этого, можно сделать вывод, что исламская финансовая система значительно уступает своему традиционному (классическому) конкуренту как по объемам отрасли, так и по доле проникновения в мусульманских странах.

Таблица 1. Сводная информация по проценту и численности мусульманского населения и доли исламского банкинга в некоторых странах мира

Страна	Мусульманское население страны, млн человек	Доля мусульман в стране, %	Доля от всего количества мусульман, %	Доля исламских финансов в локальной финансовой системе ⁸ , %
Индонезия	242 000 000	88,25%	12,27%	8%
Пакистан	240 760 000	96,46%	12,17%	20%
Бангладеш	150 800 000	91,28%	7,62%	25,3%
Египет	90 000 000	94,74%	4,55%	5,2%
Турция	84 400 000	98,14%	4,27%	8,7%
Иран	82 500 000	99,4%	4,17%	100%
Китай ⁹	50 000 000	3,6%	2,53%	данные отсутствуют
Алжир	43 737 096	99%	2,21%	6%
Ирак	39 653 447	98%	2%	9,7%
Судан	38 585 777	94,51%	1,95%	100%
Марокко	36 370 847	99%	1,84%	2%
Саудовская Аравия	31 535 000	91,15%	1,59%	74,9%
Йемен	26 784 498	99,07%	1,35%	40% ¹⁰
Малайзия	20 063 500	61,3%	1,01%	35,5%
Сирия	15 000 000	83,33%	0,76%	данные отсутствуют
Тунис	10 190 000	89,02%	0,52%	5,1%
Иордания	10 165 577	97,2%	0,51%	17,8%
Ливия	6 551 871	97%	0,33%	20%
ОАЭ	6 251 627	65,52%	0,32%	22,7%
Палестина	4 298 000	89,9%	0,22%	17,4%
Ливан	3 567 211	67,8%	0,18%	23% ¹¹
Оман	2 427 000	52,38%	0,12%	16,6%
Кувейт	2 175 684	74,6%	0,11%	51%

⁸ В данной таблице в первом приближении «исламские финансы» будут эквивалентны «исламскому банкингу», если не определено иное. – Прим. автора.

⁹ В Китае насчитывается 56 этнических групп, включая более десяти этнических меньшинств, таких как хуэй, уйгуры, казахи и дунсян, которые в основном являются мусульманами. См.: China & Hong Kong: Exploring Islamic finance opportunities // Islamic Finance News. 19.11.2024. URL: <https://www.islamicfinancenews.com/china-hong-kong-exploring-islamic-finance-opportunities.htm> (accessed: 05.05.2025).

¹⁰ Данные за 2018 г. [Al-Harethi, 2018].

¹¹ По состоянию на 2015 г. См.: Al Emid. Islamic Finance 2015 // Growth Strategies in Lebanon, Global Finance Magazine. 12.06.2015. URL: <https://gfmag.com/award/award-winners/islamic-finance-lebanon/#:~:text=The%20Islamic%20banks'%20share%20is,owned%20by%20Qatar%20Islamic%20Bank> (accessed: 05.05.2025).

Окончание табл. 1

Страна	Мусульманское население страны, млн человек	Доля мусульман в стране, %	Доля от всего количества мусульман, %	Доля исламских финансов в локальной финансовой системе ⁸ , %
Катар	1 566 786	63,94%	0,08%	28,6%
Бахрейн	1 063 239	73,7%	0,05%	16,1%
Сингапур	915 118	15,6%	0,05%	данные отсутствуют
Гонконг	295 476	4,1%	0,01%	данные отсутствуют
Франция	6 700 000	10%	0,34%	69,39 млн долл. США ¹²
Германия	4 600 000	5,54%	0,23%	149,34 млн долл. США
Великобритания	3 868 133	5,86%	0,2%	126,72 млн долл. США
Италия	2 987 840	4,8%	0,15%	64,87 млн долл. США
Испания	1 180 000	2,53%	0,06%	61,85 млн долл. США
Бельгия	879 377	7,6%	0,04%	отсутствует
Австрия	720 000	8%	0,04%	отсутствует
Швеция	700 000	6,87%	0,04%	отсутствует
Швейцария	440 000	5,18%	0,02%	отсутствует
Нидерланды	387 000	2,22%	0,02%	отсутствует
Дания	313 713	5,4%	0,02%	отсутствует
Норвегия	175 507	3,29%	0,01%	отсутствует
Люксембург	15 000	2,34%	0%	23,38 млн долл. США
Лихтенштейн	2 050	5,39%	0%	отсутствует
США	3 450 000	1,05%	0,17%	793,48 млн долл. США
Россия	16 000 000	10,9%	0,81%	116,91 млн долл. США ¹³

Составлено автором по информации: Muslim Population by Country 2025 // World Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/muslim-population-by-country>; Chloe Domat. The third installment of a Global Finance FAQ web series on Islamic finance // Global Finance Magazine. 01.08.2024. URL: <https://gfmag.com/banking/islamic-finance-just-muslim-majority-nations/>; Quarterly Islamic Banking Bulletin, Islamic Finance Policy Department State Bank of Pakistan, January-March, 2024. URL: <https://www.sbp.org.pk/ibd/bulletin/2024/Islamic-Banking-Bulletin-March-2024.pdf>; Quarterly Report on Islamic Banking in Bangladesh, Islamic Banking Wing Research Department Bangladesh Bank, January-March 2024. URL: [https://www.bb.org.bd/pub/quarterly/islamic_banking/ibq3_mar_2024%20_28.5.24%20\(final\).pdf](https://www.bb.org.bd/pub/quarterly/islamic_banking/ibq3_mar_2024%20_28.5.24%20(final).pdf); Islamic banking industry in Egypt- statistics & facts // Statista. URL: <https://www.statista.com/topics/13148/islamic-banking-industry-in-egypt/#statisticChapter>; Editorial Team. Islamic Finance in Algeria Reaches 900 Billion DZD in Deposits, Paving Way for Sovereign Sukuk // ANG. 23.03.2025. URL: <https://www.algerianewsgate.com>.

¹² Если рассмотреть в процентном соотношении, то исламское финансирование является незначительным по сравнению с традиционным. Так, например, согласно данным портала Statista, в 2023 г. сумма банковских активов во Франции составила 9,376 трлн евро, активы традиционных банков в Германии в 2025 г. составят 229,13 млрд долл. США, в Великобритании – 145,59 млрд долл. США. – Прим. автора.

¹³ Отсутствует полноценный сектор исламского финансирования (исламского банкинга). – Прим. автора.

com/post/islamic-finance-in-algeria-reaches-900-billion-dzd-in-deposits-paving-way-for-sovereign-sukuk#:~:text=Algeria's%20Islamic%20finance%20sector%20has,d'Algérie%20(CPA); Iraq's Islamic Banking Has Long-Term Growth Potential; Sector Undeveloped // Fitch Ratings (Fitch). 16.10.2024. URL: [Анализируя сводную информацию, приведенную в табл. 1, целесообразно сделать вывод, что доля исламских финансов в целом не гомогенна в странах, где проживает мусульманское население. Эта неоднородность обусловлена многими факторами, среди которых различная экономическая развитость стран, цели и задачи, которые ставит перед собой руководство этих стран, внедряя ИФИ в свои финансовые системы, повышение значения коэффициента Гудвилла как для всей халяльной финансовой отрасли, так и для страны в целом, уменьшение страновых рисков и открытие окон возможностей для привлечения ПИИ. С целью проведения более конструктивного анализа целесообразности наличия и функционирования исламских финансов и связанных с ними институтов в вышеприведенных странах необходимо выделить несколько групп стран, разложив их по так называемым «виртуальным корзинам», сгруппировав, в том числе по экономическим показателям \(ВВП\), географическому расположению и функционалу финансовых систем \(см. табл. 2\).](https://www.fitchratings.com/research/islamic-finance/iraq-islamic-banking-has-long-term-growth-potential-sector-undeveloped-16-10-2024#:~:text=Islamic%20banking%20assets%20have%20grown,1%20billion; Morocco's Islamic Finance Industry Is Nascent; Faces Key Challenges // Fitch Ratings. 15.03.2023. URL: https://www.fitchratings.com/research/islamic-finance/morocco-islamic-finance-industry-is-nascent-faces-key-challenges-15-03-2023; The Yemeni financial sector: challenges and opportunities for recovery // ACAPS Yemen Analysis Hub (YAH) and Mercy Corps Yemen Analysis Team (YAT). 26.07.2022. URL: https://www.acaps.org/fileadmin/Data_Product/Main_media/20220726_acaps_yemen_analysis_hub_the_yemeni_financial_sector.pdf; The Malaysian Islamic Financial Market Report // BNM. 13.04.2023. URL: https://www.bnm.gov.my/documents/20124/54166/The-Malaysian-Islamic-Financial-Market-Report.pdf; [Ahmad and others, 2019]; Europe Islamic Financing Market Report 2025 // Cognitive Market Research. URL: https://www.cognitivemarketresearch.com/regional-analysis/europe-islamic-financing-market-report</p>
</div>
<div data-bbox=)

Таблица 2. Страновая группировка по корзинам

Страна	Доля мусульман в стране, %	Доля исламских финансов, %	ВВП, млн долл. США (2024 г.)	Доля в ВВП основных секторов экономики, %
Корзина 1¹⁴. Страны со 100%-м исламским банкингом¹⁵				
Иран	99,4%	100%	401 357	54,3% – сфера услуг; 35,9% – промышленность; 9,8% – сельское хозяйство
Судан	94,51%	100%	109 266	7,48% – сектор услуг; 5,47% – сельское хозяйство; 5,12% – промышленность

¹⁴ Здесь и далее представленная в «корзинах» группировка по странам является авторской разработкой С. Ю. Бабенковой на основе данных, полученных из открытых источников.

¹⁵ Их экономические показатели в данном случае не рассматриваются в качестве основного критерия отбора. – *Прим. автора.*

Продолжение табл. 2

Страна	Доля мусульман в стране, %	Доля исламских финансов, %	ВВП, млн долл. США (2024 г.)	Доля в ВВП основных секторов экономики, %
Корзина 2. Страны Персидского залива (Персидские монархии)				
I группа				
Саудовская Аравия	91,15%	74,9%	1 085 358	20% – нефтяной сектор
ОАЭ	65,52%	22,7%	514 130 ¹⁶	30% – углеводороды.
Катар	63,94%	28,6%	213 003	70% – сжиженный природный газ
II группа				
Кувейт	74,6%	51%	163 716 ¹⁷	90% – нефть
Оман	52,38%	16,6%	106 943	70% – нефтегазовый сектор
Бахрейн	63,94%	16,1%	46 192	47,94% – сектор услуг; 47,89% – промышленность; 21,44% – производство
Корзина 3. Мусульманские страны с экономическим (финансовым) потенциалом				
I группа				
Индонезия	88,25%	8%	1 396 300	41,8% – сектор услуг (банковское дело и туризм); 41,4% – промышленность; 21,7% – сельское хозяйство.
Турция	98,14%	8,7%	1 323 255	54,1% – сектор услуг (туризм 12%); 28,4% – вторичный сектор; 6,2% – сельское хозяйство
Бангладеш	91,28%	25,3%	437 420 ¹⁸	51,11% – сектор услуг; 34,59% – промышленность; 11% – сельское хозяйство
Малайзия	61,3%	35,5%	419 617	37,4% – сектор услуг (туризм, финансы); 23,4% – производственный сектор
II группа				
Египет	94,74%	5,2%	383 109	51,3% – сектор услуг (туризм, розница); 32,1% – вторичный сектор
Пакистан	96,46%	20%	373 078	50,65% – сектор услуг; 23,37% – сельское хозяйство; 20,76% – промышленность

¹⁶ Данные за 2023 г.

¹⁷ Данные за 2023 г.

¹⁸ Данные за 2023 г.

Продолжение табл. 2

Страна	Доля мусульман в стране, %	Доля исламских финансов, %	ВВП, млн долл. США (2024 г.)	Доля в ВВП основных секторов экономики, %
Ирак	98%	9,7%	270 799	95% – нефтяной сектор
Алжир	99%	2,21%	247 789	45,6% – третичный сектор (банковский сектор); 37,98% – вторичный сектор (нефть); 13,1% – сельское хозяйство
Марокко	99%	2%	144 438	30% – сельское хозяйство; 24,6% – промышленность; 10% – добыча полезных ископаемых
Иордания	97,2%	17,8%	51 163 ¹⁹	60,7% – услуги (коммуникации и финансы); 24,8% – промышленность; 4,8% – сельское хозяйство
Тунис	89,02%	5,1%	48 451 ²⁰	60,32% – сектор услуг; 22,98% – промышленность; 14,42% – производство; 10,09% – сельское хозяйство
Корзина 4. Мусульманские страны с нестабильной экономикой				
Ливия	97%	20%	45 096 ²¹	77,34% – промышленность (нефть); 25,42% – услуги; 1,77% – сельское хозяйство
Сирия	83,33%	данные отсутствуют	23 632 ²²	44,94% – услуги; 43,06% – сельское хозяйство; 12% – промышленность.
Йемен	99,07%	40%	23 534 ²³	70% – добыча и переработка нефти
Ливан	67,8%	23%	17 937 ²⁴	88,62% – сектор услуг (туризм, финансы); 2,39% – промышленность; 1,19% – сельское хозяйство
Палестина	89,9%	17,4%	17 848 ²⁵	58,33% – сектор услуг; 17,39% – промышленность; 5,75% – сельское хозяйство

¹⁹ Данные за 2023 г.

²⁰ Данные за 2023 г.

²¹ Данные за 2023 г.

²² Данные за 2022 г.

²³ Данные за 2022 г.

²⁴ Данные за 2023 г.

²⁵ Данные за 2023 г.

Окончание табл. 2

Страна	Доля мусульман в стране, %	Доля исламских финансов, %	ВВП, млн долл. США (2024 г.)	Доля в ВВП основных секторов экономики, %
Корзина 5. Страны – потенциальные экспортеры исламских финансов²⁶				
США	1,05%	793,48 млн долл. США ²⁷	29 184 900	20,7% – финансы, страхование, недвижимость, аренда и лизинг; 13% – профессиональные и деловые услуги; 11,4% – правительство; 10,3% – производство
Китай	3,6%	данные отсутствуют	18 743 802	добыча и переработка руды (уголь, железо, сталь, алюминий и другие металлы), машиностроение
Сингапур	15,6%	данные отсутствуют	547 387	70,9% – сектор услуг (банки); 20–25% – производственный сектор
Гонконг	4,1%	данные отсутствуют	407 107	55% – финансы, торговля, логистика, туризм
Люксембург	2,34%	23,38 млн долл. США	93,197	80% – сектор услуг; 10,7% – промышленность
Корзина 6. Европейские страны с мусульманским населением – потенциальные потребители исламских продуктов и услуг				
Германия	5,54%	149,34	4 659 929	
Великобритания	5,86%	126,72	3 643 834	
Франция	10%	69,39	3 162 079	
Италия	4,8%	64,87	2 372 775	
Испания	2,53%	61,85	1 722 746	
Нидерланды	2,22%	отсутствует	1 227 544	
Бельгия	7,6%	отсутствует	664 564	
Швейцария	5,18%	отсутствует	636 564	
Швеция	6,87%	отсутствует	610 118	
Австрия	8%	отсутствует	521 642	
Норвегия	3,29%	отсутствует	483 727	
Дания	5,4%	отсутствует	429 457	
Лихтенштейн	5,39%	отсутствует	6474 ²⁸	

²⁶ Возможно и для исламских финансов – прим. автора.

²⁷ По США и странам Европы данные приведены в абсолютных значениях, в связи с отсутствием в открытом доступе официальных данных по доле рынка исламских финансов. – Прим. автора.

²⁸ Данные за 2017 г.

Составлено автором по вышеприведенной информации из Таблицы 1, а также из следующих источников: URL: <https://countryeconomy.com/> (запрос по странам в таблице); <https://www.statista.com/statistics/1318520/indonesia-operating-income-of-islamic-banks/>; URL: <https://www.worlddata.info/asia/china/economy.php>; URL: <https://asiafundmanagers.com/indonesia-economy/>; URL: <https://international.groupecreditagricole.com/en/international-support/turkiye/economic-overview>; URL: <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/sa/pdf/2023/saudi-arabia-budget-report-2024.pdf>; URL: <https://www.factually.gov.sg/corrections-and-clarifications/where-does-government-revenue-come-from>; URL: <https://u.ae/en/information-and-services/finance-and-investment/budget/federal-finance>; URL: <https://www.imoney.my/articles/budget-2025-revenue>; <https://www.china-briefing.com/news/hong-kong-budget-2025-26-what-businesses-need-to-know/>; URL: <https://www.china-briefing.com/news/hong-kong-budget-2025-26-what-businesses-need-to-know/>; URL: <https://international.groupecreditagricole.com/en/international-support/egypt/economic-overview>; URL: <https://www.statista.com/statistics/383256/pakistan-gdp-distribution-across-economic-sectors/>; <https://www.globaltenders.com/economy-of-iraq>; URL: <https://international.groupecreditagricole.com/en/international-support/algeria/economic-overview>; URL: <https://www.worlddata.info/asia/qatar/economy.php>; URL: <https://oosga.com/economies/sgp/>; URL: <https://www.worldatlas.com/articles/what-are-the-biggest-industries-in-kuwait.html>; URL: <https://international.groupecreditagricole.com/en/international-support/morocco/economic-overview>; URL: <https://www.statista.com/statistics/727246/share-of-economic-sectors-in-the-gdp-in-sudan/>; URL: https://www.pwchk.com/en/tax/publications/revitalising-hong-kong-economy_en.pdf; URL: <https://www.pwc.com/m1/en/tax/documents/2025/oman-budget-2025.pdf>; URL: <https://www.statista.com/statistics/438359/share-of-economic-sectors-in-the-gdp-in-bangladesh/>; <https://globaledege.msu.edu/countries/bahrain/economy>; URL: <https://globaledege.msu.edu/countries/tunisia/economy>; URL: <https://www.statista.com/statistics/455657/share-of-economic-sectors-in-the-gdp-in-libya/>; URL: <https://www.statista.com/statistics/326616/share-of-economic-sectors-in-the-gdp-in-syria/>; URL: <https://www.globaltenders.com/economy-of-yemen>; URL: <https://www.statista.com/statistics/1423912/share-of-economic-sectors-in-the-gdp-in-palestine/>; <https://www.statista.com/statistics/380275/luxembourg-gdp-distribution-across-economy>; <https://www.statista.com/statistics/248004/percentage-added-to-the-us-gdp-by-industry>

Попадание стран в вышеуказанные корзины было обусловлено многими факторами, одним из которых было экономическое развитие. Однако в некоторых регионах, в том числе странах Персидского залива, Малайзии и Индонезии, действует полноценная двойная банковская система, состоящая из обычных банков и ИФИ [Junaidi, 2024] и только в двух странах в мире осуществляет свою деятельность 100%-й исламский банкинг – эти страны были объединены в *Корзину 1*.

В *Корзину 2* были объединены страны Персидского залива, при этом в первую группу попали экономически развитые монархии, в которых деятельность ИФИ поддерживается на уровне государства благодаря, в том числе доходной части бюджета. Разделение на группы в *Корзине 2* обусловлено прежде всего не только объемами экономик, но и вкладом этих стран в развитие исламских финансовых систем. Несмотря на то, что начиная с 1991 г. в Бахрейне располагается и функционирует головной офис ААОИФИ (Организация по бухгалтерскому учету и аудиту для исламских финансовых институтов), являющейся ведущей международной некоммерческой организацией и отвечающей за разработку и выпуск стандартов для мировой исламской финансовой индустрии²⁹, в самой стране объемы исламского финансирования занимают примерно 16% от всего финан-

²⁹ ААОИФИ. URL: <https://aaoifi.com/our-history/?lang=en> (accessed: 17.05.2025).

сового сектора страны, а показатели ВВП показывают, что Бахрейн пока не может полноценно составлять конкуренцию в исламском финансировании, в том числе более сильным странам региона, таким как Саудовская Аравия и ОАЭ.

Страны, имеющие потенциал в экономическом развитии, а также гипотетически претендующие на место финансовых центров в своих регионах, попали в *Корзину 3*. Важно отметить, что в Малайзии располагается IFSB (Совет по исламским финансовым услугам), и ее рынки, наряду с рынками Индонезии, являются крупнейшими агрегаторами исламских финансов в Юго-Восточной Азии³⁰. Занимая выгодное географическое положение, Турция стремится в полной мере использовать это преимущество, стремясь стать не только политическим мостом между Востоком и Западом, но и финансовым центром всего Причерноморья. В этой связи целью Турецкого правительства является увеличение к 2025 г. доли исламских банков – в банковском секторе должна была составить 15%³¹.

Бангладеш является одним из лидеров в области исламской финтех-индустрии, несмотря на его высокие страновые риски³².

Вторая группа стран в этой корзине имеет не ярко выраженный потенциал в развитии исламского финансирования. Небольшие данные по объемам исламского финансирования в этих странах и их экономические показатели ВВП, показывают на иной вектор развития финансовых систем, в котором исламское финансирование является важным, но не приоритетным направлением³³, кроме, возможно, Пакистана, власти которого поставили перед собой цель к 2027 г. полностью привести свой банковский сектор в соответствие с шариатом согласно директивы Федерального шариатского суда Пакистана³⁴.

Экономика стран, оказавшихся в *Корзине 4*, показывает нестабильные результаты. Так, несмотря на представленные в целом неплохие дан-

³⁰ Более подробно см.: [Бабенкова, 2024].

³¹ Turkish Islamic Banks Dashboard: 2024 // Fitch Ratings. 05.03.2024. URL: [https://www.fitchratings.com/research/banks/turkish-islamic-banks-dashboard-2024-05-03-2024#:~:text=Market%20Share%20Gains%3A%20The%20market,%25%20\(10.1%25\)%2C%20respectively](https://www.fitchratings.com/research/banks/turkish-islamic-banks-dashboard-2024-05-03-2024#:~:text=Market%20Share%20Gains%3A%20The%20market,%25%20(10.1%25)%2C%20respectively) (accessed: 17.05.2025).

³² Global Islamic Fintech Report 2023/24 // DinarStandard and Elipses. URL: <https://salaamgateway.com/specialcoverage/islamic-fintech-2023>; Global Islamic Fintech Report 2024/25 // DinarStandard and Elipses. URL: <https://www.qfc.qa/-/media/project/qfc/qfcwebsite/documentfiles/research/global-islamic-fintech-report-2024-25.pdf> (accessed: 17.05.2025).

³³ Например, в Марокко планируется увеличение к 2024 г. доли исламского финансирования с 2% до 5%. См.: Morocco's Islamic Finance Industry Is Nascent; Faces Key Challenges // Fitch Ratings. 15.03.2023. URL: <https://www.fitchratings.com/research/islamic-finance/morocco-islamic-finance-industry-is-nascent-faces-key-challenges-15-03-2023> (accessed: 17.05.2025).

³⁴ Kimberley Long. Pakistan's bumpy road to Islamic finance goals // The Financial Times. 15.02.2024. URL: <https://www.thebanker.com/content/e54ed145-c219-567a-b71a-ef0f16590c6a> (accessed: 17.05.2025).

ные, Ливан является страной, находящейся на грани дефолта³⁵. В настоящее время в Сирии очень неспокойная политическая обстановка, однако по состоянию на 2020 г. в стране функционировали следующие исламские банки: «o Cham Bank», «Syria International Islamic Bank» и «Albaraka Bank-Syria», а также две страховые компании, работающие по принципам исламского страхования: «Al-Aqeelah Takaful Insurance» и «Syrian Islamic Insuran», а в 2021 г. был создан четвертый банк – «National Islamic Bank»³⁶. Несмотря на то, что основными секторами экономики Ливана и Йемена являются добыча и переработка нефти, их экономическое положение и состояние финансового сектора постоянно испытывает последствия политических проблем, вызванные внешними и внутренними факторами³⁷. Экономика и финансовый сектор Палестины полностью зависят от Израиля, при этом страна пыталась развивать свои финансовые направления, включая инновации, но обострившаяся фаза палестино-израильского конфликта свела к минимуму эти начинания³⁸.

Существующая жесткая конкуренция за осуществление контроля над растущими исламскими финансовыми активами происходит не только со стороны исламских стран, но и со стороны таких финансовых гигантов, как Нью-Йорк, Сингапур³⁹ и Гонконг, Китай. Эти страны составили *Корзину 5*. Каждая страна, представленная в этой корзине, не имеет в своей финансовой системе полноценной части исламского банкинга, как в тех же странах Персидского залива, и они не являются мусульманскими странами, но, анализируя их деятельность на международных рынках капитала, можно отметить их колоссальный «экспортный потенциал исламского финансирования».

Например, Сингапур занял 23-е место в мире по общему уровню развития исламских финансов, став вторым по уровню развития исламским финансовым рынком среди стран с мусульманским меньшинством. Кроме того, крупные компании прибегают к исламскому финансированию в качестве альтернативы традиционному финансированию. Уровень образования и осведомленности об исламских финансах в Сингапуре неуклонно растет благодаря инициативам «IFSG», «iBantu», «Maybank», «MUIS», «Modern Muslim Finance», «FAiWA», «Mendaki», но рост сектора исламского финансирования в стране в течение последнего десятилетия был относительно мед-

³⁵ Более подробно см.: [Бабенкова, 2023].

³⁶ Mahmoud Al Homs. Islamic finance in Syria: Does the crisis matter? // Islamic Finance News. 01.2020. URL: <https://kantakji.com/files/LYvQs.pdf> (accessed: 17.05.2025).

³⁷ Более подробно см.: [Бабенкова, 2018], [Финансово-экономическая система Йемена..., 2020].

³⁸ Более подробно см.: [Бабенкова, Марьясис, 2022].

³⁹ В 2023 г. Сингапур занял первое место среди финансовых центров Азии, опередив Гонконг.

ленным, однако прогнозируется, что ситуация изменится, учитывая недавнее возрождение исламского финансирования в Юго-Восточной Азии⁴⁰.

Мультикультурная и открытая экономическая среда Гонконга способствует развитию исламских финансов. В 2013 г. Гонконг внес поправки в правила выпуска исламских облигаций. В 2014, 2015 и 2017 гг. были выпущены три сукук на общую сумму 3 млрд долл. США. В 2023 г. в городе был зарегистрирован биржевой фонд Саудовской Аравии, а в 2024 г. Гонконгская фондовая биржа добавила Биржу ценных бумаг Абу-Даби и Финансовый рынок Дубая в список признанных фондовых бирж⁴¹.

Несмотря на отсутствие формальной законодательной базы, частный сектор в Китае и Гонконге прилагает большие усилия для развития исламского финансирования. Сотрудничество Китая с Малайзией и другими восточными партнерами указывает на растущую потребность в использовании исламского финансирования для ускорения роста становых рынков⁴².

Как видно из табл. 1, в Китае проживает мусульманское население, но информация о функционировании полноценного исламского финансирования отсутствует и, возможно, в краткосрочной и среднесрочной перспективе страна не будет развивать данную отрасль для удовлетворения финансовых потребностей мусульманского населения Китая. В декабре 2009 г. «Банк Нин Ся» открыл исламское финансовое окно и запустил три направления: инвестиционный счет, финансовый менеджмент и торговлю с наценкой, став первым пилотным банком в материковом Китае, который продвигал исламские финансовые продукты и услуги. В марте 2009 г. Центральный комитет Революционной КНР выдвинул предложение о развитии исламских финансов в Китае на Всекитайской народной политической консультативной конференции [Yan Hao and others, 2022].

Однако по внешнеэкономическому контуру целесообразно отметить, что Китайская инициатива «Один пояс, один путь» (BRI), запущенная в 2013 г., является примером не только экономической дипломатии, направленной на укрепление инфраструктуры и расширение влияния Китая во всем мире. Благодаря масштабным инвестициям в Азии, Африке и Европе страна стремится улучшить свое логистическое значение в мире, усилить экономические связи и стать драйвером для продвижения меж-

⁴⁰ Aziz M., Radzi M. R. First Half 2024 Islamic Finance Country Report for Singapore // Islamic Finance Singapore. URL: https://islamicfinancesg.com/1h2024_report/ (accessed: 17.05.2025).

⁴¹ Chai Hua. Hong Kong ready for Islamic finance takeoff // China Daily Information Co (CDIC). 27.09.2024. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202409/27/WS66f63b11a310f1265a1c53c3.html> (accessed: 17.05.2025).

⁴² China & Hong Kong: Exploring Islamic finance opportunities // Islamic Finance News. 19.11.2024. URL: <https://www.islamicfinancenews.com/china-hong-kong-exploring-islamic-finance-opportunities.html> (accessed: 17.05.2025).

дународного экономического и торгового сотрудничества. Большинство стран, расположенных вдоль этого маршрута, являются исламскими странами и в этой связи исламское финансирование могло бы внести свой вклад в развитие вышеуказанной инициативы.

Порядка 43 организаций в США предоставляют финансовые продукты и услуги, соответствующие нормам шариата. Крупнейшими игроками по размеру активов являются «LARIBA American Islamic Finance» и дочерняя компания «University Bank» – «University Islamic Financial». «JP Morgan» одним из первых в 2013 г. запустил исламские банковские услуги, а «Standard Chartered Bank» представил исламские банковские продукты через свое подразделение «Saadiq» в более чем 70 странах Азии, Европы, Ближнего Востока и США⁴³.

Люксембург является давним партнером финансовых сообществ мусульманских стран Азии и Ближнего Востока. Страна подтвердила свою репутацию исламского финансового центра, так как именно Люксембург стал первой европейской страной, разрешившей работать исламской страховой компании, а также зарегистрировавшая сукук на европейском рынке, а Центральный банк Люксембурга стал первым банком, который официально принял в своих нормах законы шариата⁴⁴.

Корзина 6 представляет собой свод европейских стран, в которых проживает мусульманское население. На долю европейских стран в 2024 г. приходилось более 30% от мирового рынка исламских финансов⁴⁵. В этих юрисдикциях исламские финансовые институты либо полноправно присутствуют и функционируют, либо еще выходят на рынок. По нашему мнению, данный тренд направлен не только на удовлетворение потребностей растущего мусульманского населения, как часть мультикультурной политики, но и для дальнейшего заключения соглашений со значимыми партнерами из стран Глобального Юга в рамках расширения доступа к новым рынкам в части поиска выходов из сложившийся сложной геоэкономической обстановки.

Россия не попала ни в одну из вышеприведенных корзин, так как нельзя полноценно сказать, с какими экономическими и финансовыми результатами закончится эксперимент по внедрению партнерского финан-

⁴³ Muhammad Zubair Mughal. The Development of Islamic Finance in the USA: A Journey of Growth and Opportunity // Financial IT. 01.10.2024. URL: <https://financialit.net/blog/islamicfinance-usa/development-islamic-finance-usa-journey-growth-and-opportunity> (accessed: 17.05.2025).

⁴⁴ Islamic Finance, Luxembourg for Finance (LFF) is the Agency for the Development of the Financial Centre. URL: https://www.alfi.lu/getattachment/baa86cf1-6760-46bb-956b-5c7dddc2dd40/app_data-import-alfi-lff_brochure_islamic_finance.pdf (accessed: 17.05.2025).

⁴⁵ Europe Islamic Financing Market Report 2025 // Cognitive Market Research. URL: <https://www.cognitivemarketresearch.com/regional-analysis/europe-islamic-financing-market-report> (accessed: 17.05.2025).

сирования в стране [Федеральный закон от 04.08.2023 № 417-ФЗ]⁴⁶. Достигнутые на конец 2024 г. финансовые результаты составили 3,8 млрд руб.,⁴⁷ при этом потенциал российского финансового рынка партнерского финансирования оценивался экспертами в 1 трлн руб.⁴⁸ Это показывает, что Россия имеет очень неплохие возможности для развития своих собственных исламских финансовых институтов и может стать в долгосрочной перспективе страной – экспортером исламских финансов.

Как было отмечено ранее, в мире наблюдаются переломные геополитические и геоэкономические процессы и в этой связи целесообразно отметить определенную экспансию индустрии исламских финансов на новые рынки в мире. Экспансия эта имеет *эндогенные и экзогенные факторы*, среди которых отмечается, в том числе, удовлетворение потребностей в этичных продуктах и услугах растущего мусульманского населения, выстраивание альтернативной (независимой) финансовой системы с уменьшением силы притяжения к финансовым центрам, работающим на основных валютах, получение новых финансовых выгод от экспорта исламских финансовых продуктов услуг, подкрепленного различными внутригосударственными и межстрановыми инициативами.

Литература / References

1. Акимов А. В. Сценарии развития стран Востока на долгосрочную перспективу // Восточная аналитика. 2012. № 3. С. 5–13. [Akimov A. V. Scenarios for the long-term development of Eastern countries // Eastern Analytics. 2012. No. 3. P. 5–13 (in Russian)].
2. Бабенкова С. Ю. Финансовая система Ливии как отражение политической жизни страны // Ученые записки Российской академии предпринимательства. Научно-практическое издание. 2018. Т. 17, № 1. М.: Российская академия предпринимательства; Агентство печати «Наука и образование». С. 17–26. [Babenkova S. Yu. The financial system of Libya as a reflection of the country's political life // Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship. Scientific and practical publication. 2018. Vol. 17, No. 1. Moscow: Russian Academy of Entrepreneurship; Press Agency «Science and Education». P. 17–26 (in Russian)].
3. Бабенкова С. Ю. Ливанские метаморфозы: от рассвета до заката // Восточная аналитика. 2023. № 4. С. 19–29. [Babenkova S. Yu. Lebanese metamorphoses: from dawn to dusk // Eastern Analytics. 2023. No. 4. P. 19–29 (in Russian)]. DOI: 10.31696/2227-5568-2023-04-019-029

⁴⁶ Федеральный закон от 04.08.2023 № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁴⁷ Банк России. URL: https://www.cbr.ru/analytics/develop/2024_1/ (дата обращения: 18.05.2025).

⁴⁸ «Очень маленькие цифры...»: на KazanForum подвели итоги эксперимента с исламским банкингом // БизнесOnline. 16.05.2025. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/672332> (дата обращения: 18.05.2025).

4. Бабенкова С. Ю. Развитие исламской финансовой системы: новая архитектурная модель для мировой экономики // Страны Азии и Африки на пути к многополярному миру: коллективная монография / отв. ред. и сост. И. В. Дерюгина. М.: ИВРАН, 2024. [Babenkova S. Yu. Development of the Islamic financial system: a new architectural model for the global economy // Countries of Asia and Africa on the way to a multipolar world: collective monograph / ed. and compiled by I. V. Deryugina. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2024. (in Russian)]. ISBN 9785907846371
5. Бабенкова С. Ю., Марьясис Д. А., Морозов В. М. Не конфликтом единым: потенциал цифрового взаимодействия Израиля и Палестины // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 2. С. 320–341. [Babenkova S. Yu., Maryasis D. A., Morozov V. M. Not just conflict: the potential of digital interaction between Israel and Palestine // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2022. Vol. 22. No. 2. Pp. 320–341 (in Russian)]. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-320-341
6. Федеральный закон от 04.08.2023 № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
7. Финансово-экономическая система Йемена: восстановление возможно? // Ученые записки Российской академии предпринимательства. Научно-практическое издание. 2020. Т. 19, № 2. М.: Рос. ак. пред-ва; Агентство печати «Наука и образование». С. 8–31. [Yemen's Financial and Economic System: Is Recovery Possible? // Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship. Scientific and Practical Publication. 2020. Vol. 19, No. 2. Moscow: Russian Academy of Entrepreneurship; Science and Education Press Agency. P. 8–31 (in Russian)]. DOI: 10.24182/2073-6258-2020-19-2-8-31
8. Яковлев А. И. Страны востока: вызов «культурной глобализации» // Вестник Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. С. 104–115. [Yakovlev A. I. Countries of the East: the challenge of «cultural globalization» // Bulletin of Moscow University. Series 25. International relations and world politics. 2009. No. 1. P. 104–115 (in Russian)]. URL: https://fmp.msu.ru/attachments/article/268/YAKOVLEV_1_2009.pdf
9. Ahmad Abdul Rahim, Naima Ismail, H. Aldaikey, Mohamad Sabri bin Haron. Weakness of Islamic Finance on Libyan Small Projects: North Africa Bank as a Study Case // IOSR Journal of Economics and Finance. 2019. Vol. 10, Issue 4. Ser. II (Jul. – Aug 2019). P. 65–74.
10. Al-Harethi Abobakr Ramadhan Salem. The Role Of Islamic Banks In Yemen In Supporting Microfinance Institutions // Jurnal Ekonomi dan Bisnis Islam. 2018. Vol. 3. No. 2. P. 121–126. URL: <https://media.neliti.com/media/publications/273251-the-role-of-islamic-banks-in-yemen-in-su-eba4a1f1.pdf>
11. Junaidi J. Islamic banks' contribution to Indonesia districts' economic growth and poverty alleviation // Journal of Economics, Finance and Administrative Science. 2024. Vol. 29. No. 58. P. 294–308. DOI: 10.1108/JEFAS-06-2021-0097

12. Soederberg S. On the contradictions of the New International Financial Architecture: Another procrustean bed for emerging markets? // *Third World Quarterly*. Vol. 23. No. 4. P. 607–620. DOI: 10.1080/0143659022000005292
13. Usman A. A., Huda M. I. M., Sa'ad A. A. Diplomacy and The Birth of Islamic Finance As An Alternative Financing Source for The Global South // *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. 2022. Vol. 12, No. 8. P. 1181–1197. DOI:10.6007/IJARBS/v12-i8/14404
14. Yan Hao, Mohamed Hisham Haji Yahya, Malisah Latip, Muhammad Hafiz Ali. Islamic Finance in China: Current Landscape and Future Forward // *The Journal of Muamalat and Islamic Finance Research*. 2022. Vol. 19. No. 2. P. 88–101. DOI: 10.33102/jmifr.v19i2.46

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Банк России. URL: https://www.cbr.ru/analytics/develop/2024_1/ (дата обращения: 18.05.2025).
2. «Очень маленькие цифры...»: на KazanForum подвели итоги эксперимента с исламским банкингом // *БизнесOnline*. 16.05.2025. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/672332> (дата обращения: 18.05.2025).
3. Al Emid. Islamic Finance 2015 // *Growth Strategies in Lebanon, Global Finance Magazine*. 12.06.2015. URL: <https://gfmag.com/award/award-winners/islamic-finance-lebanon/#:~:text=The%20Islamic%20banks'%20share%20is,owned%20by%20Qatar%20Islamic%20Bank> (accessed: 05.05.2025).
4. Chai Hua. Hong Kong ready for Islamic finance takeoff // *China Daily Information Co (CDIC)*, 27.09.2024. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202409/27/WS66f63b11a310f1265a1c53c3.html> (accessed: 17.05.2025).
5. China & Hong Kong: Exploring Islamic finance opportunities // *Islamic Finance News*. 19.11.2024. URL: <https://www.islamicfinancenews.com/china-hong-kong-exploring-islamic-finance-opportunities.html> (accessed: 17.05.2025).
6. Europe Islamic Financing Market Report 2025 // *Cognitive Market Research*. URL: <https://www.cognitivemarketresearch.com/regional-analysis/europe-islamic-financing-market-report> (accessed: 17.05.2025).
7. Fintechs: A new paradigm of growth // *McKinsey & Company*. 24.10.2023. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/fintechs-a-new-paradigm-of-growth> (accessed: 05.05.2025).
8. Global Islamic Fintech Report 2023/24 // *DinarStandard and Elipses*. URL: <https://salaamgateway.com/specialcoverage/islamic-fintech-2023> (accessed: 17.05.2025).
9. Global Islamic Fintech Report 2024/25 // *DinarStandard and Elipses*. URL: <https://www.qfc.qa/-/media/project/qfc/qfcwebsite/documentfiles/research/global-islamic-fintech-report-2024-25.pdf>. (accessed: 17.05.2025).
10. Islamic Finance, Luxembourg for Finance (LFF) is the Agency for the Development of the Financial Centre. URL: https://www.alfi.lu/getattachment/baa86cf1-6760-46bb-956b-5c7dddc2dd40/app_data-import-alfi-lff_brochure_islamic_finance.pdf (accessed: 17.05.2025).

11. Islamic financial sector – statistics & facts, Statista. 20.03.2025. URL: <https://www.statista.com/topics/6345/islamic-financial-sector/#topicOverview> (accessed: 05.05.2025).
12. Kimberley Long. Pakistan's bumpy road to Islamic finance goals // *The Financial Times*. 15.02.2024. URL: <https://www.thebanker.com/content/e54ed145-c219-567a-b71a-ef0f16590c6a> (accessed: 17.05.2025).
13. Mahmoud Al Homsy. Islamic finance in Syria: Does the crisis matter? // *Islamic Finance News*. 01.2020. URL: <https://kantakji.com/files/LYvQs.pdf> (accessed: 17.05.2025).
14. Maryam Aziz. Muhammad Ridhwaan Radzi. First Half 2024 Islamic Finance Country Report for Singapore // *Islamic Finance Singapore*. URL: https://islamicfinance.sg.com/1h2024_report/ (accessed: 17.05.2025).
15. Morocco's Islamic Finance Industry Is Nascent; Faces Key Challenges // *Fitch Ratings*. 15.03.2023. URL: <https://www.fitchratings.com/research/islamic-finance/moroccos-islamic-finance-industry-is-nascent-faces-key-challenges-15-03-2023> (accessed: 17.05.2025).
16. Muhammad Zubair Mughal. The Development of Islamic Finance in the USA: A Journey of Growth and Opportunity // *Financial IT*. 01.10.2024. URL: <https://financialit.net/blog/islamicfinance-usa/development-islamic-finance-usa-journey-growth-and-opportunity> (accessed: 17.05.2025).
17. Turkish Islamic Banks Dashboard: 2024 // *Fitch Ratings*. 05.03.2024. URL: [https://www.fitchratings.com/research/banks/turkish-islamic-banks-dashboard-2024-05-03-2024#:~:text=Market%20Share%20Gains%3A%20The%20market,%25%20\(10.1%25\)%2C%20respectively](https://www.fitchratings.com/research/banks/turkish-islamic-banks-dashboard-2024-05-03-2024#:~:text=Market%20Share%20Gains%3A%20The%20market,%25%20(10.1%25)%2C%20respectively) (accessed: 17.05.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бабенкова Светлана Юрьевна – канд. экон. наук, старший научный сотрудник Отдела экономических исследований Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Babenkova Svetlana Yu. – PhD (Econ.), Senior scientific officer, Department of Economic Research, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 02.06.2025.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 05.06.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 02.06.2025.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 05.06.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 327 + 339 (569.5 + 569.1)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2025-03-029-051>

ОТНОШЕНИЯ ИОРДАНИИ И СИРИИ ПОСЛЕ СВЕРЖЕНИЯ РЕЖИМА АСАДА

Александр Владимирович Демченко

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
demchok@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-2344-5879>

Аннотация. Статья анализирует иордано-сирийские отношения после свержения режима Башара Асада в декабре 2024 г. и прихода к власти исламистской группировки «Хайят Тахрир аш-Шам»¹ во главе с Ахмедом аш-Шараа. Исследование выделяет три ключевых направления политики Аммана: выстраивание отношений с новыми властями, в т. ч. в сфере безопасности, проблему возвращения сирийских беженцев, оказавшихся в Иордании в годы конфликта, восстановление и планы развития торгово-экономических связей. Активное участие Иордании в многосторонней дипломатии способствовало легитимации правительства аш-Шараа и приостановке действия западных санкций. Вопрос возвращения сотен тысяч сирийских беженцев, оказывающих значительную нагрузку на экономику и социальную структуру Иордании, остается острым. Несмотря на резкое увеличение числа репатриантов, автор отмечает наличие серьезных препятствий для массового возвращения сирийцев, связывая их с экономическими трудностями и сохраняющейся нестабильностью в Сирии. В экономической сфере происходит быстрое восстановление транспортного сообщения и товарооборота Иордании с Сирией после отмены ограничений и временного ослабления санкций США. Статья подчеркивает заинтересованность иорданского бизнеса в участии в постконфликтном восстановлении Сирии и реализации совместных инфраструктурных проектов. В заключении отмечается, что, несмотря на сохраняющиеся риски (вмешательство внешних акторов, внутренняя нестабильность и неопределенность в Сирии), уход Асада открыл для Иордании уникальную возможность для развития многоплановых отношений с северным соседом.

Ключевые слова: Иордания, Сирия, Ахмед аш-Шараа, безопасность, сирийские беженцы, торгово-экономическое сотрудничество

Для цитирования: Демченко А. В. Отношения Иордании и Сирии после свержения режима Асада. *Восточная аналитика*. 2025;16(3):29-51. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2025-03-029-051>

Original article. Economics studies

JORDAN-SYRIA RELATIONS IN THE POST-ASSAD ERA

Aleksandr Demchenko

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
demchok@yandex.ru, <http://orcid.org/0009-0000-2344-5879>

¹ Организация признана террористической и запрещена в РФ.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Abstract. The article analyzes the Jordanian-Syrian relations following the overthrow of Bashar al-Assad's regime in December 2024 and the rise to power of the Islamist group Hayat Tahrir al-Sham, led by Ahmed al-Sharaa. The study identifies three key directions of Amman's policy: establishing relations with the new authorities, including in the security sphere; addressing the issue of the return of Syrian refugees who had been residing in Jordan during the years of conflict; and the restoration and development plans of trade and economic ties. Jordan's active participation in multilateral diplomacy has contributed to the legitimization of al-Sharaa's government and the suspension of Western sanctions. The repatriation issue of hundreds of thousands of Syrian refugees, who exert significant pressure on Jordan's economy and social structure, remains acute. Despite a sharp increase in the number of returnees, the author notes serious obstacles to large-scale repatriation, linking them to economic difficulties and ongoing instability in Syria. Economically, the rapid restoration of transport links and trade turnover between Jordan and Syria occurs after the lifting of restrictions and the temporary easing of U.S. sanctions. The article highlights the interest of Jordanian business sectors in participating in post-conflict reconstruction in Syria and the implementation of joint infrastructure projects.

In conclusion, despite persistent risks (external actors' interference, internal instability, and uncertainty in Syria), Assad's departure has opened a unique opportunity for Jordan to restore multifaceted relations with its northern neighbor.

Keywords: Jordan, Syria, Ahmed al-Sharaa, security, Syrian refugees, post-conflict reconstruction in Syria, trade and economic cooperation

For citation: Demchenko A. V. Jordan-Syria Relations in the Post-Assad Era. *Eastern Analytics*. 2025;16(3):29-51. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2025-03-029-051>

В начале декабря 2024 г. президент Сирии Башар Асад покинул страну, будучи не в состоянии продолжать дальнейшую борьбу за власть в длительном конфликте с вооруженной оппозицией. Победа исламистов из группировки «Хайят Тахрир аш-Шам» во главе с Ахмедом аш-Шараа открыла очередной этап трансформаций в Сирии, создала новые геополитические реалии на Ближнем Востоке и поставила перед многими государствами, в т. ч. сирийскими соседями, вопрос о политическом курсе в отношении нового режима. До декабрьских событий Иордания не занимала непримиримой антиасадовской позиции и была ориентирована на восстановление отношений с прежним правительством. Хашимитское королевство не принимало военного участия в сирийских делах до 2024 г., а после свержения Асада рассчитывает на использование дипломатических и экономических рычагов в отношениях с новой Сирией, дополняя их ограниченным взаимодействием в сфере безопасности.

Конец более чем полувекового правления клана Асадов – бесспорно, революционное событие в истории Сирии и привнесет новизну в сирийско-иорданские отношения. На нынешнем этапе ключевое значение для Аммана по-прежнему имеют обеспечение безопасности, возвращение

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

из Иордании сирийских беженцев и восстановление торгово-экономических отношений. Именно эти вопросы оказались в центре внимания в ходе диалога двух стран в конце 2024–2025 гг.

Выстраивание отношений с новыми властями

Бои между «Хайят Тахрир аш-Шам» и правительственными силами в провинциях Идлиб и Алеппо в конце ноября 2024 г. вызвали озабоченность руководства Иордании. Неожиданное и успешное выступление исламистов на северо-западе Сирии создавало угрозу начала нового этапа ожесточенного и длительного противостояния Дамаска и оппозиции при поддержке их зарубежных партнеров, тем более что предыдущий опыт сирийского конфликта, в котором и режим, и оппозиция демонстрировали определенный запас прочности и способность выживать и бороться, не исключал такой сценарий. Например, поступали сведения о готовности Ирана направить 20 тыс. бойцов шиитских милиций Ирака и иранского Корпуса стражей исламской революции, если Военно-космические силы России поддержат переброску этих сил, но иностранное вмешательство в конфликт на стороне Асада по ряду причин не произошло [Ахмедов, 2025, с. 27].

На этом фоне 1 декабря глава МИД Хашимитского королевства Айман ас-Сафади провел телефонный разговор со своим сирийским коллегой Бассамом Саббагом и высказался за политическое решение сирийского кризиса. Как сообщали иорданские СМИ, ас-Сафади выразил глубокую обеспокоенность Иордании ухудшающейся ситуацией и подтвердил неизменную приверженность королевства единству, суверенитету и стабильности Сирии, осудив любые угрозы безопасности². Детали разговора остались неизвестными, но тональность сообщений о нем была вполне благоприятной для сирийских властей.

Когда вооруженные столкновения начались на юге Сирии, Иордания 6 декабря закрыла пограничный переход «Насиб». Исключение было сделано для иорданских граждан, возвращавшихся в королевство³. На следующий день отряды оппозиции установили контроль над Хомсом и подошли к Дамаску на расстояние 20 км, к вечеру правительственные силы покинули пригороды столицы, 8 декабря город оказался в руках антиправительственных группировок, а президент покинул страну. Реакция Иордании была быстрой и соответствовала доминирующим регио-

² FM, Syrian counterpart discuss developments in Aleppo, Idlib // Ammon News. 01.12.2024. URL: <https://en.ammonnews.net/article/76820> (accessed: 20.08.2025).

³ Interior Minister decides to close Jaber Border Crossing with Syria // Jordan News Agency (Petra). 06.12.2024. URL: https://www.petra.gov.jo/Include/InnerPage.jsp?ID=66168&lang=en&name=en_news (accessed: 20.08.2025).

нальным и международным оценкам, когда многие страны приветствовали свержение режима, при этом предостерегая победившую оппозицию от проявлений радикализма. На срочном заседании Совета национальной безопасности Иордании 8 декабря король Абдалла II заявил о поддержке сирийцев и уважении их политического выбора. Он подчеркнул необходимость обеспечить безопасность и стабилизацию обстановки в Сирии и избегать конфликтов, которые могли бы привести к хаосу⁴. Эти формулировки еще не означали полного признания власти исламистов, а скорее свидетельствовали о выжидательной позиции Аммана. В немалой степени осторожность и внимание со стороны властей Иордании к изменениям в Сирии и группировке «Хайят Тахрир аш-Шам» были продиктованы еще и внутривнутриполитическими соображениями, так как победителями в сирийском конфликте оказались силы, связанные с политическим исламом, и стоял вопрос, какое влияние это окажет на настроения в среде иорданских исламистов, и так взбудораженных из-за израильской военной операции в секторе Газа.

Иордания развила активную дипломатическую деятельность в связи с сирийскими событиями, способствуя выработке позиции Лиги арабских государств (ЛАГ) в отношении смены власти в Сирии. Акаба стала площадкой для представительных переговоров по сирийскому вопросу. По приглашению главы МИД Иордании 14 декабря состоялась встреча министров иностранных дел стран – членов Арабской министерской контактной группы по Сирии. Кроме Хашимитского королевства в переговорах приняли участие Саудовская Аравия, Ирак, Ливан, Египет, ОАЭ, Бахрейн, Катар и генеральный секретарь ЛАГ. В Акабу также прибыли госсекретарь США Э. Блинкен, представители Франции, Германии, Великобритании и Турции.

Члены Контактной группы обсудили потрясения последних недель и приняли совместное заявление ЛАГ по Сирии. Документ был выдержан в благожелательном для новой сирийской власти духе, но выражал осторожность и обрисовывал ожидания арабских стран. Было сказано о намерениях «оказывать ему [сирийскому народу] всю необходимую помощь и поддержку на этом критическом этапе и уважать его волю и выбор». Арабские страны выступили за прекращение боевых действий и сохранение властных институтов, чтобы уберечь страну от сползания к хаосу. Говорилось о необходимости обеспечения территориальной целостности, суверенитета, стабильности и безопасности сирийской республики

⁴ King at National Security Council meeting says Jordan stands with Syrians, respects their will, choices // Royal Hashemite Court. 08.12.2024. URL: <https://kingabdullah.jo/en/news/king-national-security-council-meeting-says-jordan-stands-syrians-respects-their-will-> (accessed: 20.08.2025).

и ее граждан. Осуждалось вторжение Израиля в буферную зону с Сирией и территории, прилегающие к ней на горе Хермон и в провинциях Кунейтра и Риф-Димашк. Наилучший сценарий виделся в скорейшем окончании вооруженного противостояния, недопущении нового витка гражданской войны и массовых репрессий в отношении этноконфессиональных меньшинств, возвращении сирийских беженцев. Арабские страны были заинтересованы в проведении в Сирии мирного переходного процесса, в котором приняли бы участие все сирийские политические и общественные силы, в формировании инклюзивного временного руководящего органа и переходе к новой политической системе, которая отвечала бы чаяниям сирийского народа со всеми его компонентами. Указывалось на необходимость принятия новой конституции и проведения свободных и справедливых выборов под наблюдением ООН. Участники совещания отметили актуальность резолюции Совета Безопасности ООН № 2254 от 2015 г., в которой, кстати, говорилось, что сирийские группировки, признанные СБ террористическими, включая «Исламское государство Ирака и Леванта»⁵ и «Фронт ан-Нусра»⁶, должны быть исключены из участия в процессе политического урегулирования в Сирии⁷.

Аш-Шараа, стремясь скорее добиться легитимации своей власти и снятия санкций, старался развеять опасения арабских стран по поводу рисков, связанных с приходом исламистов и указать на положительные стороны сирийских событий. В интервью саудовской газете «Аш-Шарк аль-Аусат» 20 декабря он подчеркнул: «...Мы сосредоточены на государственном строительстве. Революция завершилась падением режима, и мы не позволим ей распространиться на другие страны. Сирия не станет источником угроз или дестабилизации обстановки в любой арабской стране или стране Залива». Аш-Шараа заявил о прекращении иранского влияния в Сирии, которую Тегеран, по словам лидера «Хайят Тахрир аш-Шам», использовал, чтобы «...контролировать ключевые арабские столицы, разжигать войны и дестабилизировать ситуацию в регионе Залива с помощью наркотиков, таких как каптагон»⁸. Ослабление влияния Ирана в регионе, которое последовало за израильской операцией против «Хизбаллы» в 2024 г. и было усилено свержением Асада, можно соотнести с дав-

⁵ Организация признана террористической и запрещена в РФ.

⁶ Организация признана террористической и запрещена в РФ.

⁷ Full statement from Arab countries' meeting on Syria // The National. 15.12.2024. URL: <https://www.thenationalnews.com/news/mena/2024/12/15/full-statement-from-arab-countries-meeting-on-syria/> (accessed: 20.08.2025).

⁸ Al-Sharaa to Asharq Al-Awsat: Revolution Ended with Regime's Fall, Will Not Be Exported // Asharq Al-Awsat. 20.12.2024. URL: <https://english.aawsat.com/interviews/5093482-al-sharaa-asharq-al-awsat-revolution-ended-regime-s-fall-will-not-be-exported> (accessed: 20.08.2025).

ними озабоченностями Иордании, чей король с 2000-х гг. предостерегал от формирования «шиитской дуги» на Ближнем Востоке [Демченко, 2013, с. 107–108].

Параллельно Иордания вела консультации с рядом ближневосточных государств и западных лидеров. Американское издание «Axios» писало о секретных переговорах Иордании с Израилем, на которых, как сообщалось, обсуждались возможные угрозы с сирийской территории⁹. Консультации с Тель-Авивом вполне соответствовали прагматичному духу внешней политики королевства, так как стороны, несмотря на противоречия по палестинскому вопросу, ведут активный диалог по проблемам региональной безопасности.

23 декабря Сирию посетил министр иностранных дел Иордании Айман ас-Сафади. Он оказался одним из первых глав внешнеполитических ведомств на Ближнем Востоке, наряду с турецким и катарским коллегами, кто поспешил установить личный контакт с новым руководством Сирии. Тем более что для Турции и Катара, которые поддерживали «Хайят Тахрир аш-Шам», аш-Шараа был известным партнером. На переговорах иорданская сторона более всего проявила интерес к торгово-экономическим отношениям, участию в восстановлении Сирии, возвращению беженцев, обеспечению безопасности в приграничных регионах, борьбе с терроризмом, наркотрафиком и контрабандой оружия из Сирии¹⁰. Спустя две недели ас-Сафади вновь оказался в Дамаске во главе представительной иорданской делегации, куда входили силовики и министр энергетики и полезных ископаемых. Стороны договорились сформировать двустороннюю комиссию по вопросам приграничной безопасности¹¹.

Продолжением международного диалога, начатого в Акабе, стала встреча министров иностранных дел арабских государств и представителей ряда западных стран в Эр-Рияде 12 января 2025 г. На этот раз на ней присутствовал новый глава МИД Сирии Асаад аш-Шибани. Для Иордании важно было то, что на конференции был поднят вопрос о снятии международных санкций с Сирии¹². Ас-Сафади заявил о необходимости уважения суверенитета Сирии и сохранения ее территориальной целостности и акцентировал внимание на том, что процесс возрождения страны должен

⁹ Ravid Barak. Scoop: Israel and Jordan held secret talks on Syria // Axios. 14.12.2024. URL: <https://www.axios.com/2024/12/14/syria-israel-jordan-secret-talks> (accessed: 20.08.2025).

¹⁰ «Stand by our Syrian brothers», says Jordan FM after meeting al-Sharaa // Al Jazeera. 23.12.2024. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2024/12/23/stand-by-our-syrian-brothers-says-jordan-fm-after-meeting-al-sharaa> (accessed: 20.08.2025).

¹¹ Jordan, Syria foreign Ministers meet in Amman // Roya News. 07.01.2025. URL: <https://en.royanews.tv/news/56610> (accessed: 20.08.2025).

¹² Riyadh Meetings Presidency Issues Statement on Syria // The Saudi Press Agency. 12.01.2025. URL: <https://www.spa.gov.sa/en/N2241515> (accessed: 20.08.2025).

вестись самими сирийцами¹³. Его высказывание отражало опасения Иордании, что на сирийской арене продолжится соперничество между региональными тяжеловесами, не исключена попытка Ирана взять реванш, Израиль ужесточит односторонние действия по обеспечению своей безопасности, а его присутствие на юге будет притягивать радикалов-идеалистов, ставящих борьбу с Израилем на первое место в отличие от национально ориентированных прагматиков под руководством аш-Шараа.

Еще через месяц, 13 февраля, глава МИД Иордании участвовал в Парижской конференции по Сирии. Как пишет российский дипломат А. Г. Аксененок, после ухода Асада обозначилось своего рода разделение ролей ближневосточных государств в отношении Сирии: «Арабские монархии Персидского залива приняли принципиальное решение спасти “послеасадовскую” Сирию экономически, исходя из широких региональных соображений. В это же время Турция взяла на себя обеспечение безопасности, подготовку армии и специальных служб и советнические функции» [Аксененок, 2025, с. 14]. Заместитель министра иностранных дел Турции Нух Йылмаз предложил план по созданию региональной антитеррористической коалиции по борьбе с «ИГИЛ» в составе Турции, Сирии, Ирака и Иордании, которая бы заменила коалицию во главе с США и с участием западных стран и могла бы рассматривать все варианты действий – от обмена разведданными до совместных операций¹⁴. Иордания, соглашаясь на участие в коалиции, принимала во внимание, что вопросы безопасности для королевства являются не менее важными, чем экономическое сотрудничество с Сирией, а Турция стала самым влиятельным игроком на сирийском поле, и диалог с ней необходим. Встреча представителей пяти стран (к перечисленным государствам добавился Ливан) прошла в Аммане 9 марта 2025 г. Иорданский Центр стратегических исследований, оценивая переговоры, отмечал, что у участников встречи есть различия в подходах к сирийскому досье, но они единодушны в понимании необходимости обеспечить стабильность Сирии, что зависит от решения вопросов безопасности, возвращения беженцев, снятия санкций, восстановления страны, развития экономического сотрудничества и активизации механизмов международной поддержки. По мнению авторов доклада, Сирия «страдает от двухуровневой анархии: первая – анархия международной (и региональной) системы, а вторая – слабый контроль центрального правительства над узлами управления в различных частях страны». Проявлением этой двойственности являются три кризиса: бес-

¹³ FM at Riyadh meetings: We must ensure Syria's unity, cohesion, and sovereignty // Ammon News. 12.01.2025. URL: <https://en.ammonnews.net/article/77992> (accessed: 20.08.2025).

¹⁴ Кербелов Н. Дамасскую сталь отдают в другие руки // Коммерсантъ. 13.02.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7498889> (дата обращения: 20.08.2025).

порядки на побережье в местах компактного проживания алавитов, проникновение Израиля на юг Сирии и его явное стремление использовать водный вопрос для легитимации своих действий, и курдская проблема на северо-востоке. Поддержка сирийского правительства со стороны участников встречи в Аммане направлена на преодоление двухуровневого кризиса, отмечали авторы доклада¹⁵.

Дальнейший ход международных совещаний по Сирии отвечал интересам Иордании, так как дело постепенно продвигалось в сторону снятия санкций с Дамаска. 17 марта в Брюсселе прошла девятая донорская конференция по Сирии. А в середине мая президент США Дональд Трамп совершил турне по некоторым странам Персидского залива, в ходе которого он встретился со своим сирийским коллегой. Вскоре за этим последовало решение США приостановить на 180 дней действие санкций, принятых в рамках «Акта Цезаря», что создавало благоприятные условия для развития торгово-экономического сотрудничества Иордании с Сирией. В конце мая об отмене всех экономических санкций, введенных против Сирии, сообщил Совет ЕС.

Параллельно Иордания углубляла диалог с сирийским правительством. 26 февраля состоялся визит президента аш-Шараа¹⁶ в Иорданию, который стал его третьей зарубежной поездкой после посещений Саудовской Аравии 2 февраля и Турции 4 февраля¹⁷. Визит сирийского главы укреплял международные позиции и легитимность новой власти (за 8 месяцев 2025 г. аш-Шараа совершил 14 зарубежных визитов). В центре внимания сирийско-иорданских переговоров ожидаемо оказались вопросы безопасности, экономического сотрудничества и возвращения сирийских беженцев. Значимой темой стали силовые действия Израиля в отношении Сирии, его притязания на роль гаранта безопасности дружеской общины на юге страны, подкреплявшиеся заявлением израильского премьер-министра Б. Нетаньяху о необходимости демилитаризации трех сирийских южных провинций и о том, что Израиль не допустит присутствия там боевиков «Хайят Тахрир аш-Шам»¹⁸.

¹⁵ Al-Momani Hasan, Al-Adaileh Bilal, Al-Bandak Lina. A Readout to the Syria's Neighboring Countries Meeting. Amman, March 2025. Pp. 2–3 // Center for Strategic Studies. URL: <https://jcsc.org/en/11938/a-readout-to-the-syrias-neighboring-countries-meeting-amman-march-2025/> (accessed: 20.08.2025).

¹⁶ Ахмед аш-Шараа 29 января 2025 г. был официально объявлен президентом Сирии на переходный период.

¹⁷ King meets Syria president, reiterates Jordan's support for rebuilding Syria // Royal Hashemite Court. 27.02.2025. URL: <https://kingabdullah.jo/en/news/king-meets-syria-president-reiterates-jordan-support-for-rebuilding-syria-1> (accessed: 20.08.2025).

¹⁸ Israel won't allow HTS forces in southern Syria, Netanyahu says // Reuters. 23.02.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/israel-wont-allow-hts-forces-southern-syria-netanyahu-says-2025-02-23/> (accessed: 20.08.2025).

Известный иорданский политический аналитик и бывший член кабинета министров М. Абу Румман в статье для интернет-портала «The Middle East Eye» отмечал, что ситуация на юге Сирии обсуждалась на встречах иорданских и турецких официальных лиц. Он предположил, что именно Анкара рекомендовала аш-Шараа обсудить ситуацию вокруг южной Сирии с Иорданией. Абу Румман допускал, что гипотетически «активная роль» Иордании в южной Сирии может варьироваться от «оказания влияния на дружескую общину, поддержания стабильности в Дераа» до «установления военного присутствия и обеспечения безопасности на юге вдоль сирийско-израильской границы». Абу Румман пришел к выводу, что таким образом могли бы быть разрешены опасения Израиля относительно угроз с юга Сирии, а израильская пропаганда лишилась бы ключевого оправдания действий против северного соседа. При этом автор оговаривался, что в истории нет примеров, чтобы Иордания решала вопросы безопасности на сирийской территории, «но сегодня иная ситуация». «Хотя Иордания, возможно, и придерживается давнего принципа избегания конфликтов за пределами своих границ и не решается размещать войска за рубежом, ее будущее участие в Сирии может быть легитимным, если будет достигнуто соглашение с Дамаском и оно будет поддержано Турцией и другими региональными государствами», – допускал иорданский аналитик. Интерес Иордании, по его мнению, состоит в том, чтобы противодействовать «политическому нарративу, продвигаемому израильскими правыми в США и разделяемому трампистами, который изображает “Хайят Тахрир аш-Шам” как расширение “Аль-Каиды”¹⁹ и предполагает, что меньшинства в Сирии находятся под угрозой. Если Иордания останется пассивной или медленно отреагирует, могут возникнуть серьезные последствия – не только для Сирии, но и для национальной безопасности Иордании»²⁰. Несмотря на смелые рекомендации и недооценку прагматичного подхода администрации Д. Трампа к «Хайят Тахрир аш-Шам», публикация Абу Руммана хорошо отражала тревогу властей Иордании по поводу сохранения напряженности на Голанских высотах, которая воспринимается Амманом как угроза нормализации обстановки внутри Сирии и фактор риска для развития ее отношений с северным соседом, а также обрисовывала возможные параметры международного сотрудничества с участием Аммана.

В некоторой степени прогноз о вовлечении Иордании в дела в южной Сирии сбылся. Так, в августе 2025 г. была создана рабочая группа Сирия –

¹⁹ Организация признана террористической и запрещена в РФ.

²⁰ Mohammad Abu Rumman. Jordan must act to curb Israel's expansionism in Syria // Middle East Eye. 28.02.2025. URL: <https://www.middleeasteye.net/opinion/jordan-must-act-curb-israels-expansionism-syria> (accessed: 20.08.2025).

Иордания – США. Ее целями стали укрепление режима прекращения огня в провинции Сувейда, введенного президентом Сирии 19 июля после столкновений между ополченцами и силами самообороны друзов, поддержка политического процесса на основе резолюции СБ ООН № 2254 и координация гуманитарной помощи и восстановления сирийской экономики. Создание трехсторонней рабочей группы продемонстрировало, что Иордания действует из убеждения, что стабильность Сирии критична для стабильности Иордании и всего региона, а поддержка США рассматривается как необходимое условие успеха на сирийском направлении.

Возвращение сирийских беженцев

Иордания является второй страной в мире по количеству беженцев на душу населения (приблизительно 1,3 млн зарегистрированных и незарегистрированных беженцев на 11,5 млн человек). Массовый приток сирийцев после 2011 г. привел к многомерному кризису, обострив существующие системные социально-экономические и общественно-политические проблемы, и создал угрозу трансграничного перелива конфликта. Иордания обладает слабыми возможностями абсорбции беженцев. Ситуацию усугубляет то, что страна с ее многосоставным характером населения (восточноиорданцы и граждане палестинского происхождения) особенно чувствительна к нарушению межобщинного баланса из-за беженцев, если они останутся на постоянной основе, как это произошло с палестинцами в Ливане и самой Иордании в результате первой арабо-израильской войны. Несмотря на международную помощь, беженцы создают большую нагрузку на иорданскую экономику и социальную инфраструктуру [Демченко, 2019, с. 130].

Ко времени свержения Асада на территории Иордании оставалось почти 620 тыс. зарегистрированных ООН беженцев и порядка 700 тыс. незарегистрированных. Темпы возвращения беженцев были низкими, и присутствие сирийцев в Иордании приняло долгосрочный характер. По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), озвученным в конце ноября 2024 г., за неполный прошлый год из Иордании в Сирию вернулись 5,5 тыс. беженцев. Общее число вернувшихся с 2016 г. составило 74,7 тыс. человек. Несколько большее число сирийцев предпочло уехать из Иордании в третьи страны – 6,3 тыс. человек на конец октября 2024 г. (в 2023 г. – 9,8 тыс.)²¹.

После падения режима Асада начался резкий рост числа возвращающихся на родину сирийцев в сравнении с предыдущими годами, что привело к появлению оптимистичных прогнозов. Так, директор по Ближнему

²¹ More than 5,000 Syrian refugees have returned to their country in 2024 // Ammon News. 25.11.2024. URL: <https://en.ammonnews.net/article/76701> (accessed: 20.08.2025).

Востоку и Северной Африке УВКБ ООН в конце 2024 г. прогнозировала отъезд миллиона беженцев в первом полугодии 2025 г.²² из примерно 5,5 млн сирийцев, нашедших убежище в разных странах региона, в том числе в Иордании.

Последние обобщающие цифры таковы: по данным специального сайта-счетчика, запущенного иорданскими властями, со времени открытия сирийско-иорданской границы в октябре 2018 г. в Сирию по состоянию на конец августа 2025 г. вернулось 190,5 тыс. зарегистрированных беженцев, из них после 8 декабря 2024 г. – 137,7 тыс. Причем наиболее высокие показатели отмечены в январе-феврале и июне-июле. Подавляющее большинство (77%) составляли беженцы, проживавшие вне лагерей. 56% возвратов – это семьи в полном составе, в 44% случаях возвращаются только некоторые члены семьи, а их родственники пока остаются в Иордании. Большой разницы между числом вернувшихся мужчин и женщин нет. В основном возвращаются жители сирийских провинций Дераа и Хомс²³. Данные по числу вернувшихся незарегистрированных сирийских беженцев нам найти не удалось.

У сирийцев, несмотря на желание вернуться домой, распространены осторожные настроения. Сам вопрос о реэмиграции закономерно стал одним из самых обсуждаемых в их среде. Опрошенные СМИ беженцы в одном из иорданских лагерей в числе аргументов в пользу того, чтобы повременить с возвращением называли отсутствие денег, чтобы обустроиться в Сирии, разрушенное жилье и инфраструктуру, сомнения в возможности найти работу на родине, неуверенность в собственной безопасности. Поездка в Сирию также связана с опасениями беженцев, что иорданские власти не пустят их обратно, если на родине им не понравится²⁴. В конце декабря иорданское МВД разъяснило, что уезжать в Сирию и потом снова возвращаться в Иорданию разрешено двум категориям сирийцев: сирийцам и их семьям, которые владеют определенным капиталом в Иордании, и сирийцам с иорданским гражданством²⁵.

²² Syrians to return in six months // The Middle East Monitor. 17.12.2024. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20241217-un-refugee-agency-expects-1-million-syrians-to-return-in-six-months/> (accessed: 20.08.2025).

²³ Voluntary returns of Syrian refugees from Jordan. UNHCR Jordan. URL: <https://app.powerbi.com/view?r=eyJrIjoiMzViMjJkNmMlMzhkOC00ZDBhLTlkYzltZWQ0ODQzZGY1NzVklwidCI6ImU1Yz-M3OTgxLTU2NjQtNDEzNC04YTJLTU1NDNkMmFmODBiZSIsImMiOiJh9> (accessed: 26.08.2025).

²⁴ Dbeis H., Hamou A. Relatively few Syrians in Jordan risk one-way trip home // SYRIA DIRECT. 02.01.2025. URL: <https://syriadirect.org/relatively-few-syrians-in-jordan-risk-one-way-trip-home/> (accessed: 20.08.2025).

²⁵ Аль-Урдун йакшфу ан аль-масмух лахум биль-мугадара ва-д-духуль абра «Джабир» иля Сурия [Разъяснение МВД Иордании о категориях сирийцев, имеющих право на перемещение через переход Джабер] // Аль-Мамляка. 23.12.2024. URL: <https://www.almamlakatv.com/news/158028-سوريا-إلى-معبر-جابر-عبر-المغادرة-والدخول-لها-بالمسموح-عن-الفئات-المسموح-لها-بالمغادرة-والدخول-عبر-معبر-جابر-إلى-سوريا> (accessed: 20.08.2025) (на араб.яз.).

Неправительственной международной организацией Humanity & Inclusion в интересах УВКБ ООН в феврале 2025 г. был проведен выборочный опрос среди 710 сирийских беженцев в Иордании. 33,8% опрошенных ответили, что готовы вернуться, 18,2% еще не определились, а 48% не готовы возвращаться в Сирию. Выяснилось, что 36% не видели угроз безопасности при возвращении, остальные 64% считали ситуацию в Сирии неподходящей для репатриации²⁶. Самый важный итог этих наблюдений, на наш взгляд, состоял в том, что произошла колоссальная перемена настроений среди сирийцев после ухода Асада, ведь в марте-апреле 2024 г. в ближайший год были готовы вернуться лишь 2% опрошенных²⁷.

Результаты исследования сохраняют актуальность спустя несколько месяцев после опроса и дают хорошее представление о факторах, влияющих на решения сирийских беженцев относительно возвращения в Сирию. Хотя значительная часть респондентов по-прежнему колеблется или не желает возвращаться, те, кто готов к репатриации, основными мотивами называют улучшение безопасности на родине и желание воссоединиться с родственниками. Однако экономические ограничения, отсутствие услуг и жилищные трудности остаются существенными препятствиями²⁸. Не исключено что, отток сирийцев из Иордании будет идти относительно стабильно пока не вернуться те самые 30–40% оптимистично настроенных беженцев, а потом последует замедление темпов. Возвращению беженцев также может препятствовать то, что часть из них укоренена в иорданской экономике, получившей некоторые выгоды от притока дешевой рабочей силы.

Совокупность опасений беженцев и проблем постконфликтного восстановления Сирии является серьезным ограничителем для более массовой реэмиграции. Число вернувшихся в декабре 2024 г. – первой половине 2025 г. хотя и значительно в абсолютных цифрах и в сравнении с предыдущими годами, но недостаточно, чтобы прогнозировать в 2025–2026 гг., а возможно и в 2027 г., полное решение проблемы сирийских беженцев в Иордании.

Из трех возможных сценариев развития ситуации с беженцами, предложенных профессором иорданского университета Хусейна бен Талаля

²⁶ Report 2025. Intention of Syrian Refugees in Jordan // ReliefWeb. 28.04.2025. P. 4. URL: <https://reliefweb.int/report/jordan/intention-syrian-refugees-jordan> (accessed: 20.08.2025).

²⁷ Ninth Regional Survey on Syrian Refugees' Perceptions & Intentions on Return to Syria Egypt, Iraq, Jordan, Lebanon. June 2024 // ReliefWeb. P. 10. URL: <https://reliefweb.int/report/lebanon/ninth-regional-survey-syrian-refugees-perceptions-and-intentions-return-syria-rpis-egypt-iraq-jordan-lebanon-june-2024> (accessed: 20.08.2025).

²⁸ Report 2025. Intention of Syrian Refugees in Jordan // ReliefWeb. P. 11. URL: <https://reliefweb.int/report/jordan/intention-syrian-refugees-jordan> (accessed: 20.08.2025).

в декабре 2024 г., самый оптимистичный и определенный им как маловероятный предполагает массовое возвращение в короткие сроки. Этот вариант можно считать маловероятным и спустя несколько месяцев после ухода Асада ввиду сохранения политических, экономических, социальных проблем, неустойчивой ситуации в сфере безопасности, что продемонстрировали репрессии против алавитов в марте 2025 г. Кстати, на весну как раз пришлось снижение числа репатриировавшихся сирийцев. Второй сценарий предполагает постепенное и организованное возвращение значительных групп беженцев, необходимыми условиями которого является успешный процесс постконфликтного восстановления Сирии, наличие четкого плана, организация сверху самого процесса реэмиграции и сотрудничество между иорданскими и сирийскими властями и помощь со стороны международного сообщества. Третий сценарий подразумевает неорганизованное постепенное возвращение части беженцев в отдельные наиболее благополучные районы Сирии, в то время как другая часть беженцев предпочтет пока оставаться в Иордании²⁹. К этим сценариям для полноты можно добавить четвертый вариант – возврат к низким показателям репатриации времен правления Асада. Но перечисленные выше проблемы в Сирии всё же не столь масштабны, чтобы свести реэмиграцию к минимальным цифрам. За полгода, прошедших после смены власти в Дамаске, статистика возвращения беженцев, их настроения и положение в Сирии подтверждают, что реализуется и, вероятно, в ближайшее время сохранит актуальность третий вариант развития событий. Но даже следование этому пути означает заметный прогресс, ставший возможным благодаря смене власти.

Восстановление торгово-экономических связей

Сирия является давним транспортно-логистическим и торгово-экономическим партнером Иордании. Через сирийскую территорию осуществляется сообщение с Ливаном, Турцией и обеспечивается выход к Средиземному морю. Через Иорданию и Сирию идет сухопутный транзит товаров из Египта и из стран Персидского залива на север и наоборот. Товарооборот между Иорданией и Сирией в 2004–2011 гг. вырос с 341 млн до 631 млн долл. Иорданский экспорт увеличился со 133 млн до 255 млн долл. Импорт из Сирии вырос со 208 млн до 376 млн долл.³⁰

²⁹ Dajah Hasan. Scenarios for the return of Syrian refugees in Jordan after the fall of the Assad regime // Ammon News. 24.12.2024. URL: <https://en.ammonnews.net/article/77438> (accessed: 20.08.2025).

³⁰ Подсчитано по: Prospects for Trade and Economic Cooperation Between Jordan and Syria // Jordan Strategy Forum. December 2024. P. 9. URL: <https://jsf.org/uploads/Prospects%20for%20Trade%20and%20Economic%20Cooperation%20Between%20Jordan%20and%20Syria.pdf> (accessed: 20.08.2025).

После 2011 г. конфликт в Сирии и западные санкции против Дамаска нанесли серьезный ущерб экономике Сирии, торгово-экономическим отношениям с Хашимитским королевством и затруднили транзит товаров. Граница была закрыта по иорданской инициативе в апреле 2015 г., когда в результате битвы за пограничный переход «Насиб» сирийские правительственные силы уступили контроль над ним вооруженной оппозиции. Переход на морские поставки из-за войны в Сирии оказался более затратным и привел к росту цен на импортные товары в Иордании, а местные банки потеряли часть прибыли, так как ранее получали доход от коммерческих операций с Сирией [Николаичева, 2022, с. 93].

В 2023 г. товарооборот между Иорданией и Сирией составил 146 млн долл. Наиболее низкие показатели характерны для двух периодов: для 2015–2018 гг., когда была закрыта граница, и после 2020 г. – с момента вступления в силу «Акта Цезаря». Очень незначительный подъем наблюдался в 2019 г. Доля Сирии во внешней торговле Иордании также резко сократилась: экспорт упал с 5,4% в 2007 г. до менее чем 1% в 2023 г. Импорт из Сирии снизился с 2,7% до 0,2% за тот же период. Сократилась номенклатура товаров во взаимной торговле. Если до конфликта в обмене участвовали 75 категорий товаров, то в 2023 г. – всего 45. Больше всего пострадала торговля продуктами питания, овощами, скотом, текстилем и коврами, строительным камнем и цементом. Сирия прекратила поставлять на иорданский рынок нефтепродукты, металлоизделия, продукцию пищевой промышленности³¹.

Хотя в октябре 2018 г. иордано-сирийская граница была открыта, восстановление прежнего объема торговли было затруднено и фактически забуксовало, так как по ряду причин процесс постконфликтной реконструкции Сирии запустить не удалось. Положение усугубилось после появления американского «Акта о защите гражданского населения Сирии», более известного как «Акт Цезаря» (подписан президентом США Д. Трампом 20 декабря 2019 г. и вступил в силу 17 июня 2020 г.). Предусматривалось введение вторичных санкций против физических и юридических лиц, связанных с сирийской добывающей, перерабатывающей промышленностью, а также банковским сектором, строительством, торгово-инвестиционной и энергетической отраслями. Как пишет Т. Е. Николаичева, Иордания и Ливан оказались странами, наиболее пострадавшими от применения санкций [Николаичева, 2022, с. 91–93].

³¹ Prospects for Trade and Economic Cooperation Between Jordan and Syria // Jordan Strategy Forum. December 2024. P. 9–10. URL: <https://jsf.org/uploads/Prospects%20for%20Trade%20and%20Economic%20Cooperation%20Between%20Jordan%20and%20Syria.pdf> (accessed: 20.08.2025).

Несколько лет Абдалла II пытался добиться для Иордании исключения из режима санкций. Амман уговаривал США поддержать своего союзника в регионе, чья экономика и социальная сфера в последние годы находятся в тяжелом положении, что является одной из причин периодически вспыхивающих уличных протестов. Еще одним аргументом, на который надеялась иорданская сторона, было то, что экономическое восстановление Сирии, коль скоро Асад удержался у власти, позволит уменьшить политическое влияние Тегерана на Дамаск, который обеспечил там себе заметное экономическое присутствие. Как отмечает А. С. Богачева, правительство Асада относилось к экономическим инициативам Тегерана весьма настороженно, поскольку иранское влияние в стране было и без того значительно, и сирийские власти не могли игнорировать растущее присутствие Ирана в экономике [Богачева, 2020, с. 76–77]. О пользе смягчения санкций в отношении Сирии по именно геополитическим мотивам рассуждал Фарес Брайзат, глава иорданской консалтинговой компании NAMA Strategic Intelligence Solutions, говоривший в интервью американской газете «The Christian Science Monitor»: «Если вы [США] не позволяете арабским странам, в частности Иордании и Египту, работать в Сирии из-за санкций, то вы, по сути, даете иранцам больше свободы действий, больше доступа и больше причин оставаться в Сирии по просьбе сирийского правительства»³². Однако вашингтонские противники послаблений в применении «Акта Цезаря», полагавшие, что это укрепит режим Асада и будет способствовать его постепенной реабилитации, оказались сильнее.

После 8 декабря 2024 г. начался процесс быстрого восстановления сирийско-иорданских торгово-экономических отношений на фоне изменения позиции Запада и региональных игроков по вопросу о сотрудничестве с Сирией. Наибольший прогресс в первые месяцы после победы сирийской оппозиции произошел в транспортно-логистической сфере и в обеспечении поставок стройматериалов и энергоносителей из Иордании в Сирию. Растущие показатели объясняются эффектом низкой базы и свидетельствуют о давно назревшей потребности Иордании и Сирии в налаживании связей, что оказалось затруднительным в период нахождения Асада у власти даже с конца 2018 г., когда начался вялый процесс восстановления сирийско-иорданских отношений и – шире – отношений режима Асада с арабскими странами, который, как тогда казалось, смог выстоять в гражданской войне и борьбе с терроризмом.

В торгово-экономическом сотрудничестве Иордании и Сирии ключевое логистическое значение имеет сирийско-иорданский пограничный

³² Taylor Luck Rebuilding Syria: Why Arabs and the West are on a collision course // The Christian Science Monitor. 29.01.2025. URL: <https://www.csmonitor.com/World/Middle-East/2019/0129/Rebuilding-Syria-Why-Arabs-and-the-West-are-on-a-collision-course> (accessed: 20.08.2025).

переход «Насиб» и примыкающая к нему «Сирийско-иорданская свободная зона»³³. Переход был закрыт в 2015–2018 гг., а затем открылся на фоне нормализации обстановки на юге Сирии. 6 декабря 2025 г. погранпереход опять был закрыт, вновь заработал с 18 декабря. В конце декабря 2024 г. иорданская сторона сообщила о подготовке к полному открытию пограничного перехода и возобновлении работы зоны. На тот момент пункт «Насиб» работал в усеченном формате, пропуская только грузовые автомобили с товарами и гуманитарной помощью со стороны Иордании в Сирию³⁴. При этом поток грузов нарастал с каждой неделей. В период с середины декабря по 13 января в Сирию проследовали 2,6 тыс. машин. Более 50% иорданского экспорта составил цемент³⁵. Ограничения на работу Свободной зоны «Насиб» были сняты 27 января 2025 г.

Знаковым явлением стало возобновление после почти 14-летнего перерыва авиасообщения между Иорданией и Сирией. Компания «Иорданские авиалинии» 31 января совершила рейс в Дамаск, с 6 мая иорданские самолеты стал принимать аэропорт в Алеппо.

Благоприятные условия для развития торгово-экономических отношений Иордании с Сирией создает упомянутое решение США приостановить на 180 дней действие санкций, принятых в рамках «Акта Цезаря», о чем 23 мая 2025 г. сообщил госсекретарь Марко Рубио³⁶. Ослабление западных санкций в отношении Сирии открыло для Иордании возможность участия ее компаний в постконфликтной реконструкции. К перспективным проектам, интерес к реализации которых выразила Иордания, относятся развитие сирийской инфраструктуры, в том числе освещение автодорог с помощью солнечных источников энергии, жилищное строительство, коммунальное хозяйство, строительство школ, больниц и т. д. В этой сфере иорданские компании обладают опытом в реализации проектов на своей территории, в Ираке и странах Залива³⁷.

В середине марта 2025 г. начались поставки катарского газа в Сирию через территорию Иордании. По данным Сирийского государственного

³³ «Сирийско-иорданская свободная зона» была учреждена в 1975 и 1976 гг. с поправками, внесенными Соглашением об экономическом сотрудничестве между двумя странами № 18 от 2002 г. По состоянию на 2015 г. на ее территории действовало более 500 юридических лиц.

³⁴ Jordan-Syria Free Zone ready to extend working hours to facilitate trade flow // Ammon News. 24.12.2024. URL: <https://en.ammonnews.net/article/77423> (accessed: 20.08.2025).

³⁵ Jordanian products to Syria are exempt from customs duties, Ministry says // Ammon News. 13.01.2025. URL: <https://en.ammonnews.net/article/77999> (accessed: 20.08.2025).

³⁶ Caesar Act Waiver Certification // United States Department of State. 23.05.2025. URL: <https://www.state.gov/caesar-act-waiver-certification/> (accessed: 20.08.2025).

³⁷ Syria Invites Jordanian Firms to Join Reconstruction Efforts // Petra. 27.05.2025. URL: https://www.petra.gov.jo/Include/InnerPage.jsp?ID=71922&lang=en&name=en_news (accessed: 20.08.2025).

информационного агентства, объем поставок запланирован в размере около 2 млн кубометров газа в день, что обеспечит выработку 400 МВт электричества в Сирии, которая страдает от перебоев с электроэнергией, подаваемой лишь на несколько часов³⁸. Также обсуждаются планы по возобновлению поставок электричества из Иордании в Сирию по линии электропередачи напряжением 400 кВт, что делалось с 2001 г. до середины 2012 г.³⁹ По состоянию на середину 2025 г. ситуация с энергоснабжением в Сирии оставалась сложной. Поставки электричества в Сирию или Ливан способны локально и, вероятно, не в полном объеме улучшить положение, так как генерация электроэнергии в самой Иордании зависит от импортных нефти и газа.

Другой проект, по политическим причинам находящийся в подвешенном состоянии уже несколько лет, предусматривает поставки электричества из Иордании в Ливан транзитом через Сирию. Еще один транзитный проект – сделка 2022 г. между Египтом, Сирией и Иорданией – предполагает экспорт около 700 млн кубометров египетского природного газа в Ливан через иорданскую и сирийскую территории в течение десяти лет. Он также был под вопросом из-за опасений в США, что его реализация принесет экономические выгоды асадовскому правительству⁴⁰. Смена режима в Сирии возобновила интерес к транзиту электроэнергии и газа, хотя нельзя не признать хрупкость проектов. Показателем интереса сторон к этим планам стало подписание в мае 2025 г. Меморандума о взаимопонимании, учредившего Высший координационный совет для углубления сотрудничества в энергетике, водоснабжении, здравоохранении и транспорте.

В 2025 г. с мертвой точки сдвинулся диалог по вопросам водных ресурсов в целях повышения водной безопасности обеих стран в условиях климатических вызовов и сокращения водного стока пограничной реки Ярмук. Сначала прошло заседание Смешанной иордано-сирийской технической комиссии по водным вопросам. Распределение вод реки Ярмук между Иорданией и Сирией регулируется договором 1987 г. Амман при Асаде обвинял Дамаск в том, что он в одностороннем порядке возвел на притоках Ярмука плотины сверх согласованного числа, а также в несо-

³⁸ Gharaibeh S. Qatar Supplies Syria with Natural Gas in Latest Post-Assad Boost // Bloomberg. 13.03.2025. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-03-13/qatar-supplies-syria-with-natural-gas-in-latest-post-assad-boost> (accessed: 20.08.2025).

³⁹ Jordan ready to supply electricity to Syria // Anadolu Agency. 04.01.2025. URL: <https://www.aa.com.tr/en/energy/electricity/jordan-ready-to-supply-electricity-to-syria/46626> (accessed: 20.08.2025).

⁴⁰ Egypt-Lebanon gas deal crippled by US sanctions and Israel conflicts // EgyptWatch. 07.07.2022. URL: <https://egyptwatch.net/2022/07/07/egypt-lebanon-gas-deal-crippled-by-us-sanctions-and-israel-conflicts/> (accessed: 20.08.2025).

блюдении соглашения об объемах забора воды из водохранилища у плотины «Аль-Вахда», которая была построена в 2000-е гг. В результате Иордания получает всего 50–100 млн кубометров воды в год вместо 208 млн оговоренных в соглашении 1987 г. В июле Иордания и Сирия достигли договоренности о справедливом распределении водных ресурсов реки Ярмук. Стороны обсудили проблему нелегальных скважин, пробуренных в последние годы на сирийской территории, и Сирия проявила готовность решить этот вопрос. Это важно, поскольку прошлые нарушения (несанкционированное строительство плотин и бурение скважин Сирией) значительно сокращали возможности Иордании по забору воды, вызывая ежегодные потери в объеме 180–200 млн кубометров. Иордания также заинтересована в возможности поставок Сирией дополнительных объемов воды для смягчения дефицита в летние месяцы⁴¹.

В ходе второго заседания совместного технического водного комитета в Дамаске 4 августа 2025 г. Сирия и Иордания договорились о реализации совместного проекта по засеву облаков в бассейне реки Ярмук. Проект предполагает искусственную стимуляцию осадков для увеличения водных запасов в бассейне пограничной реки⁴².

Однако об урегулировании противоречий вокруг реки Ярмук говорить преждевременно. Реализация договоренностей осложняется обострением проблемы водных ресурсов в Сирии, где в 2025 г. наблюдается рекордная засуха, а борьба с незаконным отбором воды сирийскими фермерами чревата для властей политическими издержками в локальном масштабе. Немаловажное значение имеет региональный контекст, связанный с интересами Израиля по обеспечению собственной водной безопасности и расширением его присутствия на юге Сирии.

* * *

Крушение режима Асада стало неожиданным событием и открыло новый этап в отношениях Иордании и Сирии. Королевство продемонстрировало осторожную, прагматичную, активную и сбалансированную политику, направленную на стабилизацию Сирии, защиту собственных инте-

⁴¹ Стратегическое исследование: Ближний Восток после падения режима Асада (часть 2) // Научно-аналитический портал «Восточная трибуна». 11.02.2025. URL: <https://ot-portal.com/analytics/strategicheskoe-issledovanie-blizhniy-vostok-posle-padeniya-rezhima-asada-chast-2/> (accessed: 27.08.2025); Regional reactions to the transition in Syria // IISS. 06.03.2025. URL: <https://www.iiss.org/online-analysis/online-analysis/2025/03/regional-reactions-to-the-transition-in-syria/> (accessed: 27.08.2025); Elayyan Heba. Ministry of Water: Jordan and Syria agree on fair water sharing // The Jordan Times. 08.07.2025. URL: <https://jordantimes.com/news/local/ministry-of-water-jordan-and-syria-agree-on-fair-water-sharing> (accessed: 27.08.2025)

⁴² Syria and Jordan agree on joint cloud seeding project to enhance water security // The Syrian observer. 06.08.2025. URL: <https://syrianobserver.com/foreign-actors/syria-and-jordan-agree-on-joint-cloud-seeding-project-to-enhance-water-security.html> (accessed: 27.08.2025)

ресов, минимизацию угроз и повышение своего статуса в регионе. Для ключевых региональных акторов, прежде всего Израиля, Турции, Ирана, арабских монархий Залива, характерны различия в оценках произошедшего и собственные интересы [Наумкин, Кузнецов, 2025, с. 21–23]. На наш взгляд, подход Иордании тяготеет к Саудовской Аравии и ОАЭ, но некоторые элементы вовлечения в вопросы безопасности есть, и они неизбежны, учитывая общую границу с Сирией. Иордания также уклоняется от участия в силовых аспектах конфликта, делая ставку на дипломатию и экономические рычаги (имея скромные возможности в отличие от КСА, ОАЭ, Катара), но дополняет их сотрудничеством в сфере безопасности с Сирией, Турцией и другими ее соседями, а также с США.

Для развития двусторонних отношений Иордании и Сирии ключевое значение будут иметь перспективы политической нормализации и экономического восстановления. С приходом к власти аш-Шараа они выглядят как небесспорные, но пока внушающие Амману некоторый оптимизм в сравнении со стагнацией ситуации в последние годы правления Асада и ослаблением международного внимания к сирийской проблеме. Смена власти в Дамаске дала возможность ускорить восстановление всего спектра связей и перейти к преодолению негативных последствий войны. С декабря 2024 г. и в течение нескольких последующих месяцев стороны быстро наладили диалог на высшем уровне, было начато сотрудничество в сфере безопасности, запущен процесс репатриации сирийских беженцев, возобновлено торгово-экономическое сотрудничество, началось обсуждение совместных инфраструктурных и транзитных проектов, открылись перспективы участия Иордании в восстановлении экономики Сирии. Главными рисками остаются сохранение некоторой непредсказуемости ситуации в Сирии, израильское вмешательство на юге, медленные темпы постконфликтного урегулирования, фрагментация власти и риск рецидивов вооруженного противостояния.

Литература / References

1. Аксененок А. Г. Другая Сирия: «камо грядеши». № 8. М.: Центр Примакова, 2025. 19 с. [Aksenенок A. G. The Other Syria: «Quo Vadis». No. 8. Moscow: Primakov Centre, 2025. 19 p. (in Russian)].
2. Ахмедов В. М. Сирия после Асада: внутренние проблемы и региональные перспективы // Восточный курьер. 2025. № 2. С. 26–33. [Ahmedov V. Syria After Al-Assad: Domestic Challenges and Regional Perspectives // Oriental Courier. 2025. No. 2. P. 26–33 (in Russian)].
3. Богачева А. С. Политика Ирана в Сирии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 1. С. 74–80. [Bogacheva A. S. Iran's policy in Syria // Analysis and Forecasting. IMEMO Journal. 2020. No. 1. P. 74–80 (in Russian)].

4. Демченко А. В. Логика развития и перспективы преодоления кризиса беженцев в Иордании // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2019. № 2. С. 128–170. [Demchenko A. V. Refugee Crisis in Jordan: The Logic of Development and Possible Solutions // *Lomonosov World Politics Journal*. 2019. No. 2. P. 128–170 (in Russian)].
5. Демченко А. В. Российско-иорданские отношения в начале XXI века: достижения, проблемы и перспективы // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 3. С. 100–108. [Demchenko A. V. Russia – Jordan relations in the early XXI century: achievements, challenges, and prospects // *Lomonosov World Politics Journal*. 2013. No. 3. P. 100–108 (in Russian)].
6. Николаичева Т. Е. «Акт Цезаря»: американские санкции против Сирии // Восточный альманах. Сб. ст. Дипломатическая академия МИД РФ. М.: МГИМО, 2022. С. 87–99. [Nikolaicheva T. E. «The Caesar Act»: U. S. Sanctions Against Syria. // *Vostochny Almanakh*. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2022. P. 87–99 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Кербелов Н. Дамасскую сталь отдают в другие руки // Коммерсантъ. 13.02.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7498889> (дата обращения: 20.08.2025).
2. Наумкин В., Кузнецов В. Сирия и развилки ближневосточной неопределённости. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Февраль, 2025. 27 с. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/siriya-i-razvilki-neopredelyennosti/> (accessed: 20.08.2025).
3. Стратегическое исследование: Ближний Восток после падения режима Асада (часть 2) // Научно-аналитический портал «Восточная трибуна». 11.02.2025. URL: <https://ot-portal.com/analytics/strategicheskoe-issledovanie-blizhniy-vostok-posle-padeniya-rezhima-asada-chast-2/> (accessed: 27.08.2025)
4. Аль-Урдун йакшфу ан аль-масмух лахум биль-мугадара ва-д-духуль абра «Джабир» иля Сурия [Разъяснение МВД Иордании о категориях сирийцев, имеющих право на перемещение через переход Джабер] // Аль-Мамляка. 23.12.2024. URL: <https://www.almamlakatv.com/news/158028-الأردن-يكشف-عن-الفئات-المسموح-لها-بالمغادرة-والدخول-غير-معبّر-جابر-إلى-سوريا> (accessed: 20.08.2025) (на араб.яз.).
5. Al-Momani Hasan, Al-Adaileh Bilal, Al-Bandak Lina. A Readout to the Syria's Neighboring Countries Meeting. Amman, March 2022// Center for Strategic Studies. URL: <https://jcass.org/en/11938/a-readout-to-the-syrias-neighboring-countries-meeting-amman-march-2025/> (accessed: 20.08.2025).
6. Al-Sharaa to Asharq Al-Awsat: Revolution Ended with Regime's Fall, Will Not Be Exported // Asharq Al-Awsat. 20.12.2024. URL: <https://english.aawsat.com/interviews/5093482-al-sharaa-asharq-al-awsat-revolution-ended-regime's-fall-will-not-be-exported> (accessed: 20.08.2025).
7. Dajah H. Scenarios for the return of Syrian refugees in Jordan after the fall of the Assad regime // Ammon News. 24.12.2024. URL: <https://en.ammonnews.net/article/77438> (accessed: 20.08.2025).
8. Dbeis H., Hamou A. Relatively few Syrians in Jordan risk one-way trip home // Syria Direct. 02.01.2025. URL: <https://syriadirect.org/relatively-few-syrians-in-jordan-risk-one-way-trip-home/> (accessed: 20.08.2025).

9. Egypt-Lebanon gas deal crippled by US sanctions and Israel conflicts // EgyptWatch. 07.07.2022. URL: <https://egyptwatch.net/2022/07/07/egypt-lebanon-gas-deal-crippled-by-us-sanctions-and-israel-conflicts/> (accessed: 20.08.2025).
10. Elayyan Heba. Ministry of Water: Jordan and Syria agree on fair water sharing // The Jordan Times. 08.07.2025. URL: <https://jordantimes.com/news/local/ministry-of-water-jordan-and-syria-agree-on-fair-water-sharing> (accessed: 27.08.2025).
11. FM at Riyadh meetings: We must ensure Syria's unity, cohesion, and sovereignty // Ammon News. 12.01.2025. URL: <https://en.ammonnews.net/article/77992> (accessed: 20.08.2025).
12. FM, Syrian counterpart discuss developments in Aleppo, Idlib // Ammon News. 01.12.2024. URL: <https://en.ammonnews.net/article/76820> (accessed: 20.08.2025).
13. Full statement from Arab countries' meeting on Syria // The National. 15.12.2024. URL: <https://www.thenationalnews.com/news/mena/2024/12/15/full-statement-from-arab-countries-meeting-on-syria/> (accessed: 20.08.2025).
14. Gharaibeh S. Qatar Supplies Syria with Natural Gas in Latest Post-Assad Boost // Bloomberg. 13.03.2025. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-03-13/qatar-supplies-syria-with-natural-gas-in-latest-post-assad-boost> (accessed: 20.08.2025).
15. Interior Minister decides to close Jaber Border Crossing with Syria // Jordan News Agency (Petra). 06.12.2024. URL: https://www.petra.gov.jo/Include/InnerPage.jsp?ID=66168&lang=en&name=en_news (accessed: 20.08.2025).
16. Israel won't allow HTS forces in southern Syria, Netanyahu says // Reuters. 23.02.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/israel-wont-allow-hts-forces-southern-syria-netanyahu-says-2025-02-23/> (accessed: 20.08.2025).
17. Jordan ready to supply electricity to Syria // Anadolu Agency. 04.01.2025. URL: <https://www.aa.com.tr/en/energy/electricity/jordan-ready-to-supply-electricity-to-syria/46626> (accessed: 20.08.2025).
18. Jordanian products to Syria are exempt from customs duties, Ministry says // Ammon News. 13.01.2025. URL: <https://en.ammonnews.net/article/77999> (accessed: 20.08.2025).
19. Jordan, Syria foreign Ministers meet in Amman // Roya News. 07.01.2025 URL: <https://en.royanews.tv/news/56610> (accessed: 20.08.2025).
20. Jordan-Syria Free Zone ready to extend working hours to facilitate trade flow // Ammon News. 24.12.2024. URL: <https://en.ammonnews.net/article/77423> (accessed: 20.08.2025).
21. King at National Security Council meeting says Jordan stands with Syrians, respects their will, choices // Royal Hashemite Court. 08.12.2024. URL: <https://kingabdullah.jo/en/news/king-national-security-council-meeting-says-jordan-stands-syrians-respects-their-will-> (accessed: 20.08.2025).
22. King meets Syria president, reiterates Jordan's support for rebuilding Syria // Royal Hashemite Court. 27.02.2025. URL: <https://kingabdullah.jo/en/news/king-meets-syria-president-reiterates-jordans-support-for-rebuilding-syria-1> (accessed: 20.08.2025).
23. Mohammad Abu Rumman. Jordan must act to curb Israel's expansionism in Syria // Middle East Eye. 28.02.2025. URL: <https://www.middleeasteye.net/opinion/jordan-must-act-curb-israels-expansionism-syria> (accessed: 20.08.2025).

24. More than 5,000 Syrian refugees have returned to their country in 2024 // Ammon News. 25.11.2024. URL: <https://en.ammonnews.net/article/76701> (accessed: 20.08.2025).
25. Ninth Regional Survey on Syrian Refugees' Perceptions & Intentions on Return to Syria Egypt, Iraq, Jordan, Lebanon. June 2024.19 p. URL: <https://reliefweb.int/report/lebanon/ninth-regional-survey-syrian-refugees-perceptions-and-intentions-return-syria-rpis-egypt-iraq-jordan-lebanon-june-2024> (accessed: 20.08.2025).
26. Prospects for Trade and Economic Cooperation Between Jordan and Syria // Jordan Strategy Forum. December 2024. 24 p. URL: <https://jsf.org/uploads/Prospects%20for%20Trade%20and%20Economic%20Cooperation%20Between%20Jordan%20and%20Syria.pdf> (accessed: 20.08.2025).
27. Ravid B. Scoop: Israel and Jordan held secret talks on Syria // Axios. 14.12.2024. URL: <https://www.axios.com/2024/12/14/syria-israel-jordan-secret-talks> (accessed: 20.08.2025).
28. Regional reactions to the transition in Syria // IISS. 06.03.2025. URL: <https://www.iiss.org/online-analysis/online-analysis/2025/03/regional-reactions-to-the-transition-in-syria/> (accessed: 27.08.2025)
29. Report 2025. Intention of Syrian Refugees in Jordan // ReliefWeb. 28.04.2025. URL: <https://reliefweb.int/report/jordan/intention-syrian-refugees-jordan> (accessed: 20.08.2025).
30. Riyadh Meetings Presidency Issues Statement on Syria // The Saudi Press Agency. 12.01.2025. URL: <https://www.spa.gov.sa/en/N2241515> (accessed: 20.08.2025).
31. Stand by our Syrian brothers, says Jordan FM after meeting al-Sharaa // Al Jazeera. 23.12.2024. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2024/12/23/stand-by-our-syrian-brothers-says-jordan-fm-after-meeting-al-sharaa> (accessed: 20.08.2025).
32. Syria and Jordan agree on joint cloud seeding project to enhance water security // The Syrian observer. 06.08.2025. URL: <https://syrianobserver.com/foreign-actors/syria-and-jordan-agree-on-joint-cloud-seeding-project-to-enhance-water-security.html> (accessed: 27.08.2025)
33. Syria Invites Jordanian Firms to Join Reconstruction Efforts // Petra. 27.05.2025. URL: https://www.petra.gov.jo/Include/InnerPage.jsp?ID=71922&lang=en&name=en_news (accessed: 20.08.2025).
34. Taylor L. Rebuilding Syria: Why Arabs and the West are on a collision course // The Christian Science Monitor. 29.01.2025. URL: <https://www.csmonitor.com/World/Middle-East/2019/0129/Rebuilding-Syria-Why-Arabs-and-the-West-are-on-a-collision-course> (accessed: 20.08.2025).
35. Voluntary returns of Syrian refugees from Jordan. UNHCR Jordan. URL: <https://app.powerbi.com/w?r=eyJrIjoiMzViMjJkNmItMzhkOC00ZDBhLTlkYzItZWQ0OD-QzZGY1NzVkIiwidCI6ImU1YzZM3OTgxLTUyNjQtNDEzNC04YTBlLTU1NDNkMmFmODBiZSIsImMiOiJh9> (accessed: 20.08.2025).
36. Syrians to return in six months // The Middle East Monitor. 17.12.2024. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20241217-un-refugee-agency-expects-1-million-syrians-to-return-in-six-months/> (accessed: 20.08.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Демченко Александр

Владимирович – канд. ист. наук,
ученый секретарь Института
востоковедения Российской академии
наук, г. Москва, Российская Федерация

Demchenko Aleksandr V. – PhD (Hist.),

academic secretary, Institute
of Oriental Studies of the Russian
Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.09.2025.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 04.09.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 01.09.2025.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 04.09.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 327 + 339 (517.3 + 519.5)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2025-03-052-067>

СОТРУДНИЧЕСТВО МОНГОЛИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Мария Васильевна Елисеева

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
soranaya_sora@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7325-5790>

Аннотация. В статье рассматривается место и роль Монголии во внешнеполитической стратегии Республики Корея в современный период, основные сферы сотрудничества двух стран, а также факторы, влияющие на их двустороннее взаимодействие. Несмотря на фактическую отмену реализации южнокорейской «Новой Северной политики» в 2022 г., отношения двух стран переживают период расцвета, что подтверждается ростом политического и экономического взаимодействия. Монголия играет ключевую роль в деле обеспечения национальных интересов Республики Корея, предоставляя альтернативу китайскому рынку ресурсов и продвигая идею многостороннего диалога по вопросам безопасности в Восточной Азии.

Ключевые слова: сотрудничество Республики Корея и Монголии, официальная помощь развитию (ОПР), «зеленая» энергетика, ресурсная дипломатия

Для цитирования: Елисеева М. В. Сотрудничество Монголии и Республики Корея в современный период. *Восточная аналитика*. 2025;16(3):52-67. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2025-03-052-067>

Original article. Economics studies

COOPERATION BETWEEN MONGOLIA AND THE REPUBLIC OF KOREA IN THE CONTEMPORARY PERIOD

Mariia Eliseeva

Institute of Oriental Studies (Research Assistant), Moscow, Russia
soranaya_sora@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7325-5790>

Abstract: This article examines the place and role of Mongolia in the foreign policy strategy of the Republic of Korea in the contemporary period, the main areas of cooperation between the two countries, and the factors influencing their bilateral interaction. Despite the effective suspension of South Korea's «New Northern Policy» in 2022, relations between the two countries are experiencing a period of flourishing, as evidenced by the growth in political and economic cooperation. Mongolia plays a key role in advancing the national interests of the Republic of Korea by providing an alternative to the Chinese resource market and promoting the idea of multilateral dialogue on security issues in East Asia.

Keywords: Republic of Korea and Mongolia's cooperation, official development assistance (ODA), green energy, resource diplomacy

For citation: Eliseeva M. V. Cooperation between Mongolia and the Republik of Korea in the Contemporary Period. *Eastern Analytics*. 2025;16(3):52-67. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2025-03-052-067>

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Введение

Сотрудничество с Монголией занимает отдельное место во внешнеполитической стратегии Республики Корея с момента установления дипломатических отношений в 1990 г., когда две страны подписали пакет соглашений о сотрудничестве в областях экономики, инвестиций, торговли, науки, технологий и культурных обменов. С тех пор Монголия всегда упоминается в числе направлений так называемой «Северной политики» Республики Корея, которая изначально была направлена на развитие отношений с бывшими социалистическими государствами, а затем расширила свою географию до всех стран Евразии. Однако после фактического провала «Евразийской инициативы» бывшего президента Пак Кынхе южнокорейское руководство приняло решение выработать более конкретный план действий на «северном» направлении, сосредоточившись прежде всего не на участии в евразийской интеграции, а на перспективах создания системы связей с континентом через ближайших соседей [Ом Гухо, 2020, с. 359]. В связи с этим южнокорейско-монгольские отношения получили новый импульс к развитию в рамках Новой Северной политики (далее НСП), хотя Монголия всё еще занимала менее приоритетные позиции по сравнению с Китаем, Россией и Центральной Азией.

Однако ухудшение отношений Республики Корея с Россией и КНР после начала российской специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г., а также избрание на пост южнокорейского президента кандидата от консервативной партии «Сила народа» Юн Согёля, настроенного на расширение сотрудничества с США, Японией и АСЕАН, привели к заморозке большинства договоренностей в рамках НСП. Свою роль в этом сыграл и кризис межкорейских отношений. В конце концов в 2023 г. указом президента в Республике Корея был упразднен Комитет по северному экономическому сотрудничеству (кор. 북방경제협력위원회), чья задача заключалась в определении, координации и оценке эффективности «Северной политики» посредством взаимодействия с соответствующими государственными департаментами, местными органами власти, компаниями, исследовательскими институтами и т. д.¹ Несмотря на все изменения внешнеполитической обстановки, сотрудничество Республики Корея с Монголией лишь укрепилось: в период 2022–2024 гг. было зафиксировано увеличение числа контактов на высоком уровне, рост экономического сотрудничества, расширение южнокорейских инвестиций в рам-

¹ ODA Statistics // ODA Korea. URL: <https://www.odakorea.go.kr/statistic/main#/tileLayout> (accessed: 19.01.2025).

ках программы Официальной помощи развития Монголии. Очевидно, что, несмотря на огромную разницу в экономическом развитии двух стран и стремление Монголии к политическому нейтралитету, Республика Корея видит в этом государстве стратегического партнера на континенте, особенно в современных геополитических условиях.

К сожалению, в отечественной и зарубежной историографии современный этап южнокорейско-монгольских отношений рассматривается прежде всего в контексте многостороннего сотрудничества стран Северо-Восточной Азии, в то время как ключевой вопрос места и роли Монголии во внешнеполитической стратегии Республики Корея еще не получил достаточного освещения. В связи с этим в настоящей статье предпринимается попытка выделить основные сферы сотрудничества двух стран, а также факторы, влияющие на формирование южнокорейской политики в отношении Монголии в современный период.

1. Двустороннее сотрудничество

Одним из основных направлений двустороннего сотрудничества Монголии и Республики Корея является взаимодействие в рамках программы Официальной помощи развитию (ОПР) – механизма Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), сформированного в 1960-х гг. с целью сокращения разрыва между развитыми и развивающимися странами. Изначально идея заключалась в предоставлении официальным агентам государств-реципиентов (центрального и местного уровня) финансирования в виде льготного кредитования, содержащего грант-элемент (не менее 45% в случае развивающихся государств с низким уровнем дохода, не менее 15% – со средним уровнем и не менее 10% – с уровнем дохода выше среднего) [Морозкина, 2019, с. 86]. Несмотря на то, что в основе данного механизма лежат альтруистические убеждения, эмпирические исследования последних лет показывают, что геополитические и экономические интересы стран-доноров имеют гораздо больший вес в вопросе выбора «подопечных» и определения объема финансовой помощи.

Республика Корея долгое время после освобождения от японского колониального господства в 1945 г. и Корейской войны 1950–1953 гг. также была в числе стран-реципиентов финансовой помощи в рамках Программы развития ООН (ПРООН). Только в конце 1980-х – начале 1990-х гг. экономическая и политическая ситуация в государстве стабилизировалась достаточно, чтобы оно смогло примерить на себя роль донора [Суслина, 2011, с. 115]. После основания Фонда сотрудничества экономического развития (EDCF) в 1987 г. и Агентства международного сотрудничества Южной Кореи (KOICA) в 1991 г. показатели корейской ОПР начали

расти, причем объемы финансирования на двусторонней основе существенно превышали южнокорейские вложения в многосторонние организации для помощи развитию (см. рис. 1). Однако официальный переход в категорию стран-доноров состоялся только в 2009 г., когда Республика Корея присоединилась к Комитету по содействию развитию ОЭСР. Это событие кардинально изменило положение страны на международной арене и запустило процесс создания более широкой законодательной базы и государственных структур для расширения сотрудничества в целях развития. На 2023 г. Республика Корея являлась донором для 131 страны и занимала 14-е место в мире по объему предоставляемой ОПР, которая стала одним из основных инструментов «мягкой силы» государства².

Рис. 1. Динамика корейской ОПР в 1987–2020 гг., млн долл.
 Источник: Korea International Cooperation Agency (KOICA), Korean EXIM Bank

Таблица 1. Объем помощи Монголии, 2017–2023 гг., млн долл.

Год	Сумма	Место в рейтинге
2017	23,29	19
2018	59,18	8
2019	45,93	11
2020	31,17	12
2021	32,38	14
2022	64,95	9
2023	63,36	8

Источник: ODA 통계 // ODA Korea

² ODA Statistics // ODA Korea.

При этом перед Республикой Корея остро стоит вопрос оптимизации ОПР в соответствии с национальными интересами. На фоне растущей конкуренции за мировые ресурсы и усиления зависимости от Китая в области поставок ключевых материалов для производства полупроводников южнокорейское правительство все чаще руководствуется вопросами коммерческой выгоды при распределении ОПР. Большую роль здесь играет и так называемая «ресурсная дипломатия» – система дипломатических отношений, ориентированная на трансформацию мирового пространства отдельными акторами с целью решения вопросов управления мировыми ресурсами и энергетической безопасности. Низкая обеспеченность сырьем вынуждает Республику Корея искать новые источники ресурсов, часто путем заключения взаимовыгодных «сделок» с менее развитыми странами в рамках ОПР – экспорт южнокорейских высоких технологий и предоставление высококвалифицированных специалистов в обмен на возможность разработки месторождений и закупки сырья.

Именно такой характер имеет южнокорейско-монгольское сотрудничество. Республика Корея включила Монголию в свой лист реципиентов финансовой помощи по программе ОПР в 1990-х гг. и с тех пор регулярно заключает с ней новые соглашения в данной сфере (в 2023 г. Монголия получила от Южной Кореи 63,36 млн долл. по программе ОПР)³. Этому есть несколько причин. Во-первых, Монголия располагает внушительными запасами редких и редкоземельных элементов (РЗЭ), таких как молибден, литий, вольфрам, золото и др., необходимых для производства южнокорейской высокотехнологичной продукции [Калинин, Хатмуллин, 2024, с. 6]. Во-вторых, содействие Монголии в вопросах решения таких проблем, как слабая транспортная инфраструктура, нехватка высококвалифицированных кадров, высокий уровень коррупции и разного рода экологические проблемы, позволило Южной Корее реализовать свои амбиции как страны-донора и повысить свой международный престиж. В-третьих, уникальное положение Монголии как страны, поддерживающей дипломатические отношения как с Северной, так и с Южной Кореей, превращает ее в потенциального союзника в деле урегулирования межкорейского конфликта. В связи с этим Республика Корея одна из первых начала инвестировать в менее перспективные отрасли монгольской экономики, что впоследствии позволило поднять уровень отношений сперва до уровня всеобъемлющего партнерства в 2011 г., а затем до уровня стратегического сотрудничества в 2021 г.

Направления финансовой помощи и инвестиций со стороны Южной Кореи определяются в зависимости от текущих целей программ государств

³ ODA Statistics // ODA Korea.

венного развития Монголии: «Vision-2030» и «Vision-2050» (так называемая политика «Нового возрождения Монголии»), принятых монгольским правительством в 2016 и 2021 гг. соответственно. Согласно исследованию KOICA, проведенному в 2021 г., распределение южнокорейских инвестиций на 99,94% совпадает с целями «Vision-2050» [KOICA, 2021, p. 35]. Эти долгосрочные стратегии направлены прежде всего на развитие производящей экономики в Монголии путем расширения собственных энергоресурсов, качественного улучшения логистической системы внутри страны, развития интеллектуального потенциала населения, улучшения экологической ситуации и снижения зависимости от горнодобывающего сектора, на долю которого на данный момент приходится 87% от общего экспорта и 75% от прямых иностранных инвестиций (ПИИ) [Калинин, Хатмуллин, 2024, с. 7]. В данный момент Монголия всё еще вынуждена продавать большую часть минерального сырья в Китай, но период пандемии COVID-19 и резкое сокращение объемов торговли между странами выявил слабые места в структуре монгольской экономики. Без диверсификации рынков сбыта и строительства собственной обрабатывающей промышленности риск кризиса перепроизводства на фоне закрытия или ограничения основных каналов экспорта сырья значительно возрастает.

В связи с наличием запроса на расширение сотрудничества Республика Корея, которая напрямую заинтересована в увеличении поставок редкоземельных элементов из Монголии, на данный момент активно инвестирует в горнодобывающий сектор своего «подопечного» в рамках ОПР. Так, в 2023 г. был основан совместный южнокорейско-монгольский Центр сотрудничества в области РЗЭ и соответствующий комитет, обозначен дополнительный объем финансовой поддержки по ОПР в этом секторе в размере около 7 млн долл., а также подписан меморандум о взаимопонимании по вопросу создания сети поставок редкоземельных металлов из Монголии в Республику Корея, причем корейская сторона отвечала за подготовку кадров и создание инфраструктуры⁴ [Ministry of Foreign Affairs, 2024, p. 164]. Согласно условиям меморандума, основные усилия должны были быть направлены на разработку шахты «Шар-Толгой» и Халзан-Бурдегейского месторождения, которые удалены от основных транспортных магистралей, но могут обеспечить диверсификацию монгольского экспорта, где сейчас доминирует уголь из шахты «Таван-Толгой»⁵.

⁴ S. Korea to launch ODA program in Mongolia to support rare metal industry // Yonhap News Agency. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230912001100320> (accessed: 20.01.2025).

⁵ Кушхов Б. Монголия, Южная Корея, редкоземельные металлы: «наведение мостов» или «открытие ящика Пандоры»? // Новое Восточное Обозрение. URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/03/02/mongoliya-yuzhnaya-koreya-redkozemel-ny-e-metally-navedenie-mostov-ili-otkrytie-yashhika-pandory/> (дата обращения: 07.02.2025).

В настоящее время две страны заняты разработкой будущего соглашения об экономическом партнерстве и обсуждением возможности прямой авиа-транспортной перевозки части минеральной продукции из Монголии в Южную Корею, что позволит избежать транзита через Китай и сократит сроки поставок. Кроме того, в 2023 г. было заключено трехстороннее соглашение между США, Республикой Корея и Монголией о сотрудничестве в горнодобывающем секторе [Ministry of Foreign Affairs, 2024, p. 167].

При этом существуют определенные ограничения для южнокорейской финансовой поддержки, что влияет на перспективы двустороннего сотрудничества. Инвесторы сталкиваются с препятствием законодательного характера: согласно статье 21 главы 6 монгольского Закона об инвестициях, в случае, если «33 и более процентов акций монгольского юридического лица принадлежат юридическому лицу с иностранным государственным участием, необходимо получить специальное разрешение для работы в горнодобывающей, банковской, финансовой, информационной отраслях»⁶. Так Монголия старается избежать чрезмерной зависимости от какого-либо иностранного партнера. Стремясь к балансу во внешнеэкономических связях, в 2013 г. Монголия заключила соглашение об экономическом сотрудничестве с Евросоюзом, которое вступило в силу в 2017 г., и в 2022 г. Южная Корея занимала лишь 11-е место в рейтинге крупнейших инвесторов (около 2% от общего количества), уступая таким странам, как Канада (39,3%), Китай (20,4%), Сингапур (7,2%) и др. [Dugas, 2022, p. 33]. В 2017 г. Монголия также заявила, что 20% ее территории будут доступны для добычи полезных ископаемых, а в 2020 г. вступила в Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение (Asia-Pacific Trade Agreement, АРТА), став его 7-м членом наряду с Республикой Корея, Бангладеш, Китаем, Индией, Лаосом и Шри-Ланкой. Это соглашение позволило на 30% снизить таможенные тарифы на отдельные категории монгольских экспортных товаров, в том числе минералы, и привлекло внимание инвесторов из стран-участниц. Кроме того, в горнодобывающем секторе корейским компаниям приходится соперничать с австралийско-британским концерном «Rio Tinto», третьей по величине в мире транснациональной горно-металлургической компанией, которой принадлежит 66% акций «Ою Толгой», одной из крупнейших шахт Монголии⁷.

Вторым по важности фактором является мировое признание Республики Корея как одного из лидеров в области зеленой энергетики и циф-

⁶ Об инвестициях // Монголия Сейчас. URL: <http://www.mongolnow.com/ob-investitsiyah/> (дата обращения: 09.12.2024).

⁷ Rio Tinto закрыл сделку по приобретению оператора Ою Толгой // Вестник золотопромышленника. URL: <https://gold.1prime.ru/news/20221216/478212.html?ysclid=m41vwbt-hv309551330> (дата обращения: 10.12.2024).

ровых платформ. Опираясь на этот статус, корейское правительство стремится продвигать «зеленые проекты» в различных странах мира, в том числе в Монголии, где присутствует объективная необходимость регулирования экологической ситуации. Так, по программе ОПР только за последние пять лет было запущено несколько двусторонних проектов: по улучшению системы отопления в монгольских аймаках (2019), повышению компетентности специалистов в области управления качеством источников энергии (2021), снижению автомобильных выбросов (2022), отслеживанию качества воздуха в Улан-Баторе (2023) и т. д. Помимо исключительно антропогенных явлений, Монголии также приходится бороться с опустыниванием, которое уже поразило 76% территории страны. В связи с этим в 2006 г. страны начали реализацию инициативы Green Belt («Зеленый пояс») по высадке 1 млрд деревьев в монгольских степях. В 2021 г. проект завершил свою вторую фазу, что ознаменовалось строительством городского парка, посвященного монгольско-корейской дружбе⁸. Также в 2023 г. Республика Корея и Монголия подписали соглашение о сотрудничестве в области изменения климата [Ministry of Foreign Affairs, 2023, p. 2].

Что касается цифровых технологий, сотрудничество двух стран в первую очередь направлено на создание электронного правительства в Монголии. Так, в 2022 г. страны запустили совместный проект по повышению компетентности персонала монгольских государственных организаций, а в 2023 г. при поддержке KOICA началась реализация четырехкомпонентного плана по повышению эффективности государственной службы Монголии, включающего в себя повышение квалификации госслужащих и внедрение цифровых технологий в работу правительства (E-Mongolia) в соответствии с одним из пунктов стратегии «Vision-2050» – «Good governance»⁹. Сотрудничество в этих областях не только укрепляет позитивный имидж Республики Корея на международной арене, но также позволяет расширить возможности экспорта передовых технологий в Монголию и в перспективе обеспечить высокий спрос на корейские цифровые продукты внутри этой страны.

Третьим важным аспектом является трудовая миграция из Монголии в Республику Корея: в 2023 г. Монголия занимала 9-е место (54 846 чел.) среди всех стран-источников трудовой миграции в Корею¹⁰. На дан-

⁸ Successes in forest cooperation: Greenbelt Reforestation by the Republic of Korea and Mongolia // AFoCO. URL: <https://afocosec.org/newsroom/news/forestry-news/successes-in-forest-cooperation-greenbelt-reforestation-by-the-republic-of-korea-and-mongolia/> (accessed: 05.01.2025).

⁹ Public Sector Capacity Building Project Launched // Mongolian National News Agency. URL: <https://montsame.mn/en/read/316174> (accessed: 11.02.2025).

¹⁰ Korean Statistical Information Service (KOSIS). URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?sso=ok&returnurl=https%3A%2F%2Fkosis.kr%3A443%2FstatHtml%2FstatHtml.do%3Forld%3D111%26tblid%3DDT_1B040A6%26 (accessed: 05.12.2024).

ный момент монгольские рабочие составляют около 5% от всего работающего населения, а с упрощением правил въезда и получения разрешения на трудовую деятельность это число может увеличиться. Эта относительно дешевая рабочая сила является важным ресурсом для различных корейских компаний. В условиях снижения работоспособного населения ввиду тяжелой демографической ситуации (коэффициент рождаемости в Республике Корея неуклонно падает и в 2023 г. составил всего 0,75 по данным Всемирного банка), а также нежеланием корейцев заниматься менее престижной работой (3D – dangerous, dirty, [physically] demanding) найм трудовых мигрантов является естественным решением для корейского бизнеса. При этом больше половины мигрантов из Монголии имеют высшее образование, около трети работают по техническим специальностям [Галиймаа, 2016, с. 24]. В связи с этим правительство Республики Корея регулярно инвестирует в двустороннее сотрудничество в области образования, в том числе в популяризацию корейской культуры в Монголии: так, на данный момент 22 монгольских университета включают изучение корейского языка в свои учебные программы, а Южная Корея остается одним из самых популярных направлений для зарубежного образования. В 2021 г. KOICA также подписало соглашение с Министерством образования и науки Монголии о реализации в 2022–2027 г. трех совместных проектов по улучшению кадрового потенциала в школах и университетах, повышению уровня образовательного процесса и введению новых современных дисциплин [Хренов, Кавун, 2022, с. 87]. Пост ректора и высшие руководящие должности Международного университета Монголии также занимают корейцы [Кукина, 2024, с. 114].

II. Сотрудничество в рамках региона

Если сотрудничество двух стран в рамках ОПР касается в основном экономических аспектов, то совместное участие Монголии и Республики Корея в различных многосторонних форматах и проектах позволяет последней продвигать свои интересы в регионе. Будучи страной, ступившей на демократический путь развития, Монголия представляется перспективным союзником на континенте, особенно в условиях межкорейского конфликта и соседства Республики Корея с такими гигантами, как Россия и КНР.

Для лучшего понимания места Монголии в Восточноазиатском регионе рассмотрим теорию комплексов региональной безопасности (ТКРБ), изложенную в работе Б. Бузана и О. Уэвера «Регионы и державы: структура международной безопасности» (2003). Согласно данной теории, региональным комплексом безопасности является «группа государств, чьи первичные интересы безопасности связаны настолько, что не могут рас-

смаатриваться отдельно». Одним из ключевых элементов РКБ являются отношения сотрудничества/соперничества между странами внутри комплекса, однако политический нейтралитет Монголии отражает ее удаленность от основных процессов секьюритизации в Восточноазиатском регионе, что позволяет Бузану и Уэверу определить ее как «страну-инсулятор» [Buzan, Waever, 2003, p. 432]. Тем не менее на сегодняшний момент подобное утверждение представляется спорным: во-первых, после распада социалистического блока Монголия начала активно развивать экономические и политические связи со странами региона, тем самым превращаясь в новую переменную региональной системы; во-вторых, с момента создания в 2014 г. формата Улан-Баторского диалога по урегулированию региональных проблем безопасности (в первую очередь ядерной проблемы Корейского полуострова) Монголия показала себя перспективной площадкой для международного диалога в рамках Восточноазиатского РКБ. Ю. Г. Григорьева в своей работе «“Улан-Баторский диалог” как особая инициатива Монголии в обеспечении безопасности в Северо-Восточной Азии» отметила потенциал Монголии стать азиатским аналогом Швейцарии [Григорьева, 2023, с. 543]. Немалую роль в расширении международных связей Монголии играет политика «третьего соседа», отраженная в Концепции внешней политики и Концепции национальной безопасности [Игнатов, 2023, с. 22]. Эта политика подразумевала развитие отношений Монголии с внерегиональными странами в условиях российского и китайского доминирования и отказ от вступления в военно-политические блоки. При этом Монголия должна стремиться к балансу в отношениях с другими странами и избегать чрезмерной зависимости от того или иного партнера. Политика «третьего соседа» также способствовала расширению связей Монголии с международными организациями и позволила ей принимать активное участие в различной миротворческой и гуманитарной деятельности [Игнатов, 2023, с. 24].

По этой причине Монголия играла существенную роль в южнокорейской Новой северной политике: по результатам опроса специалистов она заняла 4-е место среди ключевых партнеров Республики Корея на континенте после России, Китая и Узбекистана [Kim Yeongju, Chang Seho, 2021, p. 26]. Это было обусловлено следующими факторами: 1) нейтралитет Монголии, ее безъядерный статус и демократический путь развития превращают эту страну в стратегически важного партнера в области поддержания безопасности в Северо-Восточной Азии; 2) Монголия имеет большой потенциал для развития возобновляемых источников энергии благодаря высокой солнечной активности на своей территории и в перспективе может экспортировать часть энергоресурсов в Южную Корею; 3) будучи одним из партнеров КНДР, Монголия могла бы оказать непосредственное

влияние на процесс урегулирования межкорейского конфликта. В связи с вышеперечисленными отношения двух стран активно развивались в ряде транснациональных проектов.

Во-первых, Республика Корея намеревалась присоединиться к совместным логистическим проектам России, КНР и Монголии, действующим с 2016 г., путем продвижения инициативы создания «Восточноазиатского железнодорожного сообщества (EARC)» с участием шести стран региона СВА (Россия, КНР, Монголия, КНДР, РК, Япония) и США. Планировалось создать евразийскую железнодорожную сеть путем объединения Транскорейской, Транссибирской, Трансманьчжурской и Трансмонгольской магистралей, чтобы обеспечить стабильный транзит товаров через территорию стран-участниц [Kim Yeongju, Chang Seho, 2021, p. 25]. Республика Корея собиралась таким образом расширить свои возможности экспорта и импорта продукции, которые были ограничены ввиду отсутствия железнодорожного сообщения с континентом через территорию КНДР. Однако проект так и не был реализован из-за ряда ограничений: 1) жестких санкций ООН и США в отношении КНДР, запрещающих непосредственное курсирование товаров через территорию Севера, 2) недостаточных инвестиций, 3) разницы в стандартной ширине железнодорожной колеи – в Республике Корея, КНДР и Китае она составляет 1435 мм, в России и Монголии – 1520 мм [Kim Yeongju, Chang Seho, 2021, p. 20–27]. В настоящее время инициатива оказалась фактически заморожена из-за резкого ухудшения межкорейских отношений. Тем не менее Республика Корея и Монголия продолжают двустороннее сотрудничество в этой сфере: в 2024 г. «Korail» и «UBTZ», корейская и монгольская железнодорожные корпорации, подписали Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве¹¹. В его рамках планируется продвижение проектов по совершенствованию, эксплуатации и техническому обслуживанию ж/д, взаимные визиты экспертов, совместный выход на зарубежные железнодорожные рынки и т. д.

Во-вторых, Монголии отводилась центральная роль в реализации проекта энергетической сети в Северо-Восточной Азии (North-East Asian Supergrid). Это комплекс электростанций, использующих возобновляемые источники энергии: солнечную, ветровую, приливную. Проект был начат еще в 2011 г. под названием «Gobitec»: название отсылает к аналогичной инициативе «Desertec», реализуемой в Ближневосточном и Североафриканском регионах¹². Предполагалось, что Россия, Китай и Монголия возъ-

¹¹ 코레일·몽골 울란바토르철도 맞손...철도개량·유지보수 등 추진 // Yonhapnews. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20241018092300063?section=search> (accessed: 15.01.2025) (на кор. яз.).

¹² Renewable Energy in Asia through Sun and Wind // Gobitec Initiative. URL: <https://gobitecdotorg.wordpress.com/> (accessed: 28.12.2024).

мут на себя производство и осуществляют транзит, а Япония, КНДР и Республика Корея станут основными реципиентами энергоресурсов [Батмунх, 2017, с. 56–57]. На территории пустыни Гоби планируется создать ветровые и солнечные энергокомплексы, которые позволят увеличить запас энергетических ресурсов внутри страны и, в теории, экспортировать часть из них в страны Восточной Азии.

В-третьих, Республика Корея является активным участником упомянутого выше Улан-Баторского диалога. В данный момент в условиях заморозки формата Шестисторонних переговоров это является единственной действующей многосторонней мирной инициативой в регионе. С момента создания встречи этого формата проводились ежегодно, за исключением 2020–2021 г., когда мероприятия были отменены из-за пандемии COVID-19. Согласно информации МИД Монголии, в 2024 г. в диалоге приняли участие больше 230 делегатов из 30 разных стран¹³. Для корейской стороны крайне важно иметь возможность выносить вопросы безопасности в регионе на всеобщее обсуждение, особенно в условиях кризиса межкорейских отношений и повышения напряженности в Северо-Восточной Азии.

В данный момент также наблюдается активизация контактов двух стран на высоком уровне. После достижения уровня стратегического сотрудничества в 2021 г. состоялось несколько встреч высокопоставленных лиц Республики Корея и Монголии: к примеру, в феврале 2023 г. монгольский премьер-министр Л. Оюун-Эрдэнэ посетил с официальным визитом Сеул впервые за 12 лет, в мае там же состоялась консультативная встреча заместителей министров иностранных дел двух стран. Одной из причин высокой степени интенсивности контактов является рост взаимодействия в военной сфере: так, в декабре 2024 г. между Национальной ассоциацией разработчиков дронов Монголии и Ассоциацией беспилотных транспортных средств Республики Корея был подписан меморандум о взаимопонимании, согласно которому монгольские БПЛА будут разрабатываться и производиться по корейским технологиям¹⁴. Есть вероятность, что в дальнейшем это станет шагом к более широкому военному сотрудничеству.

Таким образом, Республика Корея воспринимает Монголию как перспективного союзника и важного игрока на политической арене Северо-Восточной Азии. Страны объединяет немало совместных проектов в сфере безопасности, как политической, так и транспортной, энергетической,

¹³ Ulaanbaatar Dialogue // Permanent Mission of Mongolia to the United Nations. URL: <https://www.un.int/mongolia/mongolia/ulaanbaatar-dialogue> (accessed: 05.02.2025).

¹⁴ Drones to be Manufactured in Mongolia Using South Korean Technology // Mongolian National News Agency. URL: <https://montsame.mn/en/read/356988> (accessed: 11.02.2025).

экологической и т. д. Тем не менее все многосторонние форматы в Северо-Восточной Азии сейчас переживают состояние кризиса из-за резкой поляризации региона. Российско-украинский конфликт и ухудшение межкорейских отношений ограничивают возможности сотрудничества Республики Корея и Монголии на международных площадках. Можно предположить, что в ходе реализации Индо-Тихоокеанской стратегии по расширению связей со странами Южной и Восточной Азии, заявленной действующим южнокорейским правительством, две страны смогут установить связи в рамках других площадок и форматов.

Заключение

В настоящий момент южнокорейско-монгольские отношения переживают период расцвета, что выражается в росте числа двусторонних контактов. Несмотря на то, что масштабы сотрудничества с Монголией не могут конкурировать с южнокорейско-китайскими или южнокорейско-американскими отношениями, необходимо отметить общую тенденцию на сближение в различных областях. Среди социально-экономических факторов, влияющих на развитие современной южнокорейской политики в отношении Монголии, можно выделить следующее: во-первых, Республика Корея стремится снизить свою зависимость от китайского рынка минерального сырья и диверсифицировать поставщиков; во-вторых, наращивает свое международное влияние как лидера в области высоких технологий и зеленой энергетики путем развития совместных с Монголией проектов; в-третьих, расширяет возможности выхода корейских компаний на монгольский рынок, инвестируя в современные образовательные программы и тем самым повышая спрос монгольского населения на высокотехнологичные товары. Среди политических факторов необходимо отметить общее видение этими странами вопросов безопасности в регионе, стремление Республики Корея обеспечить себе союзника на континенте как в условиях российского и китайского доминирования, так и на фоне обострения конфликта с КНДР. Несмотря на определенные ограничения, с которыми сталкивается Республика Корея в Монголии, взаимовыгодное сотрудничество двух стран позволяет продвигать национальные интересы южнокорейской стороны.

Литература / References

1. Батмунх С., Бат-Эрдэнэ Б., Улам-Оргил Ч., Эрдэнэбаатар А. Роли Монголии в межгосударственной электрической сети «Asian Super Grid» в Северо-Восточной Азии // Автоматика и программная инженерия. 2017. № 4 (22). С. 52–61. [Batmunx S., Bat-Erdene B., Ulam-Orgil Ch., Erdenebaatar A. Mongolia's Role in the Asian Super Grid in Northeast Asia // Automation and Software Engineering. 2017. No. 4 (22). P. 52–61 (in Russian)].

2. Галиймаа Н. Миграция монголов за рубеж: почему они уезжают и почему возвращаются // Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры / автор проекта, науч. и литератур. ред. С. Панарин. СПб.: Нестор-История, 2016. [Galijmaa N. Migration of Mongols Abroad: Why They Leave and Why They Return // East in the East, in Russia, and in the West: Cross-Border Migrations and Diasporas / project author, scientific and literary editor S. Panarin. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. (in Russian)].
3. Григорьева О. В. Роль дипломатии государства в мировом энергетическом пространстве: современные теоретические подходы // Вестник СПбГУ. 2015. № 2. С. 130–140. [Grigoreva O. V. The role of state diplomacy in the global energy space: modern theoretical approaches // Vestnik of St. Petersburg State University. 2015. No. 2. P. 130–140 (in Russian)].
4. Григорьева Ю. Г. «Улан-Баторский диалог» как особая инициатива Монголии в обеспечении безопасности в Северо-Восточной Азии // Монголоведение. 2023. № 15 (4). С. 538–550. [Grigoreva Yu. G. «Ulaanbaatar Dialogue» as a special initiative of Mongolia in ensuring security in Northeast Asia // Mongolian Studies. 2023. No. 15 (4). P. 538–550 (in Russian)].
5. Игнатов И. А. Концепция «третьего соседа» во внешней политике Монголии (1991–2021 гг.): исторические и международно-политические аспекты: дис. ... канд. ист. наук. МГИМО-Университет. М., 2023. [Ignatov I. A. The concept of the «third neighbor» in Mongolia's foreign policy (1991–2021): historical and international political aspects: dis. PhD (Hist.). MGIMO-University. Moscow, 2023. (in Russian)].
6. Калинин Р. Р., Хатмуллин А. Р. Монголия как новый центр борьбы за ресурсы: Перспективы российско-монгольского сотрудничества в области атомной энергетики, освоения и добычи полезных ископаемых (доклад) // Доклады ПИР-центра. Научный центр международных исследований «ПИР» (ПИР-Центр). 2024. № 41. [Kalinin R. R., Xatmullin A. R. Mongolia as a New Center for Resource Competition: Prospects for Russian-Mongolian Cooperation in Nuclear Energy, Mineral Development and Extraction (report) // PIR Center Reports. PIR Center for International Studies (PIR Center). 2024. No. 41. (in Russian)].
7. Кукина У. А. Корейская диаспора в Монголии: история формирования и современный облик // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 5 (141). С. 111–116. [Kukina U. A. The Korean Diaspora in Mongolia: History of Formation and Modern Appearance // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. No. 5 (141). P. 111–116 (in Russian)].
8. Морозкина А. К. Официальная помощь развитию: тенденции последнего десятилетия // Мировая экономика и международные отношения. 2019. 63 (№ 9). С. 86–92. [Morozkina A. K. Official Development Assistance: Trends of the Last Decade // World Economy and International Relations. 2019. 63 (No. 9). P. 86–92 (in Russian)].
9. Ом Гу Хо. Стратегия Новой северной политики и ее ограничительные факторы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13, № 3. С. 354–373. [Om Gu Ho. The New Northern Policy Strategy and Its Limiting Factors // Bulletin of St. Petersburg University. International Relations. 2020. Vol. 13, No. 3. P. 354–373 (in Russian)].

10. Суслина С. С. Республика Корея: от реципиента до донора официальной помощи развитию // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 4 (19). С. 114–118. [Suslina S. S The Republic of Korea: From Recipient to Donor of Official Development Assistance // Bulletin of MGIMO University. 2011. No. 4 (19). P. 114–118 (in Russian)].
11. Хренов В. В., Кавун М. Д. Сотрудничество Республики Корея и Монголии в области образования, науки и культуры. Вып. 12: Восточная Азия: традиции и перемены // Уральское востоковедение: международный альманах. Екатеринбург: [Изд-во Урал. ун-та], 2022. С. 84–93. [Hrenov V. V., Kavun M. D. Cooperation between the Republic of Korea and Mongolia in the Field of Education, Science, and Culture. Issue 12: East Asia: Traditions and Changes. // Ural Oriental Studies: International Almanac. Yekaterinburg: [Ural University Publishing House], 2022. P. 84–93 (in Russian)].
12. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
13. Dygas R. Multilateral Economic Ties of Mongolia with its Asian Trading Partners in period of 2011–2021 // The Mongolian Journal of International Affairs, 2022. Vol. 23. Pp. 23–39.
14. 외교부. 2023년 자체평가 결과보고서 (주요정책 부문). 서울: 외교부, 2024. [Ministry of International Affairs. 2023 nyeon jachepyeongga gyeolgwabogoseo (juyojeongchaek bumun). Seoul: Ministry of International Affairs, 2024].
15. 외교부. 제7차 한-몽골 공동위원회 개최(6.26) 결과. 서울: 외교부, 2023. [Ministry of International Affairs. Je7cha han-monggol gongdongwiwonhoe gaechoe (6.26) gyeolgwa. Seoul: Ministry of International Affairs, 2023].
16. 김영주, 장세호. 남북방정책 평가와 제언, 몽골 사례와 함께. 서울: 국가안보전략연구원 외교전략연구실, 2021. [Kim Yeongju, Chang Seho. Sinbukbangjeongchaek pyeonggawa jeon, monggol saryewa hamkke. Seoul: Gukgaanbojeonryakyeonguwon oegyojeonryakyeongsil, 2021].
17. KOICA. 몽골 KOICA ODA사업 국별 포트폴리오 평가 보고서. 서울: 한국능률협회컨설팅, 2021. [KOICA. Monggol KOICA ODAsaep gukbyeol poteupolrio pyeongga bogoseo. Seoul: Hangukneungryulhyeophoekeonseolting, 2021].

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Кириянов О. Новая метла Сеула: зачем в Корею упразднили комитет по связям с РФ // NEWS.ru. URL: <https://news.ru/asia/novaya-metla-seula-zachem-v-koree-uprazdnili-komitet-po-svyazyam-s-rf/> (дата обращения: 02.02.2025).
2. Кушхов Б. Монголия, Южная Корея, редкоземельные металлы: «наведение мостов» или «открытие ящика Пандоры»? // Новое Восточное Обозрение. URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/03/02/mongoliya-yuzhnaya-koreya-redkozemel-ny-e-metally-navedenie-mostov-ili-otkry-tie-yashhika-pandory/> (дата обращения: 07.02.2025).
3. Об инвестициях // Монголия Сейчас. URL: <http://www.mongolnow.com/ob-investitsiyah/> (дата обращения: 09.12.2024).
4. Drones to be Manufactured in Mongolia Using South Korean Technology // Mongolian National News Agency. URL: <https://montsame.mn/en/read/356988> (accessed: 11.02.2025).

5. Korean Statistical Information Service (KOSIS). URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?sso=ok&returnurl=https%3A%2F%2Fkosis.kr%3A443%2FstatHtml%2F-statHtml.do%3ForgId%3D111%26tblId%3DDT_1B040A6%26 (accessed: 05.12.2024).
6. ODA Statistics // ODA Korea. URL: <https://www.odakorea.go.kr/statistic/main#/tile-Layout> (accessed: 19.01.2025).
7. Public Sector Capacity Building Project Launched // Mongolian National News Agency. URL: <https://montsame.mn/en/read/316174> (accessed: 11.02.2025).
8. Renewable Energy in Asia through Sun and Wind. Gobitec Initiative. URL: <https://gobitecdotorg.wordpress.com/> (accessed: 28.12.2024).
9. Rio Tinto закрыл сделку по приобретению оператора Ою Толгой // Вестник золотопромышленника. URL: <https://gold.1prime.ru/news/20221216/478212.html?ysclid=m41vwbtvg309551330> (дата обращения: 10.12.2024).
10. S. Korea to launch ODA program in Mongolia to support rare metal industry // Yonhap News Agency. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230912001100320> (accessed: 20.01.2025).
11. Successes in forest cooperation: Greenbelt Reforestation by the Republic of Korea and Mongolia // AFoCO. URL: <https://afocosec.org/newsroom/news/forestry-news/successes-in-forest-cooperation-greenbelt-reforestation-by-the-republic-of-korea-and-mongolia/> (accessed: 05.01.2025).
12. Ulaanbaatar Dialogue // Permanent Mission of Mongolia to the United Nations. URL: <https://www.un.int/mongolia/mongolia/ulaanbaatar-dialogue> (accessed: 05.02.2025).
13. 코레일·몽골 울란바토르철도 맞손... 철도개량·유지보수 등 추진 [Korail·Monggol Ulanbatoreucheoldo matson... cheoldogaeryang·yujibosu deung chujin] // Yonhap-news. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20241018092300063?section=search> (accessed: 15.01.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Елисеева Мария Васильевна – лаборант-исследователь, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Eliseeva Mariia V. – Research Assistant, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 02.06.2025.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 05.06.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 02.06.2025.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 05.06.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 338.24.021.8(510)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2025-03-068-093>

КИТАЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА С БЛИЗКОГО РАССТОЯНИЯ (О ТОМ, КАК ПРОВОДИЛАСЬ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА В КНР В ШАНХАЕ И ПРОВИНЦИИ ЦИНХАЙ)

Андрей Владимирович Островский

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ostrovskii.ifes@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9248-4222>

Аннотация. В статье автор описывает личные впечатления от проводимой в Китае экономической реформы с 1978 г. в ведущем экономическом центре страны – Шанхае и провинции Цинхай в западных районах. В Шанхае реформы начались сразу в конце 70-х гг. после решения III пленума ЦК КПК (декабрь 1978 г.) и уже к середине 80-х гг. XX века результаты экономической реформы были заметны невооруженным глазом. Там создавались предприятия с участием иностранного капитала, активно развивался частный и кооперативный сектор, стали осваиваться пустующие территории на другом берегу реки Хуанпу. Фактически из ничего через несколько лет на этой территории выросла зона Пудун, в которой появилось большое количество небоскребов, фондовая биржа, зоны свободной торговли, представительства известных крупных иностранных фирм и аэропорт Пудун.

Провинция Цинхай на северо-западе Китая – опыт другого рода. В начале нулевых годов XXI века вообще мало кто за рубежом что-то знал о Цинхае. Это была удаленная от центра провинция на высоте от 2000 метров над уровнем моря и более. В ней под руководством получившего подготовку в США и в 1958 году бежавшего в КНР известного ученого китайского происхождения Цянь Сюэсэня велись работы по ракетно-ядерной и космической программе. В начале XXI века в КНР стали развивать западные районы Китая в рамках пяти крупных инфраструктурных проектов. Два из них напрямую были связаны с развитием провинции Цинхай – переброска водных ресурсов с Юга на Север и строительство высокогорной железной дороги Цинхай – Тибет. Автор статьи неоднократно посещал Шанхай и несколько раз Цинхай и был свидетелем тех значительных изменений, которые там происходили.

Ключевые слова: экономическая реформа, Шанхай, Пудун, совместные предприятия с участием иностранного капитала, Цинхай, освоение западных районов, высокогорная железная дорога Цинхай – Тибет

Для цитирования: Островский А. В. Китайская экономическая реформа с близкого расстояния (о том, как проводилась экономическая реформа в КНР в Шанхае и провинции Цинхай). *Восточная аналитика*. 2025;16(3):68-93. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2025-03-068-093>

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Original article. Economics studies

CHINESE ECONOMIC REFORMS FROM THE SHORT DISTANCE (ECONOMIC REFORMS IN SHANGHAI AND QINGHAI FROM THE VERY BEGINNING TILL NOWADAYS)

Andrei Ostrovskii

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia
ostrovskii.ifes@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9248-4222>

Abstract. In the article the author describes his impressions from economic reforms in China since 1978 in Shanghai and in a province in the west of China – Qinghai. In Shanghai economic reforms began just from the end of 70's after the decision of the 3-rd Plenum (December, 1978) and by the middle of 80's everyone could see the results of the reform of the city of Shanghai. A large number of enterprises of different kinds of ownership had been established – joint ventures, private and cooperative firms, remote territories near Shanghai were mastered on the other bank of the Huangpu River, Special zone Pudong was developed literally from nothing and everyone could see skyscrapers, stock exchange, free trade zones there, many representation offices there and international airport Pudong.

Province of Qinghai in the North West of China is an experience of other kind. In the beginning of the XXI century very few people abroad knew anything about Qinghai. This province was very far from the center on the altitude more than 2000 meters and above. Famous Chinese scholar Qian Xuesen who graduated and then in 1958 escaped from the USA organized there scientific researches in nuclear and cosmic programs. In the beginning of the XXI century China began to develop Western regions of China in the frame of five large infrastructure projects. Two of them were developed in Qinghai Province – turnover of water resources from the South to the North and alpine railway from Qinghai to Tibet. The author many times visited Shanghai and a few times Qinghai and could appreciate the results of economic reforms there on the spot.

Keywords: economic reform, Shanghai, Pudong, Guangdong, joint ventures, Qinghai, master Western regions, alpine railway Qinghai – Tibet

For citation: Ostrovskii A. V. Chinese Economic Reforms from the Short Distance (Economic Reforms in Shanghai and Qinghai from the Very Beginning till Nowadays). *Eastern Analytics*. 2025;16(3):68-93. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2025-03-068-093>

Шанхай. Экономическая столица страны.

Место рождения КПК. В авангарде экономической реформы

Шанхай. Численность населения – 24,87 млн чел. в 2023 г.; валовой региональный продукт – 4721,8 млрд юаней (665,0 млрд долл.); ВРП на душу населения – 190 321 юаней (26805 амер. долл.); доходы на душу населения – 84 834 юаня (1 068 908 руб.); среднемесячная заработная плата в городах – 19 111 юаней (240 800 руб.).

В апреле 1985 г. по плану стажировки мне надлежало выехать на восток страны для изучения передового опыта экономической реформы

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

в городе центрального подчинения Шанхай и двух крупных городах соседней провинции Цзянсу на юге – Сучжоу и Чанчжоу. О городе Сучжоу было известно, что он является одной из важнейших достопримечательностей Китая, в нем насчитывается огромное количество дворцов и парков. Хотелось бы отметить, что в дальнейшем при посещении Шанхая принимающая сторона часто планировала для гостей посещение Сучжоу. О городе Чанчжоу было известно до визита не так много. Единственной информацией, которую мне удалось получить из китайской прессы и различных путеводителей, было то, что город Чанчжоу – это типичный окружной центр практически без достопримечательностей за исключением проходящего через весь город построенного еще во времена династии Суй в VII в. н. э. Великого канала от Ханчжоу до Пекина для перевозки зерна и промышленных товаров. Но именно в Чанчжоу наиболее активно проводились мероприятия экономической реформы, и он в китайской прессе был назван «прорывом в экономической реформе».

Солнечным апрельским утром вместе с моим сопровождающим Цзи мы выехали с Пекинского вокзала поездом по железной дороге до Шанхая. В те годы еще не было высокоскоростных железных дорог, где скорость пассажирских поездов доходила до 300 км/ч, и мы добирались от Пекина до Шанхая почти целые сутки. За это время мы успели перезнакомиться почти со всем вагоном *инво* (жестким плацкартным со спальными местами). Судя по всему, в те годы жители Китая не были избалованы большим количеством иностранцев в стране, так как только осенью 1984 г. был открыт доступ иностранцам в так называемые «открытые города» (*кайфан чэньши* 开放城市) с большим количеством достопримечательностей, и Шанхай, безусловно, стоял в этом списке под номером один. Через несколько часов пути, когда пассажиры поняли, что с иностранцем можно «побеседовать за жизнь» без полагающегося в таких случаях переводчика, к нам сразу началось паломничество пассажиров. Особый интерес у них вызвал тот факт, что иностранный пассажир был из СССР, ехал в обычном, не мягком вагоне (*жуаньво* 软卧) без особого сопровождения и мог поболтать с ними на *путунхуа* 普通话, которым, кстати, владели далеко не все жители Китая, особенно из южных и восточных провинций. Их больше всего интересовало, какова жизнь в СССР, с которым были фактически разорваны отношения в конце 50-х – начале 60-х гг. в период «большого скачка». Меня, в свою очередь, больше интересовали их впечатления о начавшейся у них в стране реформе и какие выгоды они получили от нее. Наша беседа продлилась долго за полночь. Но хорошо поспать мне не удалось из-за китайской привычки к курению. Постоянный запах табака не давал уснуть, а китайцы курили в вагоне постоянно, весь день и всю ночь. Когда утром я проснулся на своей второй средней

полке, то обнаружил себя в таком облаке дыма, что у меня возникло ощущение, что я могу полежать на нем. Но это была только иллюзия.

Сразу после завтрака поезд подошел к перрону железнодорожного вокзала в Шанхае, мы вышли из поезда и направились к автобусной остановке. Автобус должен был привезти нас к общежитию консерватории, где, как считалось, были наилучшие условия проживания и питания для иностранцев. В ту первую поездку из Пекина в Шанхай мы добирались почти сутки. Через 25 лет этот путь занимал по высокоскоростной железной дороге всего 4,5 часа. Сеть высокоскоростных железных дорог к настоящему времени охватила всю страну. Благодаря этим высокоскоростным поездам с севера на юг и с востока на запад во многие места стало более удобно добираться поездом, чем самолетом. В частности, в тот же Шанхай из Пекина стало выгоднее добираться поездом с учетом затрат времени на регистрацию в аэропорту при посадке в самолет.

К сожалению, в России так и не стали использовать китайский опыт строительства высокоскоростных железных дорог, поскольку в компании «РЖД» сочли, что доходы от перевозки железнодорожных пассажиров не окупят затрат на строительство и содержание высокоскоростных дорог в России. Однако в Китае мне объяснили, что единственная рентабельная высокоскоростная железная дорога у них одна – Пекин – Шанхай, где ежедневно перемещаются миллионы пассажиров. Основные выгоды для народного хозяйства получаются от того, что эти высокоскоростные дороги строятся параллельно с обычными железными дорогами, по которым следует грузовой транспорт. Поэтому можно поддерживать относительно высокую среднюю скорость грузового транспорта – 80–100 км/ч, причем его движению не мешают пассажирские поезда, и наоборот, движению пассажирских поездов с высокой скоростью – 250–300 км/ч – не мешают движущиеся с относительно невысокой скоростью грузовые поезда. В результате из-за увеличения скорости доставки как пассажиров, так и грузов по железной дороге выигрывает в целом вся китайская экономика.

Сама шанхайская консерватория на меня произвела сильное впечатление. На всей огромной территории консерватории в центре города были слышны мелодии различных музыкальных инструментов – от скрипки и лютни до рояля и контрабаса. В комнате общежития стояли крепкие деревянные кровати, а в столовой были тарелки и кружки из настоящего фарфора. Вскоре нам принесли программу пребывания в Шанхае, которая оказалась довольно напряженной. За три дня надо было посетить несколько учреждений и предприятий в городе, где мне должны были изложить не только содержание основных мероприятий экономической реформы, но и основные результаты реформы, которые были достигнуты

в городе за прошедшие годы. За полдня было трудно получить целостное представление об экономической реформе в Шанхае, но тем не менее за это время мне стало ясно, что реформы в Шанхае развивались намного более активно, чем в Пекине. Это было заметно как по одетым в европейские одежды, в отличие от пекинцев, толпам шанхайцев, так и по большому количеству предприятий различных форм собственности, чего не наблюдалось в Пекине. Уже тогда можно было оценить нынешнюю китайскую пословицу: «Если хочешь увидеть прошлое Китая – поезжай в Пекин, настоящее – в Шанхай, будущее – в Шэньчжэнь».

Посещение того, настоящего Китая в апреле 1985 г. началось на следующий день во время посещения Управления труда и кадров Шанхая и совместного китайско-швейцарско-гонконгского предприятия по производству лифтов «China – Schindler».

В Управлении труда и кадров Шанхая меня познакомили с перспективами экономической реформы в стране в целом и в Шанхае в частности. На меня произвел неизгладимое впечатление сделанный прогноз о том, что к началу XXI века в стране в сфере частного предпринимательства будет занято свыше 100 млн человек, а в Шанхае – свыше 10 млн человек. В апреле 1985 г. мне это показалось просто ненаучной фантастикой. Возможно ли такое в стране, где в столичном Пекине мы, стажеры, каждого индивидуального торговца с тележкой и огромным белым полотном на ней с выданным Торгово-административным управлением города индивидуальным номером лицензии искали по полдня, чтобы сфотографировать и затем показать в Москве во время лекций о Китае?

Однако в Шанхае с развитием предприятий других форм собственности всё обстояло лучше, чем в Пекине. Сначала мы пошли посмотреть основную достопримечательность Шанхая – набережную Вайтань, которая была отстроена в британском колониальном стиле еще в начале XX в. Оттуда можно было посмотреть на остров Пудун, который в 1985 г. выглядел довольно дико и неухожено. Там с набережной, где можно было бесплатно посмотреть в бинокль на Пудун, можно было увидеть только бамбуковые заросли и одетых в бумазейные куртки китайских рыбаков на джонках и сампанах. Там же во время прогулки дальше по набережной к бывшему зданию консульства СССР можно было увидеть на речке у впадения в реку Хуанпу большие китайские джонки, которые служили жилым домом для многих поколений китайских рыбаков. По данным китайской переписи населения 1982 г. в стране насчитывалось свыше 20 млн человек, место жительства которых было зафиксировано как *шуй-шан* 水上, что означало в переводе на русский «на воде». Надо сказать, что председатель КНР Си Цзиньпин прекрасно понимал эту проблему, и когда он возглавлял приморские города Сямынь и Фучжоу и провин-

ции Фуцзянь и Чжэцзян, он большое внимание уделял этому вопросу и приложил немало усилий для переселения жителей в комфортабельные жилища из малоприспособленных для нормальной жизни джонок и сампанов.

На следующий день состоялось посещение завода «China-Schindler», смешанного китайско-швейцарско-гонконгского предприятия по производству лифтов. Как на большинстве такого рода предприятий, основные производственные фонды – цеха, часть оборудования, поставка сырья и материалов, коммуникации предприятия, а также рабочую силу – всё обеспечивала китайская сторона. Новые и новейшие технологии производства лифтов обеспечивала швейцарская сторона, а гонконгский предприниматель просто выделил финансирование в гонконгских долларах для решения текущих неотложных проблем. В цехах было довольно чисто, все сотрудники фирмы были одеты в новенькие комбинезоны. К моему визиту на предприятие руководство подготовилось. Когда мы с сопровождающими подошли к зданию, на нем у входа в здание висел плакат с надписями на китайском и английском языках: «Добро пожаловать, уважаемый гость из СССР Островский». На меня такая подготовка к визиту на предприятие скромного стажера из Советского Союза произвела впечатление, и я не преминул задать вопрос, почему мне такие почести. Мне ответили, что Народный университет Китая, где я проходил стажировку, очень известный вуз, и сверху дали команду организовать всё как положено.

В ходе посещения меня интересовал вопрос, чем в Китае совместные предприятия отличаются от других форм собственности, какое там оборудование, какие ставки заработной платы, система подготовки кадров и социального страхования, внешнеторговые связи, система финансирования работы предприятия. Выяснилось, что качество продукции постепенно достигает уровня мировых стандартов, средняя зарплата на предприятии выше, чем на предприятиях государственного сектора, не говоря уже о предприятиях коллективного сектора, а уровень социального страхования в значительной степени зависит от прибыли самого предприятия. Самое сильное впечатление на меня произвело то, что была налажена подготовка кадров инженеров и техников в созданном на базе предприятия производственно-техническом училище. В те годы доля совместных предприятий (СП) с иностранным капиталом была еще невелика, но к концу XX в. доля таких предприятий существенно увеличилась. В те годы в Китае были заинтересованы создавать разного рода СП для того, чтобы получать из-за рубежа новые и новейшие технологии и затем их внедрять на своих чисто китайских предприятиях. Как мы видим через несколько десятилетий, это успешно получилось, и по многим видам

продукции Китай сейчас диктует моду на мировом рынке. Если в настоящее время Китай называют «мировой фабрикой» и был выдвинут лозунг «Сделано в Китае – 2025» («*Чжицзао цзай Чжунго – 2025*» 制造在中国2025), то на будущее в Китае был выдвинут новый лозунг «Сконструировано в Китае – 2030» («*Шэцзи цзай Чжунго – 2030*» 设计在中国2030). Судя по показателям китайского экспорта в последнее десятилетие, первый лозунг уже фактически реализован. Представляется, что и следующий лозунг, по всей видимости, будет реализован к 2030 г.

На следующий день состоялось посещение государственной хлопчатобумажной фабрики № 17. Как мне объяснили, эта фабрика была известна тем, что в годы «культурной революции» на ней начальником охраны был Ван Хунвэнь, который организовал там из молодых рабочих отряд *цзаофаней* («смутьянов»), возглавил это движение вначале в районе, затем на городском уровне, быстро выдвинулся в одного из политических лидеров страны, стал членом Политбюро ЦК КПК, но затем, после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г., был снят со всех руководящих постов в стране и арестован как член «банды четырех» вместе со своими сообщниками – Цзян Цин, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюанем.

Само предприятие на меня не произвело впечатления. Обычная хлопчатобумажная фабрика, которая отличалась от хлопчатобумажных фабрик СССР только тем, что там в каждом цехе было намного больше рабочих и служащих, чем необходимо. Мне объяснили, что это для Китая нормальная практика, которая стала реализовываться еще с конца 50-х гг., когда в области труда и кадров действовал лозунг «Там, где могут работать три человека, должны работать пять человек». Это объяснялось необходимостью трудоустройства на предприятия огромной массы населения, и каждый руководитель предприятия имел план по труду, который нельзя было нарушить. В конце 50-х гг. поэтому и возникла система найма труда под названием «и рабочий и крестьянин». Крестьянин из деревни уже не мог сам устроиться на предприятие, найм рабочих из села на городские предприятия проходил только на основании договора между предприятием и руководством сельской народной коммуны. Городской рабочий, как правило, работал на одном предприятии до пенсии, а затем на его место брали родственника. Рабочие из села обычно были заняты на вспомогательных работах. Неквалифицированные и малоквалифицированные рабочие из города занимались подсобными работами в цехе – принести, унести, подмести. Все они находились на восьмиразрядной тарифной сетке – 35 юаней в месяц по первому разряду, 105 юаней в месяц по восьмому разряду. Что интересно, работающие непосредственно у станка или на конвейере получали специальную надбавку «за рабочее место» – 10–15 юаней в месяц дополнительно к тарифной ставке. В дальнейшем начав-

шаяся после III пленума ЦК КПК XI созыва (декабрь 1978 г.) реформа в сфере труда и заработной платы ликвидировала и систему трудоустройства на предприятие родственников ушедшего на пенсию, и систему найма избыточной рабочей силы. В 90-е гг. многие уволенные не стали искать себе новое место работы, а начали открывать свое собственное дело в различных отраслях – в основном в сфере торговли и услуг. С одной стороны, эти меры сразу, повысили рентабельность предприятий, с другой стороны, была решена проблема дефицита рабочей силы в «третьей сфере». С середины 80-х гг. Китай начал постепенно переходить от системы пожизненного найма рабочей силы на предприятие к системе контрактного труда, и за годы реформ в системе труда и заработной платы в 90-е гг. постепенно полностью перешел к системе контрактного труда.

Мне еще много раз приходилось бывать в Шанхае. Следует отметить, что до проведения «ЭКСПО-2010» в Шанхае рост населения и увеличение количества автомобилей привели к тому, что по городу стало невозможно нормально передвигаться из-за транспортных пробок. В этих условиях власти Шанхая поняли, что надо как-то решать транспортную проблему, и было принято смелое градостроительное решение – создать сеть эстакад, своего рода «второй этаж» из дорог, который смог бы разгрузить транспортные артерии города. В конце нулевых годов все улицы Шанхая были в ремонте, и, чтобы доехать по нужному адресу, лучше было воспользоваться метро. В результате за годы реформ сеть метрополитена в Шанхае развилась до невероятных размеров, и в настоящее время на метро можно уже доехать до города Куньшань в пригороде Шанхая.

Следующая поездка в Шанхай состоялась почти через 20 лет – осенью 2003 г., сразу после III пленума ЦК КПК XVI созыва, объявившего о «совершенствовании социалистической рыночной экономики». В те годы развернулась дискуссия, что строит Китай – капитализм или социализм. Многие политики и экономисты, в том числе и в нашей стране, в различных средствах массовой информации с пеной у рта доказывали, что в Китае идет переходный этап от социализма к капитализму на том основании, что там большое количество предприятий негосударственных форм собственности, много частных предприятий и индивидуальных предпринимателей. Но в Китае и в 50-е гг. после образования КНР не торопились всех записывать в колхозы и ликвидировать частные предприятия. Были экспроприированы и переданы в государственную собственность только предприятия иностранного капитала, в основном японского на территории бывшего государства Маньчжоу-го и предприятия китайского национального капитала, владельцы которых сотрудничали с японцами. Все остальные собственники остались на своих предприятиях в качестве управляющих, главных бухгалтеров, многие из них вступили

в КПК и до начала «культурной революции» – до 1966 г. – получали свои 5% прибыли предприятия.

Официальные документы ЦК КПК, решения съездов КПК и пленумов ЦК КПК свидетельствуют о том, что Китай не собирается строить капитализм, а основная задача, как было указано в документах двух последних съездов КПК в 2017 и 2022 гг. – построение социалистического общества к 100-летию образования КНР, то есть к 2049 г. Знакомство с основными документами правящей партии – КПК – показывает, что Китай не торопится, как раньше, быстрее вступить в социализм, а предпочитает действовать по традиционной китайской пословице «Шаг за шагом постепенно добиваться своей цели». В Китае полностью отошли от лозунгов «большого скачка» – «Три года упорного труда – десять тысяч лет счастья».

Сама поездка была связана с участием в двусторонней конференции по проблемам развития международных отношений, которую организовал МИД КНР. На первом этапе участники конференции в Пекине обсудили все проблемы отношений Китая с разными странами мира, а затем состоялась культурная программа, которая дала российским участникам конференции определенное понимание того, что происходит в Китае.

В Пекине участников конференции привели в музей на окраине Пекина у моста Лугоуцяо, где, собственно говоря, и началась Вторая мировая война летом 1937 г., когда Япония напала на Китай с территории марионеточного государства Маньчжоу-го. В этом мемориальном музее было выставлено множество экспонатов, свидетельствующих о жестокости японских оккупантов. В музее регулярно проходит огромное количество экскурсий для посетителей всех возрастов, здесь много школьных экскурсий с учителями, которые рассказывают своим ученикам о зверствах японцев на китайской территории. Таких музеев в Китае довольно много по всей стране. Как следствие, в Китае очень сильны антияпонские настроения. Торгово-экономические отношения между Китаем и Японией находятся на высоком уровне, и объем товарооборота, равно как и объем взаимных инвестиций, больше, чем с Россией. Однако Китай чутко реагирует на малейшие политические и экономические изменения в мире, и Япония всегда попадает под различные китайские санкции. Например, решение об отказе Китая от поставок редкоземельных металлов в Японию было принято после выдвижения Японией территориальных претензий на острова Дяоюйдао в Восточно-Китайском море, после чего возникла угроза всей электронной промышленности Японии из-за нехватки сырья. Именно сложные отношения между Китаем и Японией являются одним из очагов напряженности в АТР, и, судя по негативному отношению китайцев к японцам на бытовом уровне, вряд ли удастся решить эту проблему в ближайшее время.

После приезда в Шанхай нас сразу после размещения в одной из старых гостиниц в центре города повезли на набережную Вайтань. Безусловно, целью посещения было знакомство с новой частью города – районом Пудун, который находился на другом берегу реки Хуанпу. Для многих членов делегации это было первое посещение не только Шанхая, но и самого Китая, и на них после поездок в страны Европы, Японию и Корею Пудун не произвел такого сильного впечатления, как на меня. Сразу вспомнились строки из произведения А. С. Пушкина «Медный всадник»: «Где прежде финский рыболов, печальный пасынок природы, бросал в неведомые воды свой ветхий невод, ныне там громады стройные теснятся дворцов и башен, корабли сюда со всех концов Земли к богатым пристаням стремятся...». Меняем в этой строке слово «финский» на слово «китайский», и сразу становится понятно, как изменился Китай за годы реформ.

В городе, несмотря на высокую плотность населения и большую площадь застройки, было хорошо налажено транспортное сообщение благодаря развитой сети автомобильных дорог, как спрут опоясывающих различные районы Шанхая и большому количеству линий метрополитена. Если вспомнить 1985 год, то в городе вообще не было метро, и основным видом транспорта, как и во всем Китае, был велосипед. Если в начале реформ город прирастал в основном вширь за счет свободных территорий, в частности, находящегося на другом берегу реки Хуанпу района Пудун, то в последние два десятка лет город стал расти вверх и вниз за счет строительства двух-, а то и трехэтажных дорог и подземных туннелей, в том числе и под рекой Хуанпу и многоэтажных уличных развязок на пересечении дорог. Разумеется, Шанхай по-прежнему не застрахован от уличных пробок и заторов, но они по своим масштабам никак не могут сравниться с уже получившими мировую известность московскими пробками.

Хотелось бы напомнить, что в свое время Москва тоже приняла участие в конкурентной борьбе за право принять на своей территории «ЭКСПО-2010», но проиграла этот конкурс Шанхаю. В то время мне довелось принять участие в состоявшейся в московском отеле «Гранд-Мариотт» одной из презентаций, которая была посвящена участию Москвы в конкурсе на проведение «ЭКСПО-2010». Уже на тот момент для меня как для китаеоведа со стажем было очевидно, что Шанхай выиграет это соревнование. Но для чиновников из московской мэрии это было далеко не очевидно. В своей речи во время презентации Москвы на конкурс «ЭКСПО-2010» я порекомендовал всем обратиться к китайскому опыту проведения реформы в целом и городского строительства в Шанхае в частности. Затем стал говорить о том, что Шанхай – очень сильный конкурент Москве, который, по всей видимости, выиграет конкурс и вообще

надо будет учесть китайский опыт реформ в целом и городского строительства в Шанхае в частности. Но чиновники из московской мэрии, наверное, и предполагать не могли, что Москва может проиграть какому-то Китаю, и из зала слышались реплики такого рода: «Да что Китай может! Они питаются одной плошкой риса в день!», «Да у них нет денег на такие мероприятия!» и далее в том же духе, давая понять, что выступающего занесло куда-то резко в сторону. Возвращаясь домой, я думал про себя о том, как живучи оказались штампы о Китае как о нищей стране, которые сложились за многие годы, и уж никак не думал, что Шанхай окажется настолько роковым городом для Ю. М. Лужкова, который был мэром Москвы он руководил с 1992 по 2010 г.

Сравнение городского хозяйства Шанхая, который является более крупным городом, чем Москва, оказалось настолько не в пользу Москвы, особенно ситуация на дорогах со сплошными пробками не только в часы пик, но и в течение всего дня, что это навевало самые мрачные размышления. Если говорить серьезно, то для сравнения состояния городского хозяйства Москвы и Шанхая имеется 20-летний отрезок времени.

Первый раз в Шанхай я попал в 1985 г., когда был стажером Китайского Народного университета в Пекине и оттуда выехал в командировку в Шанхай для сбора материалов для своей докторской диссертации и изучения опыта проведения экономической реформы в одном отдельно взятом крупном городе. Как и ожидалось, Шанхай выглядел достаточно своеобразно и в полной мере отражал название тех районов в городах СССР, которые народ называл «шанхаями» или «шанхайками», что показывало, во-первых, огромную скученность населения, во-вторых, хаотичность застройки. Исключением были главная набережная города Вайтань (или по-английски «The Bund»), которая выглядела вполне по-европейски с построенными еще в 20–30-е гг. зданиями банков, первоклассных гостиниц и административных учреждений, и главная улица Шанхая – Наньцзинлу, являвшаяся главной торговой улицей города, где почти в любое время дня одновременно находилось огромное множество людей. Прогулки по главной набережной Шанхая – Вайтань – в апреле 1985 г. представляли большой интерес и своими видами для фотографирования. С одной стороны – вполне современный город XX века, старый район Шанхая Пуси со всеми зданиями, жилыми домами, административными учреждениями и огромными толпами китайцев. С другой стороны – через реку Хуанпу – дикий остров Пудун, на котором росли камыши и тростник, у острова стояли старые джонки и сампаны, с которых крестьяне в своих остроугольных соломенных шляпах и старых синих хлопчатобумажных костюмах ловили рыбу в реке Хуанпу. Глядя на эту картину, уж никак нельзя было представить вид новой экономической зоны Пудун с башней

«Жемчужина Востока» и большим количеством высотных зданий и небоскребов на острове на другом берегу реки через 20 лет.

Моя следующая поездка в Шанхай состоялась через 19 лет, в 2003 г. Когда я оказался в том же месте на набережной Вайтань и посмотрел на другой берег, я почувствовал, что попал в машину времени, которая меня перенесла на много лет вперед. Ну не могло всё так измениться, нельзя так преобразить облик Пудуна за такой короткий срок! Принимающие меня китайцы начали мне объяснять, что такое преображение произошло не сразу, что сюда были вложены большие инвестиции, работы было много, но труд был вознагражден. Мне даже рассказали местную поговорку конца 80-х – начала 90-х годов, когда начали осваивать Пудун: «Лучше иметь койку в Пуси, чем квартиру в Пудуне». Однако сегодня зона Пудун – один из самых современных передовых районов Китая, где имеется не только разветвленная транспортная сеть, включая линии метрополитена, не только просторные автотрассы с большими транспортными развязками, не только большое количество новых гостиниц с различными ценами – от роскошных пятизвездных отелей до маленьких недорогих гостиниц и общежитий, – но и скоростной поезд на магнитной подушке до международного аэропорта Пудун. При этом Шанхай хорошо сохранил свой исторический центр с основными достопримечательностями – парк Юйюань, здание, где был проведен I съезд КПК в 1921 г., старые улицы и различные музеи в центре города, здания которых были реставрированы.

Сразу после окончания «ЭКСПО-2010» наша делегация из Москвы приехала в Шанхай на конференцию по проблемам АТЭС. Мы приземлились в новом Пудунском аэропорте Шанхая. Старый аэропорт находился в другом конце города. Когда нам сказали, что гостиница, где мы будем жить, находится далеко, я по старой памяти, помня о шанхайских транспортных пробках, спросил, сколько времени мы будем туда добираться. Нам ответили: «Не волнуйтесь. Сейчас вас быстро туда доставят, дорога займет не больше часа». И действительно по эстакадам над городом мы добрались на другой конец Шанхая менее чем за час. Так что если очень захотеть, то всё можно сделать, в том числе и решить транспортную проблему в густонаселенном городе.

Безусловно, в Шанхае были и случаи взяток, и коррупция, и злоупотребление служебным положением, но за городскими руководителями был жесткий контроль со стороны Дисциплинарной комиссии города, которая имела особые полномочия. Даже чрезвычайно высокое положение первого секретаря парткома Шанхая, члена Политбюро ЦК КПК Чэнь Лянюя не спасло его от наказания. По итогам работы Дисциплинарной комиссии он был снят со всех постов, отдан под суд и приговорен к высшей мере наказания, о чем широко сообщалось не только в китайской,

но и мировой печати. Постоянный контроль за деятельностью городских властей обусловил то, что планы по развитию городского хозяйства Шанхая служат интересам развития экономики города, интересам городских жителей. Шанхай за годы реформ стал своего рода маяком, буксиром, который ведет за собой не только экономически развитые районы Восточного Китая, но и всего Китая в целом, который во многом ориентируется на шанхайский опыт развития городского хозяйства.

В нынешних условиях напрашивается вывод для руководства Москвы: надо изучать опыт развития городского хозяйства Шанхая, как положительный, так и отрицательный, постараться изучить все аспекты развития города – усовершенствование транспорта, административной и социальной сферы, здравоохранения, науки и образования, а также администрирования. И только после внимательного изучения опыта реформ городского хозяйства Шанхая можно будет принимать решения о том, как дальше управлять Москвой и сделать жизнь москвичей такой, как провозглашено в главном лозунге «ЭКСПО-2010» в Шанхае – «Лучше город – лучше жизнь».

Мне много раз позднее доводилось посещать Шанхай с различными целями в ходе частых командировок в Китай. Но, к сожалению, только один раз, уже в последний год перед эпидемией COVID-19, Фуданьский университет, который удостоил меня званием «почетного профессора университета», устроил мне и американскому китаеведу Лоуэллу Диттмару на целый день экскурсию по Пудуну с посещением различных финансовых организаций, конструкторских бюро и инновационных фирм. Когда в конце 80-х – начале 90-х годов стал застраиваться Пудун, многие жители Шанхая не верили, что там что-то может получиться. Однако уже в 90-е гг. горожане изменили свое мнение, и многие зажиточные шанхайцы стали продавать свое жилье и переезжать на постоянное место жительства в Пудун, который в начале 90-х годов официально получил такой же статус, как Шэньчжэнь, и стал особой экономической зоной со своей роскошной инфраструктурой, которая уже сложилась к XXI веку.

В 2004 г. во время длившейся месяц командировки по различным провинциям и городам Китая в рамках научного гранта РГНФ (Российского гуманитарного научного фонда) удалось принять участие в международной научной конференции по проблемам народонаселения, которая состоялась в Шанхае. Эта конференция была организована Шанхайской академией общественных наук и мэрией Шанхая при поддержке Фонда народонаселения ООН. На конференцию было приглашено много официальных лиц из правительства КНР и ЦК КПК. Основной целью конференции было доказать необходимость отказа для Шанхая и, может быть, для всей страны от политики однодетной семьи. Дело было в том, что в Шан-

хае к тому времени стало ясно, что в городе сложился дефицит рабочей силы на предприятиях. Старые рабочие по возрасту выходят на пенсию, а молодежи недостаточно, чтобы восполнить этот дефицит рабочей силы. Для доказательства этого тезиса на конференцию помимо своих китайских ведущих демографов из различных университетов, институтов и ведомств, были приглашены ведущие демографы из различных стран мира и ведущие сотрудники Фонда народонаселения ООН, которые выступили на конференции со своими докладами. Мы с супругой, Еленой Степановной Баженовой, тоже попали в число ведущих мировых демографов, так как в 1991 г. выпустили книгу «Население Китая» с рекордным для научных изданий тиражом в 20 тыс. экземпляров.

Следует отметить, что в ходе реформ руководство КНР уделяло повышенное внимание именно вопросам народонаселения страны. На первых этапах реформы считалось, что в Китае населения настолько много, что стране грозит перенаселение. Еще в 70–80-е гг. публиковалось множество прогнозов, в которых обосновывалась необходимость контроля рождаемости. В результате в конце 70-х гг. на начальном этапе реформ стал актуальным лозунг «Одна семья – один ребенок», который строго выполнялся. За нарушение этого положения выписывались штрафы на семью, где появлялся второй и даже третий ребенок. На XII съезде КПК (сентябрь 1982 г.) были приняты прогнозные показатели на 2000 г.: численность населения не должна превышать 1,2 млрд человек, а объем валовой продукции промышленности и сельского хозяйства должен быть в 4 раза больше, чем в 1980 г., то есть составить 2800 млрд юаней. На тот момент это казалось фантастикой, но мы у себя в Институте Дальнего Востока АН СССР составили комплексный прогноз социально-экономического развития Китая на 2000 г., исходя из китайских показателей. В результате Китай превысил оба этих показателя уже в 1995 г.

В Китае проведение переписи населения имеет длительную историю еще с периода династии Хань. Как правило, перепись в Китае проводилась в спокойные годы, когда не было войн и стихийных бедствий. Она была нужна для того, чтобы определить необходимое количество налогов, которые взимали с главы семьи *дин* 丁, на которого было записано землевладение. В древние и средние века налог в основном взимался не с количества проживающих людей, а с земли. В результате, несмотря на большое количество обрушивавшихся на Китай различных стихийных бедствий (от тайфунов и изменения русла рек до неурожаев), в стране численность населения в отдельные периоды значительно увеличивалась. В частности, только в периоды правления династии Цин с середины XVII до середины XIX в. при правивших по 60 лет каждый императорах Канси и Цяньлуне численность населения выросла на 100 млн человек.

Большое внимание уделяется демографической политике и в настоящее время. С момента образования КНР (1949 г.) в Китае было проведено семь Всекитайских переписей населения. С 1990 г. традиционно Всекитайская перепись населения проходит раз в 10 лет, в промежутках между переписями населения проводятся различные выборочные обследования. Всё это позволяет оценить перспективы развития населения страны. В 80–90-е гг. были опасения, что имеющихся в стране природных ресурсов может не хватить для обеспечения растущего населения, и был определен показатель предельной численности населения страны в 1,6 млрд человек. Однако в течение двух последних лет смертность превышает рождаемость, и возникла проблема – кто будет работать дальше, ведь уходящих на пенсию больше, чем поступающих на работу. Поэтому после проведения 7-й Всекитайской переписи в 2020 г. было принято решение разрешить иметь всем семьям сколько угодно детей. Но оказалось, что в условиях рыночной экономики, когда заметно выросли цены на здравоохранение, образование, культуру, иметь ребенка стало дорогим удовольствием, так что многие семьи стали воздерживаться даже от рождения первого ребенка. Поэтому недавно в Китае и было принято решение о повышении пенсионного возраста на пять лет – для мужчин до 65 лет, для женщин – до 60 лет.

В Шанхае это поняли раньше всех, потому что город всегда был экономическим лидером страны. С одной стороны, здесь ограничили приток населения со стороны, и численность населения города с прилегающими уездами на протяжении многих лет не превышает 25 млн человек. Но с другой стороны, развитие СЭЗ Пудун и развитие городской инфраструктуры еще 20 лет назад требовали набора рабочей силы. Стало ясно, что без привлечения дополнительных работников Шанхаю никак не обойтись. Но тогда, в 2004 г., несмотря на решение конференции о необходимости сделать исключение для Шанхая и разрешить иметь семье больше одного ребенка, такое разрешение из центра получено не было.

Мне еще много раз приходилось бывать в Шанхае. Следует отметить, что до проведения «ЭКСПО-2010» рост населения и, соответственно, увеличение количества автомобилей привели к тому, что по городу стало невозможно нормально передвигаться из-за транспортных пробок. В этих условиях власти Шанхая поняли, что надо как-то решать транспортную проблему, и было найдено оптимальное решение: 1) создать сеть эстакад, чтобы разгрузить основные улицы, 2) развивать метрополитен, что и было с успехом сделано буквально за несколько лет.

Представляет особый интерес для читателей визит нашей маленькой делегации из трех человек в Пекин и Шанхай с целью ознакомления с достижениями Китая в области нанотехнологий. Этот визит был организован компанией «Роснано», которая решила ознакомиться с китай-

скими научными достижениями в этой области. В отличие от большинства прошлых поездок, эта поездка полностью была профинансирована российской стороной. При этом при согласовании маршрута, сроков и условий пребывания нам было заявлено, что китайская сторона переводчика не предоставляет. Это дало возможность составить делегацию только из специалистов, свободно владеющих китайским языком и хорошо знающих тему исследования.

Наша делегация ранним утром прилетела в Шанхай, и мы приняли решение добираться до забронированной гостиницы нестандартным способом: из Пудунского аэропорта доехать до одной из станций метро в Пудуне на высокоскоростном поезде «Маглев» на магнитной подушке, а затем на конечном пункте пересест на такси и на нем добраться до забронированной гостиницы в центре города. «Маглев» домчал нас из аэропорта до конечной станции за пять минут. Мы не успели даже толком усесться и разложить вещи.

В Шанхае мы посетили несколько научно-исследовательских и проектных организаций, которые занимались нанотехнологиями. Развитие этого направления науки в КНР началось с 1997 г., когда несколько китайских академиков из Академии наук Китая написали письмо в ЦК КПК о тревожном отставании Китая в этой сфере от Запада и необходимости сконцентрировать усилия на этом направлении. ЦК КПК своевременно отреагировал на это письмо, и по всему Китаю стало создаваться большое количество научно-исследовательских институтов и компаний, которые занимались разработками в этой сфере.

Для изучения ситуации нас направили в близлежащий город Сучжоу, где находится китайско-сингапурская зона научно-технического развития. В этой зоне мы посетили фирмы, где в ходе продолжительных бесед получили полное представление о развитии и перспективах китайского образования и науки. В Китае хорошо понимают, что в результате «культурной революции» в сфере образования и науки страна произошло сильное отставание от других стран. На первом этапе студенты направлялись для обучения в разные страны мира, в основном в США, Великобританию, Францию, Японию, Австралию, где они должны были сначала получить степени бакалавра, а затем магистра. После этого какая-то часть из них устраивалась на работу в одну из местных фирм, другая часть продолжала учебу. Они поступали в аспирантуру и защищали диссертации по теме исследования; затем создавали в стране пребывания свои инновационные фирмы, полностью к этому времени усвоив весь комплекс знаний в своей сфере. После нескольких лет работы в фирме они возвращались в Китай, где уже создавали новую и новейшую технологию производства высококачественной продукции в самых разных отраслях.

Одним из таких примеров является одна высокотехнологичная компания, которая показала нам опытный образец так называемой «нанособаки». «Нанособака» – это прибор, который можно использовать в различных сферах – от таможни до контроля качества продукции. Используя нанотехнологии, с помощью обычного компьютера и специальной приставки можно определить наличие оружия у проходящего через терминал человека или, например, определить качество водки. В Китае на тот момент участились случаи подделки китайской водки маотай, которая производится только в одном месте – уезде Маотай провинции Гуйчжоу. Проверка бутылки маотая на специальной приставке к компьютеру сразу показывает наличие или отсутствие необходимых компонентов для приготовления этой водки.

Как мы поняли, таким образом Китай уже много лет готовит свои высококвалифицированные кадры во всех областях.

Перед завершением нашей поездки мы посетили центр развития нанотехнологий в Пекине, где удалось получить необходимые материалы о достижениях китайских ученых и научно-исследовательских учреждений в этой сфере. В конце поездки состоялась экскурсия на китайский рынок Чжунгуаньцунь, аналог нашей «Горбушки», только гораздо масштабнее. Чего там только не было, причем любая продукция по весьма умеренным ценам, существенно дешевле, чем на «Горбушке». В качестве заключительного аккорда нашей поездки у одного из нас что-то случилось со смартфоном. В одном из отделов мы дали посмотреть смартфон шустрому китайцу, который занимался ремонтом техники. Он быстро поставил диагноз: вышла из строя одна деталь; заказал ее по телефону. Через несколько минут эту деталь нам привезли, ее поменяли. Мы проверили работу смартфона, довольные пошли к себе в гостиницу и стали готовиться к отправке на родину.

Цинхай. Лобнор – начало ракетно-ядерной программы.

Цинхай-Тибетская железная дорога

Цинхай. Численность населения – 5,76 млн чел. в 2023 г., валовой региональный продукт – 379,9 млрд юаней (53,5 млрд. долл.), ВРП на душу населения – 63 903 юаня (9000 амер. долл.), доходы на душу населения – 28 587 юаней (360 196 рублей), среднедушевая зарплата в городах – 10 201 юань (127 530 рублей).

Провинция Цинхай – одна из тех отдаленных западных провинций, куда нелегко добраться. Безусловно, многие путешественники, которые хотели попасть в Тибет, выбирали маршрут через Цинхай до введения в эксплуатацию высокогорной железной дороги Синин – Голмуд – Лхаса. Во время стажировки советских стажеров четверо из всей

группы поставили себе задачу попасть в Тибет, они туда поехали и получили массу интересных впечатлений. Первыми в зимние каникулы туда добралась группа из двух ученых – П. Иванов из ИВ АН СССР и А. Кузьменко из ИМЭМО АН СССР. Они выбрали довольно дешевый, но тяжелый маршрут через Цинхай. Добрались поездом до столицы Цинхая – Синина и оттуда до Голмуда (в 1985 г. это был последний населенный пункт на западе Китая, куда можно было добраться на поезде). Затем в Голмуде, посмотрев однообразный индустриальный пейзаж, состоящий из массы предприятий по переработке калийной соли, добирались двое суток на автобусе по высокогорному шоссе Голмуд – Лхаса. Обратно они вернулись на чуть более комфортабельном автобусе до Синина, там, усталые, приобрели билеты до Пекина в мягкий спальный вагон и трое суток пути до Пекина отсыпались после длительной поездки. Другая группа из двух человек – А. Дикарев из ИВ АН СССР и А. Лукин, в то время студент МГИМО МИД СССР, использовали аналогичный маршрут, но из Голмуда до Лхасы они добирались на армейских грузовиках, а ночевали в солдатских казармах на трассе, так как на высокогорном шоссе стояло много воинских частей НОАК. Как они рассказывали в личных беседах, никаких экономических реформ в горах на территории Цинхая и Тибета замечено не было. Единственное, на что они обратили внимание, воинским частям НОАК было разрешено принимать иностранных туристов на ночлег за деньги, надо сказать, за весьма умеренную плату, намного ниже, чем стоимость номера в сутки в гостиницах Лхасы. После поездки на грузовиках из Голмуда до Лхасы они решили лететь обратно из Лхасы самолетом до Чэнду (тогда стоимость билета в один конец была 328 юаней) и затем поездом до Пекина. Они изложили свои впечатления о поездке в Тибет в вышедшей на следующий год книге.

У меня тоже возникало тогда желание попасть в Тибет и посмотреть местные достопримечательности, начиная с дворца Потала в Лхасе. Но в Китае помимо Тибета были и другие интересные места, и мой выбор пал на соседнюю провинцию «вечной весны» – Юньнань (подробнее см. раздел «Юньнань»).

Через 20 лет после первой поездки в КНР так получилось, что осенью 2004 г. меня пригласили туда для чтения лекций по линии Высшей партийной школы ЦК КПК. Когда прибыли в Синин – столицу Цинхая, выяснилось, что высшая партийная школа ЦК КПК готовит кадры руководящих работников по всей стране (*ганьбу*), и ее филиалы имеются в каждой провинции. Для того, чтобы получить назначение на руководящую должность, необходимо пройти курс подготовки в высшей партийной школе – год или полгода, и только после получения свидетельства можно претендовать на желаемый пост. Меня попросили прочитать курсантам две лек-

ции по темам «Уроки распада СССР» и «Сравнительный анализ экономических реформ в России и Китае». Самое интересное, что в ходе недельного пребывания в Цинхэе была организована программа посещения различных организаций, поездка в буддийский монастырь Таэрсы недалеко от Синина, поездка на озеро Цинхай – монгольское название Кукунор (по имени этого большого озера названа провинция) и поездка в китайскую деревню недалеко от столицы провинции – Синина.

Из Пекина до Синина долетели быстро – менее чем за два часа, что меня несказанно удивило, потому что перелет из Пекина до Гуанчжоу на юге Китая занимает более трех часов. После приземления нас повезли в гостиницу в центре города, где был выделен номер на третьем этаже. Гостиница была, по-видимому, построена еще до образования КНР. В ней не было лифта, и мы пешком по лестнице с вещами добирались на третий этаж. Местные сопровождающие спросили нас, как мы себя чувствуем после пешего подъема на третий этаж. Затем нам объяснили, что вся провинция Цинхай – это высокогорная провинция, где в среднем высота более 3000 метров над уровнем моря, а сам Синин находится на высоте более 2000 метров, так что многие гости в провинции чувствуют себя плохо из-за большой высоты и испытывают нехватку кислорода.

Но это было не первое наше удивление при посещении Цинхая. Выяснилось, что по многим параметрам Цинхай сильно отличается от других провинций Китая, и нам стало понятнее, чем западный Китай отличается от приморских провинций. Мы привыкли, что в Китае на завтрак всегда подают жидкий рис (*сифань* 稀饭), который, во-первых, способствует развитию аппетита, во-вторых, снимает все проблемы, которые возникают после сытного вечернего китайского ужина. Однако здесь в гостиничном ресторане нас ждал сюрприз. Вместо традиционного блюда – разваренного жидкого риса – в середине стола стояла большая тарелка с традиционным русским и белорусским блюдом, по-русски «картошка в мундире», а по-белорусски «картошка в лушпайке». Рядом стояла огромная солонка с крупнозернистой солью. Нам сразу объяснили, что это традиционное блюдо для Цинхая, так как рис и пшеница здесь не растут – слишком холодно, а для картофеля климат в самый раз. Оказалось, что клубни картофеля здесь более крупные, чем в средней полосе России. Буквально через месяц во время визита в КНР президента Белоруссии А. Лукашенко было подписано двустороннее соглашение об обмене опытом по выращиванию картофеля. И многие китаеведы недоумевали, зачем это – в Китае этот овощ не пользуется популярностью. Однако после посещения Цинхая, а потом и Ганьсу, стало понятно, что в условиях этих провинций выращивать картошку выгоднее, чем рис, и местные жители с удовольствием часто едят ее вместо риса.

Произвело впечатление и посещение одного из самых больших в Китае буддистских монастырей – Таэрсы. Множество буддийских монахов и просто верующих в буддистских одеяниях, множество послушников в храме. Там стоят молитвенные колеса, и многие вертят эти колеса, смотрят на них и думают, как дальше сложится их судьба.

В Синине оказалось много мусульман, которые, по-видимому, пришли туда еще в средние века. Для них была построена одна из крупнейших мечетей не только в Китае, но и в Азии. В целом же жизнь в Синине шла довольно неспешно и существенно отличалась не только от жизни в Пекине и Шанхае, но и во внутренних районах Китая, таких как Ухань или Сиань.

Очень интересной оказалась поездка на озеро Цинхай, которое занимает довольно большую площадь. Озеро соленое, но вода из него используется для приготовления еды, в частности, ухи из выловленной в озере рыбы. Основная еда местных жителей – это мелкая рыба из озера Цинхай, которую ловят местные рыбаки. Свежая рыба в большом количестве продается на местных рынках и во всех видах готовится в столовых и ресторанах. Китай довольно активно использует символы озера Цинхай (Кукунор) для привлечения иностранных инвестиций (слишком далеко от государственных границ, от морских портов, слабая экономическая инфраструктура). Для привлечения инвесторов используются красоты местных пейзажей и, в первую очередь, самого озера. Для привлечения иностранных туристов и инвесторов там стали организовывать велосипедные гонки по шоссе, окружающему озеро. К моему удивлению, уже тогда эти велогонки проходили несколько раз, в них участвовали многие иностранные велогонщики, и для победителей и участников гонки выделялись приличные суммы за победу на этапах, в целом за победу и призовые места и за участие в гонках. Я задал вопрос об участии российских велогонщиков и получил ответ, что наши спортсмены туда не добирались.

После поездки по озеру на катере нас повезли на перевал Солнца и Луны, который еще в средние века считался границей между Китаем и Тибетом. Там на высокогорье мы впервые увидели стадо блаженно гуляющих яков, которые обеспечивают местных жителей мясом, шерстью и маслом. Нам дали возможность покататься на яке и сфотографироваться на нем. Удовольствие, надо сказать, сомнительное. Во время езды страшно трясет, как на верблюде.

Во всех местных храмах и монастырях все лампадки заправлены маслом яка, все местные одежды сделаны из шкур яка. Во многих ресторанах главное блюдо – это бифштекс из мяса яка. Перевал Солнца и Луны – это место, где в VIII в. н. э. китайскую принцессу провожали в Тибет, когда ее

отдавали замуж за тибетского короля – таким образом тогда укреплялись связи между Танской империей и Тибетом путем развития родственных связей (как впрочем, и между другими странами в Европе и Азии).

Состоялась и поездка в китайскую деревню недалеко от Синина. Деревня оказалась вовсе не бедная, как мы ожидали. Дома достаточно просторные, и на человека приходилось более 30 квадратных метров – больше, чем в городе. При этом в домах было много мебели, стоял телевизор, музыкальный центр, во дворе были теплицы и оранжереи, в которых выращивались цветы и овощи. У каждого двора стояли велосипеды и мотоциклы, а кое-где и внедорожники. Нас угостили местным ужином без особых излишеств, но вполне сытным. В ходе ужина мы много узнали о жизни местных крестьян, которые там достаточно неплохо устроились, выращивая в теплицах овощи и реализуя их в городе по рыночным ценам. Это позволяло местным жителям не только сводить концы с концами, но и приобретать для себя товары длительного пользования, такие как телевизоры, стиральные машины, кондиционеры и т. п.

Следующая поездка в Цинхай состоялась летом 2007 г., когда по программе изучения проблем экономического развития западных районов Китая делегация Института Дальнего Востока посетила сразу три провинции: Ганьсу, Цинхай и Тибет. Провинция Цинхай – это место, где создавалась ракетно-ядерная программа Китая. Именно туда, в некогда закрытую лабораторию недалеко от Синина привезли нашу делегацию. В 1958 г. полковник ВВС США Цянь Сюэсэнь во время командировки в Гонконг перебежал в Китай, где возглавил работы по ракетно-ядерной программе. Значительная часть экспериментальной работы проходила в лаборатории № 1 на плоскогорье в провинции Цинхай. Уже в 60-е годы прошлого века были запущены ракеты ближнего и среднего радиуса действия, в 1964 г. прошли испытания атомной бомбы, а затем и водородной бомбы на озере Лобнор. Неподалеку, в провинции Ганьсу был построен космодром, откуда запускались первые китайские искусственные спутники Земли. Прошло уже много времени, и в Китае действуют несколько космодромов, строится космическая станция «Тяньгун» («Небесный дворец»). В настоящее время Китай существенно нарастил свой ракетно-ядерный потенциал, но всё начиналось именно там, в провинции Цинхай вдали от чужих глаз, с соблюдением выдвинутого Дэн Сяопином принципа «Не высываться раньше времени».

Но самое главное достижение Китая в начале XXI века – это реализация крупного инфраструктурного проекта – строительство высокогорной железной дороги Голмуд–Лхаса, которая стала своего рода витриной достижений Программы по освоению западных районов. Это самая высокогорная железная дорога в мире, половина ее трассы проходит на высоте

свыше 4000 метров над уровнем моря, а высшая точка на перевале Тангла имеет отметку 5070 метров.

Высокогорная железная дорога Цинхай – Тибет начинается в столице провинции Цинхай – Синине, кончается в столице Тибета – Лхасе, протяженность всего пути составляет 1956 км, участка Синин – Голмуд – 814 км (построен в 1984 г.), нового участка Голмуд – Лхаса – 1142 км, она идет почти параллельно автодороге (новый участок начали строить 29 июня 2001 г., закончили 1 июля 2006 г.). Проект разрабатывался с 1956 г. Строительство первого участка было начато в марте 1974 г., закончено в 1984 г., и сразу начались научные геодезические исследования территории второго участка. Но строительство не начиналось по техническим причинам, было много трудностей. 16 лет велись научные исследования, с 1984 г. проходил выбор маршрута и техническое обоснование – это заняло шесть лет. Наконец, в начале 2001 г. было принято решение о строительстве нового участка. Интересно отметить, что, готовясь к этому путешествию, мы обратили свой взор к одному из лучших путеводителей серии «Lonely Planet», выпущенного в начале 90-х гг., и в разделе о Тибете обнаружили информацию о том, что китайские власти в 80-е годы пригласили группу экспертов из Швейцарии в этот район, чтобы получить их заключение о возможности строительства железной дороги по маршруту Голмуд – Лхаса. Заключение было единодушным и категоричным: в столь сложных природных условиях строительство такого инженерного сооружения невозможно. Поэтому проектирование, научное обоснование, разработка новых технологий для прокладки путей китайскими учеными и строителями велись немалое число лет, но поставленные цели были достигнуты, все технические задачи и экологические проблемы блестяще решены. Даже путешественник-обыватель, видя эту дорогу, может оценить, насколько она не только технически совершенна, но и красива, как могут быть красивы новые и дорогие игрушки, к тому же в обрамлении необычайных горных и равнинных пейзажей.

В 2004 г., когда мы посетили Цинхай, китайская пресса уделяла много внимания строительству высокогорной железной дороги. Было много репортажей основных китайских телевизионных каналов, в которых каждый день рассказывалось об успехах и трудностях ее строительства. Как я понял из различных телерепортажей, самую большую трудность вызывал тяжелый физический труд на высокогорье при нехватке воздуха. Было видно на кадрах телепередач, что рабочие часто были вынуждены бегать в специальные палатки, где можно подышать кислородом. Еще об одной проблеме я узнал из бесед с жителями деревни близ Синина. Многие рабочие на строительстве были из других провинций, в основном из приморских районов, и когда они уезжали к себе на родину после

окончания срока, женились на местных девушках и забирали их к себе. Но в целом тогда в 2004 г. для нас было ясно, что через пару лет эта высокогорная железная дорога будет построена, и Тибет получит железнодорожное сообщение через провинцию Цинхай.

При строительстве этой дороги было выявлено много опасностей. Во-первых, это угроза наступления песков на четырех участках трассы (вокруг озера Цинхай близ Синина; река Дэлиньха; гора Ситэшань – рядом с Цайдамской впадиной; на южной стороне хребта Куньлунь длиной 440 км). Был разработан целый ряд технологий укрепления песков – это квадраты со сторонами – щитками из трав, камней или дерева (таким было задержание песков на третьем участке Ситэшань). Можно также возводить железобетонные ограды, блоки железнодорожных шпал, заборы высотой около 1 м. Все эти меры эффективно использовались для задержания песков. Во-вторых, возникла необходимость сохранения вечной мерзлоты, высокогорной тундры. Из 1956 км общей протяженности дороги 550 км находятся в зоне вечной мерзлоты, это участок от перевала Фэнхошань через горный хребет Куньлунь до перевала Тангла через Гималаи. Были подготовлены новые технологии создания зоны вентиляции для сохранения льда – вертикальные трубы, через которые почва могла «дышать». В-третьих, в ходе строительства требовалось восстановление растительного покрова. Цинхай-Тибетское плато – экологически чистая зона, здесь много редких растений и животных, разнообразных природных ландшафтов. Для снижения влияния железной дороги на окружающую среду сначала людьми были высажены травы на территории свыше 4,5 кв. км. Затем эти площади были увеличены до 30 кв. км. И потом из Амдо на южную сторону горы Тангла был создан зеленый коридор длиной около 300 км до Лхасы. Дерн снимался и возвращался обратно после завершения строительства дороги. Таким образом сохранялись луга высокогорных трав. В-четвертых, были изучены маршруты традиционных миграций высокогорных животных (яков и тибетских сайгаков), и в этих местах дорога была поднята на эстакады; всего сделано 33 таких перехода. И, наконец, в-пятых, велась борьба с высокогорными болезнями. В процессе строительства на высоте 4905 м на перевале Фэнхошань для работы давали кислородные маски. На высоте 4500–5100 м использовались барокамеры, куда подавался кислород. Врачами были разработаны медицинские технологии для лечения всевозможных болезней в условиях высокогорья.

Вопросам охраны экосистемы вдоль недавно построенной железной дороги Цинхай–Тибет уделяется очень большое внимание, постоянно ведется мониторинг состояния окружающей среды. В последние годы наблюдается тенденция уменьшения площади ледников на Цинхай-Тибет-

ском плато – она уменьшилась на 10% с начала 80-х годов (идет снижение примерно на 131 кв. км в год с небольшим ежегодным ускорением). Снежное покрытие ледников отступает примерно на 100–300 м в год. Раньше в долинах снежный покров начинался на высоте 3600 м, а сейчас – более 4000 м. С уменьшением площади ледников и отступлением линии снежного покрова сокращаются площади высокогорных болот. «Страну снегов» называют главным водохранилищем Китая, здесь истоки крупнейших рек страны, но количество воды в них постепенно снижается. Согласно прогнозу, к 2050 г. площадь ледников будет составлять 72% от площади существующих, к 2090 г. – всего 50%. Уменьшается площадь озер. Растут территории крупных пустынь – с 8 до 32 тыс. кв. км; площадь засоленных почв увеличилась с 13 до 17 тыс. кв. км с начала 80-х годов.

На всем протяжении дороги поезд делает 10 остановок, три из них – туристические в самых красивых местах. Стоимость строительства составила 7,5 млрд юаней за 7 лет (соответственно, строительство 1 км путей стоило почти 4 млн юаней). Частота движения – 8 пар поездов в сутки. Перевозится 200 тысяч человек в год и 5 млн тонн грузов. В строительстве принимали участие 32 тысячи работников. Оказывали шефскую помощь провинции Ляонин, Шаньдун, Цзянсу, Чжэцзян, Шанхай; другие провинции – по отдельным договорам. Новая дорога в значительной степени способствовала экономическому развитию западных районов.

Следует отметить, что после принятия Программы освоения западных районов Китая стал происходить быстрый экономический рост территорий на Северо-Западе Китая. В частности, быстрое развитие наряду с Цинхаем получили еще три самых отстающих территории Китая – Синьцзян, Ганьсу и Тибет.

В 1999 г. до начала программы освоения западных районов ВРП и душевой показатель ВРП в четырех административных районах Северо-Запада был самым низким в Китае: Синьцзян – 6470 юаней, Ганьсу и Цинхай – по 3668 юаней, Тибет – 4262 юаня. В 2023 г. ВРП на душу населения Ганьсу составил 47 867 юаней, Синьцзяна – 73 774 юаня, Тибета – 65 642 юаня и Цинхая – 63 903 юаня. Безусловно, эти показатели ВРП существенно ниже среднекитайского показателя – 89 358 юаней на душу населения, и Ганьсу пока сохраняет последнее место среди китайских территорий. Но Синьцзян уже ворвался в пятерку лидеров по этому показателю среди западных районов, а Цинхай и Тибет находятся примерно на одном уровне и уже опередили две северо-восточные провинции – Цзилинь и Хэйлунцзян – по показателю ВРП на душу населения. Такие экономические результаты четырех территорий, в том числе и Цинхая, во многом связаны с развитием инфраструктурных проектов, в частности, строительства высокогорной железной дороги Цинхай – Тибет, железных

дорог в Синьцзяне и реализации китайской инициативы «Один пояс – Один путь». Дальнейшие перспективы развития Цинхая во многом связаны с перспективами развития проекта «Экономический пояс Шелкового пути».

Литература / References

1. Островский А. В. Китай становится экономической сверхдержавой. М.: МБА, 2020. [Ostrovsky A. V. China is becoming an economic superpower. Moscow: MBA, 2020. (in Russian)].
2. Островский А. В. Китайская модель перехода к рыночной экономике. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2007. [Ostrovsky A. V. Chinese model of transition to a market economy. Moscow: Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, 2007. (in Russian)].
3. Островский А. В. Формирование рынка рабочей силы в КНР. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2003. [Ostrovsky A. V. Formation of the labor market in the PRC. Moscow: Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, 2003. (in Russian)].
4. Чжунго тунцзи няньцзянь – 1981 [Китайский статистический ежегодник – 1981]. Пекин: ГСУ КНР, 1982.
5. Чжунго тунцзи няньцзянь – 2003 [Китайский статистический ежегодник – 2003]. Пекин: ГСУ КНР, 2003.
6. Чжунго тунцзи няньцзянь – 2024 [Китайский статистический ежегодник – 2024]. Пекин: ГСУ КНР, 2024.
7. Чжунго тунцзи чжайяо – 2024 [Китайский статистический справочник – 2024]. Пекин: ГСУ КНР, 2024.
8. Statistical Yearbook of China 1985. Beijing – Hong Kong, 1985.
9. China Statistical Yearbook 1988. Beijing – Hong Kong, 1988.
10. 1996–2050: Чжунго шэхуэй фачжань чжаньлюэ – цзоу сань сяньдайхуады гоучэн (1996–2050) [Стратегия социально-экономического развития – концепция пути к модернизации] / под ред. Ли Чэнсюня. Пекин, 1997.
11. Чжунго цюйюй цзинцзи фачжань баогао (2007–2008) [Annual Report on China's Regional Economy (2007–2008)] / гл. ред. Ци Бэньчао, Цзин Тихуа. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсян, 2008.
12. Migration and Urbanization in China. Beijing: New World Press, 1993.
13. Лю Шицин. Чжунго Сибу да кайфа цзинцзи чжуаньсинь [Развитие западных районов Китая и экономический переход]. Пекин: Цзинцзи кюсюэ чубаньшэ, 2003.
14. Лю Шицин, Ло Ван, Жэнь Чжицзюнь и др. Сибу да кайфа цзыцзинь чжаньлюэ яньцзю баогао [Исследовательский доклад об инвестиционной стратегии в развитии западных районов]. Пекин: Цзинцзи кюсюэ чубаньшэ, 2003.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Островский Андрей Владимирович – д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник Центра изучения современного Китая Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Ostrovskii Andrei V. – Dsc. (Econ.), Professor, Leading Researcher at the Center for Contemporary China Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 03.04.2025.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 04.04.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 03.04.2025.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 04.04.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 330.332.011 (540)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2025-03-094-107>

ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В ИНДИИ В КОНЦЕ XX И НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Ян Андреевич Рязанов

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
y.ryazanov@ivran.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0801-870X>

Аннотация. Статья прослеживает эволюцию притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Индию от либерализационных реформ 1991 г. до инициатив правительства Н. Модии. Автор показывает, что первоначальные меры по открытию 34 приоритетных отраслей и постепенное снятие ограничений обеспечили резкий рост портфельных и прямых инвестиций, однако объем ПИИ оставался подвержен внешним шокам (азиатский кризис 1997 г., глобальный кризис 2008 г. и др.).

С 2014 г. программы Make in India и PLI вновь ускорили приток капитала, но его структура остается несбалансированной: подавляющая часть инвестиций концентрируется в секторах услуг и программного обеспечения и в четырех штатах (Махараштра, Карнатака, Гуджарат, Дели). Автор заключает, что дальнейший рост ПИИ зависит не столько от расширения формальных допусков, сколько от улучшения инфраструктуры, сокращения бюрократии и целевой поддержки трудоемких отраслей и отстающих регионов.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, либерализация, экономика Индии, инвестиционная политика, глобализация

Для цитирования: Рязанов Я. А. Прямые иностранные инвестиции в Индии в конце XX и начале XXI века. *Восточная аналитика*. 2025;16(3):94-107. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2025-03-094-107>

Original article. Economics studies

FOREIGN DIRECT INVESTMENT IN INDIA IN THE LATE 20th AND EARLY 21st CENTURIES

Yan Ryazanov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
y.ryazanov@ivran.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0801-870X>

Abstract. The article traces the evolution of foreign direct investment (FDI) inflows into India from the 1991 liberalisation package to the Modi administration's recent programmes. Early policy changes – opening 34 high-priority industries and relaxing equity caps – triggered a surge in portfolio and direct inflows, yet FDI remained vulnerable to external shocks such as the 1997 Asian and 2008 global crises.

Since 2014, Make in India and Production-Linked Incentive schemes have revived growth, but inflows are still highly concentrated: services and software dominate sectorally, while Maharashtra, Karnataka, Gujarat and Delhi account for nearly four-fifths of state-level receipts. The author argues that sustaining FDI momentum now hinges less on formal liberalisation and

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

more on upgrading infrastructure, cutting red tape, and targeting labour-intensive industries and lagging regions.

Keywords: foreign direct investment, liberalization, Indian economy, investment policy, globalization

For citation: Ryzanov Ya. A. Foreign Direct Investment in India in the Late 20th and Early 21st Centuries. *Eastern Analytics*. 2025;16(3):94–107. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2025-03-094-107>

Либерализация экономики Индии и прямые иностранные инвестиции

В Заявлении о промышленной политике от 24 июля 1991 г. иностранные инвестиции были допущены в 34 высокоприоритетные отрасли с максимальной долей в 51%. Кроме того, в таких отраслях была отменена необходимость разрешений для технологического сотрудничества с зарубежными компаниями и найма иностранных сотрудников. Помимо привлечения зарубежного капитала эти меры должны были создать более серьезную конкуренцию для национальных производителей и побудить их к инвестициям в НИР [Statement on Industrial Policy, 1991, p. 3–4, pl. B.25, C.28]. К 1999 г. предельная доля иностранного капитала была увеличена до 74% или 100% (но не больше 15 млрд рупий) в зависимости от отрасли [DPIIT, Press Note No. 1, 1999]. Однако в предприятиях, зарезервированных за малым сектором, допускалось лишь 24% иностранного капитала, для увеличения этой доли было необходимо разрешение правительства [DPIIT, Press Note 7, 2008]. Также сохранялось обязательное лицензирование в 18 секторах [Statement on Industrial Policy, 1991, p. 3, pl. A.23], хотя в последующие годы отменили и его [Palit, 2009, p. 10]. В 2000 г. были отменены обязательства по балансу экспорта и инвестиционных доходов для оставшихся 22 видов товаров [Kumar, 2005, p. 1460]. Также с 2000 г. иностранные инвестиции автоматически допускались во все сектора промышленности, за исключением малого и государственного [DPIIT, Press Note No. 2, 2000]. Именно в 2000 г. количество иностранных инвестиций стало больше их одобрений [Akhtar, 2013, p. 6–7].

Косвенными причинами привлечения зарубежных инвестиций могли служить и следующие изменения: 1) отмена административного контроля цен в большинстве секторов; 2) снижение налогов; 3) снижение импортных пошлин (хотя количественные ограничения еще сохранялись) [Маляров, 2010, с. 627, 636]; 4) изменение характера плановости (если раньше государство определяло направление развития экономики и само же воплощало его, то уже в восьмом пятилетнем плане (1992–1997) экономическое развитие должно было осуществляться частным секто-

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

ром, а за государственным сектором закреплялись задачи по определению общих тенденций, по развитию инфраструктуры и по предотвращению неравенства [Dandekar, 1994, p. 1458]).

Еще в 1947 г. был введен закон о контроле за эмиссиями капитала, который следил за тем, чтобы структура капитала компаний корпоративного сектора была разумной [Capital Issues Control..., 1965, p.1, ch. 1–2]. С его упразднением в 1992 г. заметно увеличились частные инвестиции, а рынок ценных бумаг начал расти. Соответственно, увеличилось и количество иностранных инвестиций (особенно портфельных) [Goel, Gupta, 2011, p. 75]. Согласно рис. 1, в 1993 г. количество портфельных инвестиций увеличилось почти в 15 раз по сравнению с прошлым годом и в 1119 раз – по сравнению с позапрошлым, составив 111,88 млрд рупий. Прямые иностранные инвестиции увеличивались медленнее, догнав портфельные по количеству лишь к 1996–97 гг.¹ Также, при условии регистрации в Совете по ценным бумагам и биржам Индии, были допущены иностранные институциональные инвесторы. Кроме того, в 1992 г. компаниям было разрешено продавать акции с премией, то есть превышая ее номинальную стоимость, без соответствующего разрешения от Комиссии по конкуренции, что также способствовало росту фондовых рынков [Goel, Gupta, 2011, p. 77].

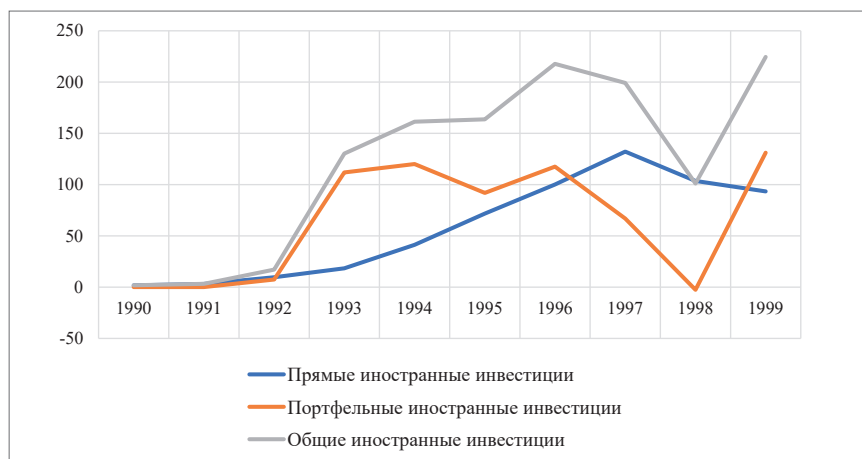

Рис. 1. Структура иностранных инвестиций в Индии, млрд рупий

Источник: составлено автором по Handbook of Statistics on the Indian Economy, 2000–01: Статистический сборник. URL: <https://www.rbi.org.in/Scripts/AnnualPublications.aspx?head=Handbook+of+Statistics+on+Indian+Economy> (дата обращения: 23.05.2025). P. 210, table 139

¹ Handbook of Statistics on the Indian Economy, 2000–01. URL: <https://www.rbi.org.in/Scripts/AnnualPublications.aspx?head=Handbook+of+Statistics+on+Indian+Economy> (accessed: 27.05.2025). P. 210, table 139.

В 1990-х гг. резко уменьшилась доля государственного сектора почти во всех секторах экономики, однако не везде это повлекло за собой увеличение частных, в том числе иностранных инвестиций. Например, после сокращения государственных инвестиций в электрификационную инфраструктуру не случилось ожидаемого роста частных инвестиций и занятости [Nagaraj, 2003, p. 3713].

Кроме того, несмотря на тенденцию к росту прямых иностранных инвестиций, иногда они снижались. Например, в 1997–1998 гг. произошел Азиатский финансовый кризис. В основном от него пострадали Южная Корея, Индонезия, Малайзия и Таиланд, однако серьезное сокращение ПИИ в Индию показывали лишь Южная Корея и Малайзия [DPIIT, Sia Newsletters, Country-wise breakup of FDI, 2000], так как доля остальных и раньше была небольшой (6,5% из стран Юго-Восточной Азии). Хотя портфельные инвестиции пострадали гораздо сильнее [Bhalla, Nachane, 2001, p. 243]. Кроме того, в 1998 г. Индия провела ядерные испытания, после которых на Индию были наложены санкции, что также способствовало спаду ПИИ в конце 1990-х гг. [Wellington, 2014, p. 97]. Количество иностранных инвестиций снизилось и в 2002–2003 гг. из-за таких событий 2001 г., как землетрясение в Гуджарате, террористическое нападение на Индийский парламент и башни-близнецы в США. А уменьшение иностранных инвестиций в 2008–2010 и 2012 гг. связано с мировым экономическим кризисом 2008 г. и европейским долговым кризисом начала 2010-х гг. соответственно [Singh, 2019, p. 47–48].

Особенности и перспективы прямых иностранных инвестиций в современной Индии

В 2014 г. к власти пришла БДП с Нарендрой Модой в качестве премьер-министра. Несмотря на некоторые достижения в либерализации экономики, в начале 2010-х гг. отсутствие реформ снизили тенденцию к привлечению ПИИ, а в экономике по-прежнему было необходимо создавать новые рабочие места, увеличивать производство и привлекать новые технологии. Для этого было необходимо интегрировать экономику в мировую экономическую систему и привлекать большее количество иностранных инвестиций [Sahoo, 2014, p. 2].

25 сентября 2014 г. Нарендра Мода, премьер-министр Индии, запустил программу «Производи в Индии» (Make in India). Как утверждается на официальном сайте этого проекта, причиной было замедление роста экономики в 2012–2013 гг. (рассматривая ПИИ, стоит отметить, что в 2012 г. их поток в Индию уменьшился на 26%, а в 2013 г. вырос всего на 5%, в то время как в 2011 и 2014 гг. количество ПИИ увеличилось на 34% и на 25% соответственно [DPIIT, Fact Sheet on Foreign Direct Investment (FDI), 2011–2014],

что и показано на рис. 2). Целью же ставилось увеличить вклад производственного сектора в ВВП до 25% к 2020 г.,² хотя подобные обещания звучали и до прихода к власти БДП (в 2011 г. правительство также стремилось увеличить долю производственного сектора ВВП, которая с 1980-х гг. находилась примерно на уровне 15–16%, до 25% и создать 100 млн рабочих мест к 2022 г. [Department of Industrial Policy & Promotion (Manufacturing Policy Section). Press Note No. 2, 2011, р. 4]). И спустя 10 лет доля производственного сектора в ВВП страны в постоянных ценах даже опустилась с 16,7% в 2013 г. до 15,9% в 2023 г.³ Даже без влияния глобальных кризисов 2020-х гг. доля производственного сектора в ВВП годами по ценам 2015 г. не была выше 17% [Ministry of Heavy Industries & Public Enterprises, Year-wise Share of Manufacturing in GDP of India at Constant Prices from 2015–16 to 2020–21].

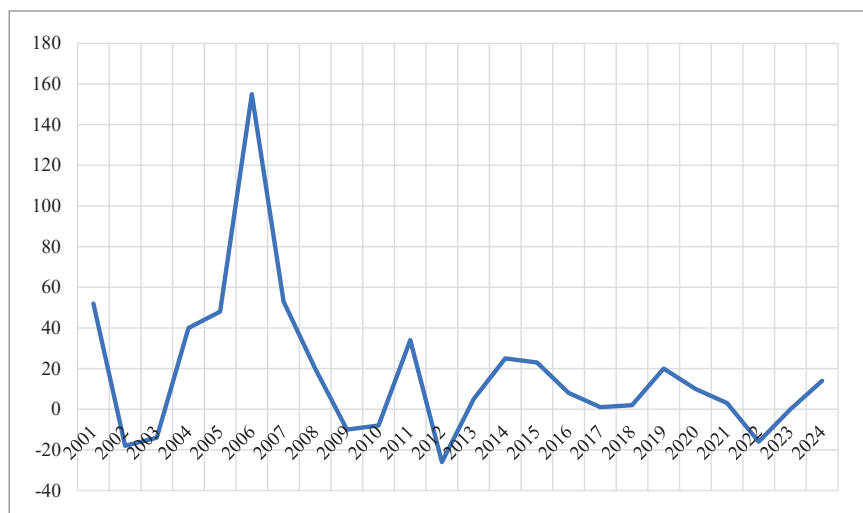

Рис. 2. Рост ПИИ, %

Источник: составлено автором по [DPIIT, 2011–2024, Fact Sheet on Foreign Direct Investment (FDI)]

Хотя по сравнению с ростом ПИИ на 5% в 2013 г., в 2014 г. и 2015 г. он составил 25% и 23% соответственно, после этого он начал снижаться и вышел на значительный рост в 20% лишь к 2019 г. [DPIIT, Fact Sheet on Foreign Direct Investment (FDI), 2013–2021]. Во время эпидемии коронавируса в 2020 г. глобальное количество ПИИ сократилось на 35% [United Nations, World Investment Report 2021: Investing in sustainable recovery, p. 2]. Хотя в Индии этот показатель, наоборот, вырос [DPIIT, Sia Newsletter, Annual

² Make in India. About Us. URL: <https://www.makeinindia.com/about> (accessed: 24.05.2025).

³ Make in India fails to lift manufacturing share in GDP in 10 yrs // The New Indian Express. URL: <https://www.newindianexpress.com/business/2024/Sep/26/make-in-india-fails-to-lift-manufacturing-share-in-gdp-in-10-yrs> (accessed: 24.05.2025).

Issue, 2020, ch. 3 (A)] за счет того, что вырос спрос на цифровые технологии [United Nations..., p. 50], что доказывает и вышеупомянутый рост ПИИ в секторе ПО в Индии. Хотя после кризиса, в 2021 г., мировые показатели притока ПИИ значительно превысили индийские – 64% против 3% в 2022 г. В 2022 г. и 2023 г. отношение было соответственно –12% к –16% и –2% к 0% [United Nations, 2022, p. xi; 2023, p. 5; 2024, p. xi].

Также одной из целей этой программы было создание 100 млн рабочих мест к 2022 г., что также не было достигнуто [Sanghi, Srija, 2015, p. 23]. Изначально затрагивались 25 секторов экономики, но по «Производи в Индии 2.0» («Make in India 2.0») их число увеличилось до 27⁴. В большинстве их них допускается доля иностранного капитала в 100%⁵.

Как достижение этой программы часто приводится в пример рейтинг легкости ведения бизнеса, в котором Индия поднялась с 134-го места в 2014 г. на 63-е место к 2020 г. (хотя в 2015 г. индийское правительство пообещало к 2020 г. быть в топ-50) [The World Bank, 2013, p. 134; 2020, p. 4, 10]. Индия смогла уменьшить время и количество процедур, необходимых для начала бизнеса, до 18 дней и 10 процедур соответственно, однако по регистрации собственности и по обеспечению исполнения контрактов Индия на 154-м и 163-м месте соответственно (на первое требуется 58 дней и 7,8% от стоимости собственности, на второе – 1445 дней и 31% от стоимости претензии) [World Bank Group, 2020, p. 4].

Было проведено исследование, согласно которому улучшение показателей легкости ведения бизнеса, открытости торговли и снижения экономической неопределенности положительно влияют на приток прямых иностранных инвестиций в Индию. Объем ВВП страны также является важным положительным фактором. При этом улучшение показателей в сфере разрешения банкротств и трансграничной торговли оказались незначимы для притока ПИИ. Ухудшение условий труда (Labor Force Index) же оказывает на приток иностранных инвестиций негативный эффект. Особенно ограничивают приток иностранного капитала низкое качество правовой системы государства и низкий показатель человеческого капитала [Kaushal, 2021, p. 12–15].

Если рассматривать привлечение прямых иностранных инвестиций по секторам, можно выделить пять наиболее привлекательных секторов для иностранных инвестиций в 2000–2024 гг. (рис. 3). Они включают в себя сектор услуг, программное обеспечение, телекоммуникации, строительство и торговлю. Среди этих пяти секторов в 2005 г. программное обеспечение

⁴ Make in India 2.0 // Ministry of Commerce & Industry. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1694804> (accessed: 28.05.2025).

⁵ Foreign Direct Investments // Make in India. URL: <https://www.makeinindia.com/policy/foreign-direct-investment> (accessed: 28.05.2025).

было лидирующим, однако с 2006 г. оно уступило место сектору услуг, который показывал активный рост до кризиса 2008 г., но и после него долгое время оставался лидером среди указанных сфер. В 2014 г. замечен всплеск иностранных инвестиций, который не затронул лишь строительный сектор. Однако такие высокие показатели продержались недолго. Несмотря на запуск в 2015 г. инициативы «Цифровая Индия», которая предполагала создание цифровой инфраструктуры, в 2015 г. упали объемы иностранных инвестиций в телекоммуникации, в 2016 г. – в ПО и торговлю, в 2017 г. – в сектор услуг. В 2020 г., во время пандемии коронавируса замечен резкий рост инвестиций в сектор ПО и строительства при явном понижении в других секторах – возможно, это связано с ростом спроса на цифровые решения в условиях локдауна, а также с попытками правительства поддержать экономику и занятость людей в крупных строительных проектах, которые также привлекли и иностранный капитал. Приток ПИИ в ПО чуть позже снизился и примерно сравнялся с сектором услуг. Эти две сферы сильно отрываются от остальных в привлечении ПИИ в последние годы [DPIIT, Sia Newsletter, 2008–2024, ch. 3.3]. Постепенно начали расти инвестиции и в отрасли, связанные с производством, например, возобновляемая энергетика, автомобилестроение, фармацевтика. Возможно, это произошло за счет программы Production Linked Incentive (PLI), предоставляющей финансовые стимулы компаниям за организацию производства внутри страны⁶.

Существует очень значительное неравенство в привлечении ПИИ по штатам. Как следует из рис. 4, в 2024 г. Гуджарат (13,26%), Махараштра (37,05%), Карнатака (13,97%) и Дели (13,52%) получили в совокупности 77,8% ПИИ [DPIIT, Sia Newsletter, Annual Issue, 2020, ch. 4.4]. Махараштра привлекает иностранные инвестиции благодаря развитой промышленной инфраструктуре, устойчивой деловой среде и квалифицированной рабочей силе. Этот штат специализируется на автомобилестроении, оборонной промышленности, текстиле и т. д. Карнатака обладает очень развитой экосистемой технологий, в особенности информационных. Гуджарат отличается современной промышленной инфраструктурой, он специализируется на текстиле и швейном производстве, пищевой промышленности и судостроении. Дели является столицей с развитой инфраструктурой и инновациями и основывается на туризме, здравоохранении и производстве. Наконец, Тамилнад выделяется диверсифицированной устойчивой экономикой и ориентацией на зеленую энергетику и автомобилестроение⁷.

⁶ 10 yrs of 'Make in India': Govt eyes \$100 bn FDI inflows annually // Business Standard. URL: https://www.business-standard.com/economy/news/make-in-india-124092501064_1.html#goog_rewarded (accessed: 26.05.2025).

⁷ Five Indian states with highest FDI in FY 2024–25 // Invest India. URL: <https://www.investindia.gov.in/team-india-blogs/five-indian-states-highest-fdi-fy-2024-25> (accessed: 27.05.2025).

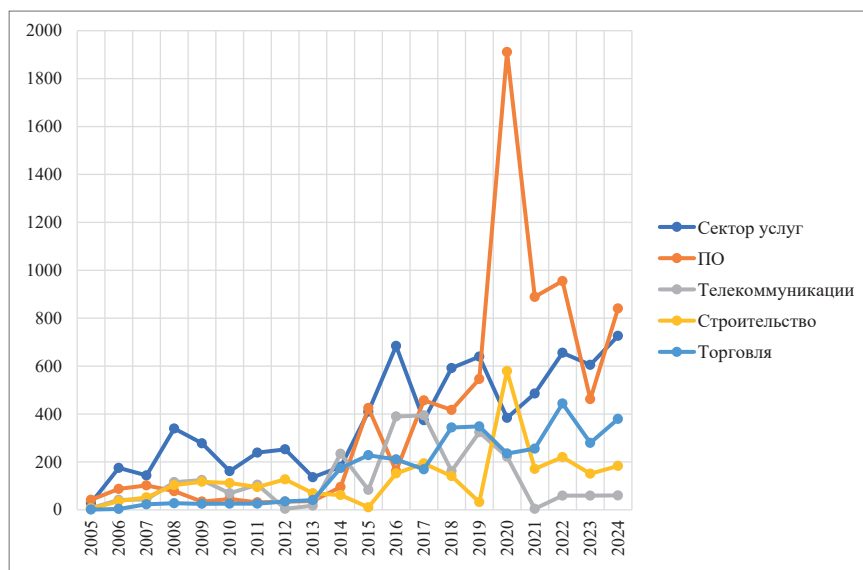

Рис. 3. Рост ПИИ в 5 наиболее популярных секторах за 2000–2024 гг., млрд рупий
Источник: составлено автором по [DPIIT, Sia Newsletter, Annual Issue 2008–2024, ch. 3.3]

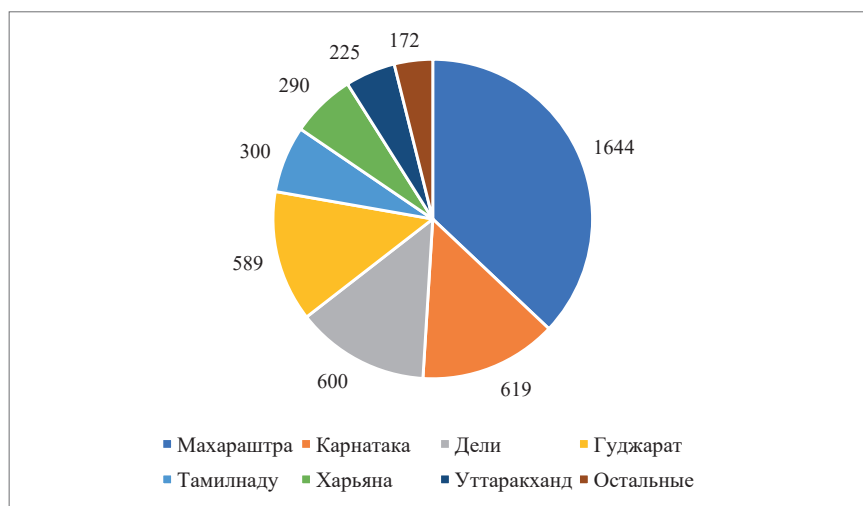

Рис. 4. Доля штатов в получении ПИИ в 2024 году, млрд рупий
Источник: составлено автором по [DPIIT, Sia Newsletter, Annual Issue 2024, ch. 4.4]

В настоящее время ПИИ запрещены в казино, чит-фондах (chit-funds), компании *нидхи* (nidhi company), торговле передаваемыми правами на разработку, производстве табачной продукции, бизнесе с недвижимостью (именно спекуляция), атомной энергетике и некоторых железнодорожных перевозках. В большинстве других сфер доля иностранного участия

автоматически допускается до 100%, хотя остается много секторов, например, пассажирские авиаперевозки, печатные СМИ, телевидение, оборонный сектор и др., в которых автоматический допуск ограничен определённым процентом (чаще всего 49%, 74% или 26%) или вовсе запрещён. В таких случаях на привлечение ПИИ необходимо разрешение правительства или определённые условия [DPIIT, 2020, p. 28–67].

Вторичный и третичный сектора в Индии более привлекательны для инвестиций, чем первичный, так как сельское хозяйство во многом зависит от экзогенных факторов, например, от осадков [Jana, Sahu, Pandey, 2019, p. 66]. В целом иностранные инвестиции в сельское хозяйство могли бы привести к модернизации перерабатывающих мощностей и формированию контрактного сельского хозяйства, но при этом они также способны обеспечить риски монополизации и вытеснения мелких производителей [Nedumaran, Manida, 2019, p. 381–383]. Помимо этого, отсутствие технологий, инфраструктуры и координации смежных секторов в сельском хозяйстве является одновременно и причиной, по которой эта сфера привлекает мало ПИИ, и проблемой, которую иностранные инвестиции могли бы отчасти решить [Gladu, 2019, p. 196]. В третичном секторе Индия выигрывает от того, что главный оппонент в привлечении ПИИ, Китай, в отличие от промышленности, не обладает явными преимуществами перед Индией в сфере услуг [Confederation of Indian Industry (CII), 2020, p. 31].

Электроника имеет перспективы развития за счет спроса на нее в других секторах, большого количества талантливых программистов в сфере ПО и дешевого аутсорсинга. В сфере телекоммуникаций Индия является крупным рынком, где спрос на телефонную связь высок, а отечественные компании не удовлетворяют его полностью. В энергетическом секторе крупные предприятия нуждаются в столь же крупных инвестициях, но при этом цена на электроэнергию оказывается зачастую низкой, что вызывает подозрения в низкой рентабельности. Транспортный сектор может считаться перспективным благодаря низкой цене производства и увеличению спроса [Prasad, Rajani, Mubeen, 2021, p. 2221–2223].

Таким образом, Индия страдает от слабой диверсификации источников и направлений прямых иностранных инвестиций. Такие отрасли, как сектор услуг, строительство, торговля и программное обеспечение получают несоразмерно больше прямых иностранных инвестиций, чем отрасли, связанные с производством. Среди источников инвестиций особо выделяются Маврикий (17%) и Сингапур (30%), инвестиции из которых составляют около половины общего притока⁸, что ставит Индию в уяз-

⁸ India Records USD81.04 Billion FDI Inflow in FY 2024–25 // Ministry of Commerce & Industry. URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2131716> (accessed: 29.05.2025).

вимое положение от отношений с этими двумя странами и их политики в области ПИИ [Shalini, 2020, p. 94–96]. Это говорит о необходимости стимулов не для всей экономики в целом, а для отдельных отраслей, в особенности трудоемких, и для отдельных отстающих регионов, чтобы стабилизировать ситуацию с притоком иностранных инвестиций [Ghosh, 2019, p. 7–8]. Более того, исследование о экономических показателях фирм с иностранным участием показало, что иностранное участие обеспечивает более высокие показатели продаж, прибыли, занятости и заработной платы. Таким образом, иностранное участие выступает не конкурентом, а только дополняет внутренние инвестиции [Bhattarai, Negi, 2020, p. 25].

В первые годы после прихода к власти БДП обещала выйти выполнить достаточно амбициозные задачи и улучшить ухудшающиеся в сфере ПИИ в начале 2010-х гг. показатели. Действительно, как следствие проводимой политики по еще большей либерализации в отношении иностранных инвесторов, создания программы «Производи в Индии», активно заключаемых с другими странами договоров темпы роста ПИИ в Индию сильно выросли за первые несколько лет, однако позже прогресс уже не соответствовал заявленному. Кроме того, направления иностранных инвестиций остаются слабо дифференцированными. Есть же факторы, подконтрольные правительству. Так, свободный доступ иностранных инвестиций уже существует в большинстве сфер; учитывая количество международных соглашений, внешнеэкономические условия для привлечения зарубежного капитала можно назвать благоприятными; а создаваемые проекты оказываются эффективны, пусть и в краткосрочной перспективе. Несмотря на это, доля ПИИ в экономике Индии остается небольшой. Поэтому, судя по показателям легкости ведения бизнеса, для увеличения притоков ПИИ и повышения конкурентоспособности по их привлечению правительство Индии должно развивать инфраструктуру, избавляться от бюрократии и улучшать внутризкономическую обстановку.

Заключение

Таким образом, можно сказать, что принимаемые в Индии решения в сфере иностранных инвестиций в большинстве случаев имеют относительно краткосрочный прямой эффект, а полученные от них эффекты не соответствуют обещанным изначально. Поэтому Индия регулярно внедряет всё новые инициативы для стимуляции притока иностранных инвестиций. И, вероятно, они имеют определенный эффект в основном в контексте подготовки экономики к иностранным инвестициям – улучшение инфраструктуры, повышение допустимой доли иностранного участия в секторах, развитие человеческого капитала и другие успехи

играют роль факторов привлечения иностранных инвестиций во многом во время внешних триггеров, вызывающих резкий рост притока иностранных инвестиций.

Так, хотя после реформ по либерализации экономики показатели притока иностранных инвестиций зачастую снижались, спустя определенное время они, в сочетании с общим экономическим развитием, всё же подготовили подходящие условия для привлечения иностранного капитала в сектор услуг перед мировым финансовым кризисом, в сектор ПО – во время пандемии, а также в сектор возобновляемых источников энергии в контексте защиты экологии.

Литература / References

1. Akhtar G. Inflows of FDI in India: Pre and Post Reform Period // *International Journal of Humanities and Social Science Invention*. 2013. Vol. 2. Issue 2. Pp. 1–11.
2. Bhalla A. S., Nachane D. M. The Economic Impact of the Asian Crisis on India and China // *Financial Liberalization and the Asian Crisis*. London: Palgrave Macmillan, 2001. Pp. 237–253.
3. Bhattarai K., Negi V. FDI and economic performance of firms in India // *Studies in Microeconomics*. 2020. Vol. 8. No. 1. Pp. 44–74.
4. Capital Issues Control: A booklet containing principles and policy followed in the administration of the Capital Issues (Control) Act, 1947. Delhi: The Manager of Publications, 1965.
5. Dandekar V. M. Role of Economic Planning in India in the 1990s and beyond // *Economic and Political Weekly*. 1994. Vol. 29. No. 24. Pp. 1457–1464.
6. Doing Business 2020: Economy Profile of India. Washington, DC: World Bank Group, 2020.
7. FDI in India: Now, Next and Beyond Reforms and opportunities. Confederation of Indian Industry (CII), 2020.
8. Ghosh S. FDI in India: An overview of trends and policies // *Journal of Management and Public Policy*. 2019. Vol. 10. No. 2. Pp. 5–19.
9. Gladly V. FDI in Agriculture Sector in India with Special Reference to Academicians // *International Journal of Recent Technology and Engineering (IJRTE)*. 2019. Vol. 8. Issue 2S10. Pp. 195–199.
10. Goel K., Gupta R. Impact of Globalization on Stock Market: Development in India // *Global Business Review*. 2011. Vol. 12. No. 1. Pp. 69–84.
11. Jana S. S., Sahu T. N., Pandey K. D. Foreign Direct Investment and Economic Growth in India: A Sector-specific Analysis // *Asia-Pacific Journal of Management Research and Innovation*. 2019 Vol. 15. No. 1–2. Pp. 53–67.
12. Kaushal L. A. Impact of institutional and regulatory quality on FDI inflow: case of a developing Indian economy. *Cogent Economics & Finance*. Taylor & Francis, 2021.
13. Kumar N. Liberalization, Foreign Direct Investment Flows and Development: Indian Experience in the 1990s // *Economic and Political Weekly*. 2005. Vol. 40. No. 14. Pp. 1459–1469.

14. Nagaraj R. Industrial Policy and Performance Since 1980: Which Way Now? // *Economic and Political Weekly*. 2003 Vol. 38. No. 35. Pp. 3707–3715.
15. Nedumaran G., Manida M. Impact of FDI in Agriculture Sector in India: Opportunities and Challenges // *International Journal of Recent Technology and Engineering (IJRTE)*. 2019. Vol. 8. Issue 3S. Pp. 380–383.
16. Palit A. India's Foreign Investment Policy: Achievements and Inadequacies. *Asie Visions*. Institut Français des Relations Internationales (IFRI), 2009. Vol. 18.
17. Prasad K. D., Rajani B., Mubeen S. A. Opportunities and Prospects for FDI in Indian Industries // *Journal of Cardiovascular Disease Research*. 2021. Vol. 13. Issue 03. Pp. 2219–2224.
18. Sahoo P. Making India an Attractive Investment Destination: Analyzing FDI Policy and Challenges. The National Bureau of Asian Research, Trade, Economic and Energy Affairs, 2014.
19. Sanghi S., Sreja A. Make in India and the Potential for Job Creation // *Sector in focus*. Confederation of Indian Industry, 2015. Pp. 1–27.
20. Shalini D. S. The Role of Foreign Direct Investment (FDI) in India – An Overview // *IJRAR – International Journal of Research and Analytical Reviews*. 2020, Vol. 7. Issue 1. Pp. 91–100.
21. Singh S. Foreign Direct Investment (FDI) Inflows in India // *Journal of General Management Research*. Symbiosis Centre for Management Studies, NOIDA. 2019. Vol. 6. Issue 1. Pp. 41–53
22. Statement on Industrial Policy. New Delhi, 1991.
23. Wellington S. J., Jammu S. Foreign Direct Investment in India // *International Journal of Econometrics and Financial Management*. 2014. Vol. 2. No. 3. Pp. 95–101.
24. World Bank. 2013. Doing Business 2014: Understanding Regulations for Small and Medium-Size Enterprises. International Bank for Reconstruction and Development. Washington: The World Bank, 2013.
25. World Bank. 2020. Doing Business 2020. International Bank for Reconstruction and Development. Washington: The World Bank, 2020.
26. Маляров О. В. Независимая Индия: эволюция социально-экономической модели и развитие экономики. Т. 1. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2010. 744 с. [Malyarov, O. V. Independent India: Evolution of the Socioeconomic Model and Economic Development. Vol. 1. Moscow: Publishing Company «Eastern Literature» of the Russian Academy of Sciences, 2010. 744 p. (in Russian)]. ISBN: 978–5–02–036452–3

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. 10 yrs of 'Make in India': Govt eyes \$100 bn FDI inflows annually // *Business Standard*. URL: https://www.business-standard.com/economy/news/make-in-india-124092501064_1.html#goog_rewarded (accessed: 26.05.2025).
2. Consolidated FDI Policy (Effective from October 15, 2020). DPIIT, Ministry of Commerce and Industry, Government of India. URL: https://dpiit.gov.in/sites/default/files/FDI-PolicyCircular-2020–29October2020_0.pdf (accessed: 27.05.2025).

3. Consolidated policy on Foreign Direct Investment. Press Note 7 (2008) // DPIIT (DIPP), Government of India. URL: <https://www.vkaindia.com/knowledgecenter/Press%20Note%207%20-%20Consolidated%20policy%20on%20Foreign%20Direct%20Investment.pdf> (accessed: 27.05.2025).
4. Expansion of list of industries/activities eligible for automatic route for Foreign Direct Investment (FDI), Non Resident Indian (NRI) and Overseas Corporate Body (OCB) investment. Press Note No. 2 (2000 series) // DIPP, Government of India. URL: <https://master-dpiit.digifootprint.gov.in/static/uploads/2025/07/01cc0cf-88f215ace2522c6c44bc36c02.pdf> (accessed: 28.05.2025).
5. Fact Sheet on Foreign Direct Investment (FDI), 2011–2021 // DPIIT, FDI Statistics. URL: <https://dpiit.gov.in/publications/fdi-statistics> (accessed: 27.05.2025).
6. Five Indian states with highest FDI in FY 2024–25 // Invest India. URL: <https://www.investindia.gov.in/team-india-blogs/five-indian-states-highest-fdi-fy-2024-25> (accessed: 27.05.2025).
7. Handbook of Statistics on the Indian Economy, 2000–01 [Статистический сборник] // Reserve Bank of India Reserve Bank of India. URL: <https://www.rbi.org.in/Scripts/AnnualPublications.aspx?head=Handbook+of+Statistics+on+Indian+Economy> (accessed: 27.05.2025).
8. India Records USD81.04 Billion FDI Inflow in FY 2024–25 // Ministry of Commerce & Industry. URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2131716> (accessed: 29.05.2025).
9. Make in India 2.0 // Ministry of Commerce & Industry. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1694804> (accessed: 28.05.2025).
10. Make in India fails to lift manufacturing share in GDP in 10 yrs // The New Indian Express. URL: <https://www.newindianexpress.com/business/2024/Sep/26/make-in-india-fails-to-lift-manufacturing-share-in-gdp-in-10-yrs> (accessed: 24.05.2025).
11. About Us // Make in India. URL: <https://www.makeinindia.com/about> (accessed: 24.05.2025).
12. Foreign Direct Investments // Make in India. URL: <https://www.makeinindia.com/policy/foreign-direct-investment> (accessed: 28.05.2025).
13. National Manufacturing Policy. Press Note No. 2 (2011 Series) // Government of India, Ministry of Commerce & Industry, Department of Industrial Policy & Promotion (Manufacturing Policy Section). URL: <https://advocatetanmoy.com/wp-content/uploads/2020/04/national-manufacturing-policy-2011-167-kb.pdf> (accessed: 26.05.2025).
14. Press Note No. 1 (1999 series) // DIPP, Government of India. URL: <https://master-dpiit.digifootprint.gov.in/static/uploads/2025/07/061624e649f3fc6a0e5740687a73d67c.pdf> (accessed: 28.05.2025).
15. Sia Newsletter. Annual Issue 2008–2024 // DPIIT. URL: <https://dpiit.gov.in/publications/si-news-letters> (accessed: 28.05.2025).
16. Sia Newsletters. Country-wise breakup of FDI // DPIIT, 2000. URL: <https://dpiit.gov.in/publications/si-news-letters> (accessed: 28.05.2025).
17. World Investment Report 2021: Investing in sustainable recovery. United Nations: New York and Geneva, 2021. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2021_en.pdf (accessed: 27.05.2025).

18. World Investment Report 2022: Industrial Tax Reforms and Sustainable Investment // United Nations: New York and Geneva, 2022. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2022_en.pdf (accessed: 27.05.2025).
19. World Investment Report 2023: Investing in Sustainable Energy for All // United Nations: New York and Geneva, 2023. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2023_en.pdf (accessed: 27.05.2025).
20. World Investment Report 2024: Investment Facilitation and Digital Government // United Nations: New York and Geneva, 2024. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2024_en.pdf (accessed: 27.05.2025).
21. Year-wise Share of Manufacturing in GDP of India at Constant Prices from 2015–16 to 2020–21 (Rajya Sabha Answers, Session 252 – dataset) // Ministry of Heavy Industries & Public Enterprises. URL: <https://odisha.data.gov.in/resource/year-wise-share-manufacturing-gdp-india-constant-prices-2015-16-2020-21-ministry-heavy> (accessed: 27.05.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Рязанов Ян Андреевич – лаборант-исследователь Центра научно-технологического сотрудничества и аграрных исследований Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Ryazanov Yan A. – Laboratory research assistant of the Center for Scientific and Technological Cooperation and Agricultural Research, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 02.06.2025.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 05.06.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 02.06.2025.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 05.06.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Original article. Economics studies
УДК 339.923 (510 + 520)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2025-03-108-124>

FROM RIVALRY TO PARTNERSHIP? THE FUTURE OF SINI-JAPANESE COOPERATION IN MARITIME TRADE AND LOGISTICS

Nelli Semenova

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
semenovanelli-2011@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7872-8972>

Annotation. This study presents a comprehensive analysis of the evolution and current trends in China-Japan cooperation in port infrastructure and maritime trade. The research relevance stems from the pivotal role of maritime hubs in both economies and the need to understand their interaction amid growing geopolitical tensions in East Asia. The study aims to examine the dialectics of cooperation and competition in Sino-Japanese port relations through the lens of historical development and contemporary economic processes. The methodological framework incorporates periodization of interaction stages, comparative analysis of statistical data, and assessment of structural changes in bilateral trade from 1995 to 2024.

The findings demonstrate that despite historical controversies and modern challenges, bilateral cooperation in the port sector continues to evolve. Particular attention is given to the *seikei bunri* phenomenon (separation of politics and economics), which has recently been transforming under the influence of Japan's new «economically realistic» diplomacy. Key conclusions reveal growing asymmetry: China's dominance in container shipping contrasts with Japan's maintained niche positions in LNG transshipment and auto components. The establishment of the high-speed «Golden Passage» logistics corridor between Qingdao and Osaka in 2023 indicates persistent cooperation potential despite Tokyo's strategic diversification efforts.

Keywords: maritime trade, port infrastructure, China, Japan, logistics corridors, economic security

For citation: Semenova N. K. From Rivalry to Partnership? The Future of Sini-Japanese Cooperation in Maritime Trade and Logistics. *Eastern Analytics*. 2025;(3):108-124. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2025-03-108-124>

Научная статья. Экономические науки

ОТ СОПЕРНИЧЕСТВА К ПАРТНЕРСТВУ? БУДУЩЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЯ И ЯПОНИИ В МОРСКОЙ ТОРГОВЛЕ И ЛОГИСТИКЕ

Нелли Кимовна Семенова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
semenovanelli-2011@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7872-8972>

Аннотация: Настоящее исследование представляет собой анализ эволюции и современных тенденций взаимодействия Китая и Японии в сфере портовой инфраструктуры и морской торговли. Актуальность работы обусловлена ключевой ролью морских транс-

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

портных узлов в экономиках обеих стран, а также необходимостью осмысления их взаимодействия в условиях растущей геополитической напряженности в Восточной Азии. Цель исследования заключается в выявлении диалектики сотрудничества и конкуренции в китайско-японских портовых отношениях через призму исторического развития и современных экономических процессов. Методологическая основа включает периодизацию этапов взаимодействия, сравнительный анализ статистических данных и оценку структурных изменений в товарообороте за период 1995–2024 гг.

Проведенное исследование демонстрирует, что, несмотря на исторические противоречия и современные вызовы, двустороннее сотрудничество в портовой сфере продолжает развиваться. Особое внимание уделено феномену *seikei bunri* (разделения политики и экономики), который в последние годы трансформируется под влиянием новой «экономически реалистичной» дипломатии Японии. Ключевые выводы свидетельствуют о нарастающей асимметрии: доминировании Китая в контейнерных перевозках при сохранении Японией нишевых позиций в перевалке СПГ и автокомпонентов. Создание в 2023 г. высокоскоростного логистического коридора «Золотой путь» между Циндао и Осака указывает на сохраняющийся потенциал сотрудничества, несмотря на стратегическую диверсификацию Токио.

Ключевые слова: морская торговля, портовая инфраструктура, Китай, Япония, логистические коридоры, экономическая безопасность.

Для цитирования: Семенова Н. К. От соперничества к партнерству? Будущее сотрудничества Китая и Японии в морской торговле и логистике. *Восточная аналитика*. 2025;16(3):108–124. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2025-03-108-124>

Maritime trade is a crucial and dynamically developing segment of the global economy, where leading positions are held by East Asian powers such as People's Republic of China (PRC) and Japan. Both countries are characterized by powerful maritime port infrastructure that plays a key role in international goods trade and logistics processes organization. In today's globalization context and growing scale of international trade operations, Chinese and Japanese ports become major cargo transshipment hubs ensuring uninterrupted delivery of goods and integration of states into the global supply system. However, China-Japan interaction is characterized by a complex dialectic of cooperation and competition, especially against the backdrop of escalating U.S.-China tensions [Nelydov, Streltsov, 2025].

The relevance of this study is determined by the necessity to analyze the transformation of trade relations in the context of geopolitical tension, assess the prospects for port cooperation, and identify new formats of interaction. Special attention is given to the paradox of economic interdependence and political confrontation, as well as the influence of third countries (especially the United States).

The aim of this work is a comprehensive study of the evolution and current trends in maritime trade between China and Japan through the lens of historical development, economic interconnections, and geopolitical factors.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

The methodological framework includes historical-comparative analysis, statistical methods for assessing trade flows, and analysis of infrastructure projects.

The scientific novelty lies in the systematization of modern forms of interaction, clarification of the periodization of cooperation in the port sector, and the development of predictive models.

The literature review revealed a well-established study of historical aspects [Mayers, King, 1867; Burns, 2000, pp. 27–58], issues regarding the positioning of Japan and China in the global economy [Timonina, 2023; Dong, 2024, pp. 63–73], and the development of various facets of economic relations between China and Japan [Kistanov, 2018]. It also highlighted competitive aspects of Japan-China relations on both global and local scales [Gordejeva, 2020, pp. 53–66; Kazantsev, 2023, pp. 212–223]. The domestic bibliography demonstrates a lack of study on contemporary aspects of Japan-China cooperation in the field of maritime trade development.

Between cooperation and competition: a pistorical analysis of China–Japan port relationship dynamics

The ports of China and Japan have played a pivotal role in their economic development for centuries. Chinese ports such as Shanghai, Ningbo, and Guangzhou have historically been vital trade hubs. During the Tang (618–907) and Song (960–1279) dynasties, these ports became centers of international trade due to maritime routes connecting China with other regions of Asia and Europe. In the 20th century, Chinese ports underwent significant transformations, especially after the economic reforms of the late 1970s, which initiated port infrastructure modernization.

Japanese ports, including Tokyo, Osaka, and Kobe, also have a long history. They developed as key foreign trade centers following Japan's opening to international exchange in the mid-19th century. After World War II, Japan rapidly restored its port infrastructure, contributing to its economic miracle in the 1960s. Historical events have significantly influenced modern China-Japan cooperation.

China-Japan port sector interaction, spanning various developmental stages – from ancient trade routes to modern logistics alliances – can be divided into several key phases. This periodization is based on major political, economic, and technological events that substantially impacted bilateral relations in this field, reflecting shifts in priorities, strategies, and responses to global and regional challenges. Each phase is characterized by distinct features, achievements, and challenges [tab. 1].

Table 1. Periodization of cooperation between China and Japan in the port sector

Period	Main Events	Features	Achievements
Ancient and Medieval Period: 7th – 19th centuries	7th- 9th centuries: Beginning of maritime trade between China and Japan. 13th – 19th centuries: Regular trade relations	First trade routes and establishment of diplomatic relations. Intensification of trade during the Ming dynasty (1368–1644) and Edo period in Japan (1603–1868)	Exchange of cultural values and goods, including silk, ceramics, and spices. Formation of the first trading ports such as Nagasaki and Canton
Era of Modernization and Colonialism (1868 – 1945)	1868: Meiji Restoration in Japan. 1895: First Sino-Japanese War. 1930s – 1945: Deepening economic ties amid military conflicts	Active development of port infrastructure. Japan gained control over Taiwan and other strategic ports (1895)	Establishment of Japanese influence on Chinese ports promoted infrastructure development but caused tensions. Modernization of ports in both countries with new technologies
Postwar Period (1945 – 1972)	1945: End of World War II and start of economic recovery in both countries	Reconstruction of port infrastructure after the war, improved conditions for international trade	Establishment of new trade routes, which contributed to increased transportation volumes
Restoration of Diplomatic Relations (1972 – 1977)	1972: Restoration of diplomatic relations between China and Japan. 1974: Signing of the Maritime Transport Agreement	Resumption of economic cooperation between PRC and Japan, including the port sector	The maritime transport agreement established legal frameworks for cooperation. Increase in cargo turnover between countries
Period of Economic Integration (1978 – 1989)	1978: Beginning of economic reforms in China under Deng Xiaoping	Growth in cargo traffic between the two countries. Japan became one of the first foreign investors in Chinese ports (technology and financial support)	Focused on restoration and development of basic port infrastructure: Shanghai, Tianjin (China), Yokohama, Kobe (Japan)
Intensification of Cooperation (1990 – 2000)	1990s: Deepening economic cooperation amid globalization	Liberalization of China's economy and integration into the world trading system. Growth of Japanese investment in Chinese infrastructure, including ports. Active construction of new terminals and modernization of existing ports	Increase in container traffic. Development of logistics chains between Chinese and Japanese ports. Creation of modern container terminals in Shenzhen and Ningbo ports. Strengthening trade ties boosted both economies

End of the Table 1

Period	Main Events	Features	Achievements
Technological Progress and Integration (2001 – 2009)	2001: China's accession to the World Trade Organization (WTO)- new trade opportunities with Japan	Sharp increase in foreign trade volumes requiring modernization of port infrastructure in China. Integration of modern technologies in port management, automation of processes. Enhanced cooperation in environmental protection and sustainable port development	Increased port capacity through deep-water terminals. Development of multimodal transport corridors. Shanghai port became one of the world's largest by cargo turnover. Joint projects implementing "smart" technologies in Yokohama and Kobe ports
Sustainable Development and Digitalization (2010 – 2019)	2010: China launches programs for developing new strategic industries. 2013: Announcement of the "Belt and Road" Initiative, including port infrastructure development	The Belt and Road Initiative stimulates port infrastructure development as part of global transport networks. Increased focus on environmental issues and sustainable development. Japan's participation in Chinese infrastructure projects	Development of digital platforms for cargo flow management. Creation of "green" ports in Shanghai and Yokohama. Implementation of blockchain technologies to enhance freight transparency. Adoption of "green" technologies: use of renewable energy sources and emission reduction

Sources: compiled by the author according to [Gordeeva, 2020, pp. 53–66; Kazantsev, 2023, pp. 212–223; Ilyin, 2016, pp. 12–23; Kistanov, 2018, pp. 315–321; Urazaeva, 2018, pp. 824–830; Shulga, 2018, pp. 124–127; Burns, 2000, pp. 27–58; Mayers, King 1867].

Historical analysis shows that Sino-Japanese port cooperation has evolved from restoring basic trade ties to comprehensive interaction, encompassing technology exchange, environmental initiatives, and integration into global transport networks. Each phase contributed to port infrastructure development and strengthened economic ties between the two nations.

The trauma of Japan's occupation continues to strain relations in China, complicating political dialogue. Nevertheless, mutual economic interests foster cooperation. As Catherine Burns [Burns, p. 50] notes, despite obstacles hindering goodwill in bilateral relations, «a combination of high-level diplomatic skill and a fundamental commitment to economic ties has mitigated conflict». This practice of separating politics from economics, known as *seikei bunri*, has long served as an effective tool for China and Japan to set aside geopolitical sensitivities without damaging robust economic relations [Nagy 2013, 54; Maeda 2016].

Amid escalating U.S.–China strategic rivalry, China's economic coercion tactics, and its long-term pursuit of «core interests», Japan has grown increasingly concerned about its economic dependence on China. The *seikei bunri* approach to economic engagement is giving way to Prime Minister Fumio Kishida's new «economic realist» diplomacy. Policy responses to mitigate economic security risks include selective supply chain diversification away from China, reshoring, friend-shoring, and domestic technological development. This shift from *seikei bunri* reflects Tokyo's «anxiety over vulnerability to economic coercion and weaponized supply chains» [Nagy 2023, pp. 27–30].

Chinese scholars argue that Sino-Japanese maritime economic cooperation retains untapped potential despite sensitive bilateral issues [Wu Chongbo, Yao Yungui, 2018, pp. 59–68]. A notable example is the 2023 launch of the China-Japan high-speed logistics corridor [Xin Xiaoli, 2022] – the first express maritime route linking North China (Qingdao/Dagang) and Japan (Osaka/Nanko), reducing transit time to 36 hours. Dubbed the «Golden Corridor», it supports Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) trade flows through multimodal integration, faster delivery, and streamlined customs. Initial annual capacity is projected at 13,000 TEUs¹ and 2,500 imported vehicles, reducing costs and boosting cross-border trade.

Optimism is further bolstered by recovering bilateral trade and the March 22 trilateral meeting of Chinese, Japanese, and South Korean foreign ministers – their first in 16 months. The talks laid groundwork for enhanced East Asian cooperation, including future summit coordination.

From leadership to niche markets: Japan's port stagnation in the era of China's maritime expansion

East Asia currently dominates the global port industry and maritime transport, hosting major container terminals, the largest fleet of container ships, and over 97% of the world's shipbuilding capacity [UNCTAD, 2024, 6]. China (310 million dwt) and Japan (242 million dwt) account for a significant share of Asia's shipping tonnage (56.5% of the global total) [UNCTAD, 2024, 4].

Historically, port industry leadership shifted from Western Europe to North America and then to East Asia, driven by export-oriented industrialization in Hong Kong, Taiwan, and South Korea. China adopted similar strategies in the 1980s, leading to rapid cargo growth in the Pearl River Delta, Yangtze River Delta, and Bohai Bay by the 1990s. Meanwhile, Japan's ports (Kobe, Yokohama) ranked among global leaders (12th and 18th, respectively). Unlike China and South Korea's aggressive large-scale investments, Japan's ports have invested in port development in response to demand, leading to stagnation [Semenova, 2023].

¹ The twenty-foot equivalent unit (TEU) is a conventional unit for measuring the capacity of cargo vehicles (author's note).

The 1990s saw trade between Japan and the «Asian Tigers» (Singapore, Hong Kong, Taiwan, South Korea) boost regional ports, especially in container traffic. Globalization spurred infrastructure modernization, with Japanese firms contributing advanced logistics technologies to Chinese ports [Shulga, 2018].

However, China's emergence as the global manufacturing hub solidified East Asia's dominance in container traffic. From 2000 to 2023, China's share of East Asian trade tripled (19.9% to 55%), surpassing Japan (36% to 13.9%) [tab. 2].

Table 2. Total trade volume and growth rates, 2000, 2023, USD (data rounded)

Economy		Export			Import	
	2000	2023	2000/2023, %	2000	2023	2000/2023, %
East Asia	1 258 590	5 752 052	357	1 124 625	5 027 099	347
China	249 203	3 379 255	1256	225 024	2 556 565	1036
Japan	479 296	717 261	50	379 510	785 796	107

Source: compiled and calculated by the author according to: [UNCTAD, 2024 (1)]

Note: the statistics for China do not include data for Hong Kong and Macao (Special Administrative Regions of PRC), as well as data for Taiwan (Province of PRC).

According to United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD), global container throughput increased from 545 million TEU in 2010 to 858 million TEU in 2023 (+57%). China handled 279.8 million TEU, while Japan accounted for only 21.5 million TEU. Despite global growth, Japan's port sector remained stagnant, leading to a decline in its international rankings [tab. 3].

Table 3. Dynamics of container port cargo traffic, worldwide, China, Japan, 2010–2023, million TEU (data rounded)

Economy	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
World	545,4	591	620,8	641,1	672,1	681,9	698,3	743,3	781,1	801,2	792,5	849,5	854,1	858,2
China	136	151,8	165,9	176,6	187,3	195,5	202,8	218,7	229,1	237,6	240,5	256,9	269	279,8
Japan	20	20,6	21,5	21,4	21,7	21,1	21,7	22,8	23,4	23,3	21,6	22,4	22,5	21,5

Source: compiled by the author according to: [UNCTAD, 2025]

Note: the statistics for China do not include data for Hong Kong and Macao (Special Administrative Regions of PRC), as well as data for Taiwan (Province of PRC).

As of 2023, five Japanese ports remain among the world's top 100 container ports, though their positions in the lower half of the ranking indicate a gradual decline in competitiveness compared to rapidly expanding Chinese and other Asian ports. Recent data shows that the Port of Tokyo ranks 46th, handling approximately 4,57 million TEU, with only marginal growth compared to the previous year. The ports of Yokohama (68th place, ~3 million TEU) and Kobe (72nd place, ~2,84 million TEU), traditionally key transportation hubs, show

signs of stagnation or even minor declines in throughput. Nagoya (75th place, ~2,7 million TEU) and Osaka (84th place, ~2,2 million TEU) round out Japan's presence in the global rankings. Notably, over the past decade, no Japanese port has managed to break into the top 30, while Chinese ports such as Shanghai, Ningbo, and Shenzhen continue to dominate the upper tiers. This trend reflects Japan's overall slowdown in port infrastructure development amid the aggressive expansion of other Asian economies [tab. 4, 5].

Table 4. Japan's largest container ports according to Lloyd, capacity (million TEU) and growth rate (%), 2022–2023 (data rounded)

Place in the rating	Port	Throughput capacity, thousand TEU			Reasons for the increase/decrease in indicators
		2023	2022	2022/2023, %	
46	Tokyo	4 570,00	4 430,00	3,2	Economic recovery after the effects of COVID-19
68	Yokohama	3 021,01	2 979,60	1,4	Economic recovery after the effects of COVID-19
72	Kobe	2 835,59	2 890,67	-1,9	Decrease in container shipments abroad, including a slowdown in China
75	Nagoya	2 698,12	2 680,23	0,7	The port, which is dependent on the automotive industry, is offsetting the decline in China with strong demand in other markets
84	Osaka	2 238,67	2 391,31	-6,4	Logistics are difficult in Japan due to the slowdown in China's economy, rising energy prices, a weak yen and the resulting price increases

Source: compiled and calculated by the author according to [Lloyd's, 2024]

China, with its extensive coastline (18,000 km) and developed inland waterway network, has emerged as a pivotal maritime hub. The country's port system handles over 30% of global container throughput. China operates about 2,000 ports (150 coastal), including 36 major ports (handling >100 million tons), 22 of which are coastal [Semenova, 2023]. In 2023, 25 Chinese ports ranked among the world's top 100, including 8 of the top 10 [tab. 5].

The China-Japan comparison reveals China's dominance with 17% of global population and GDP (16.92%), 14.19% of exports («world factory» status) versus 10.54% imports. Japan, with just 1.54% of global population, maintains 3.99% of world GDP, but its export/import shares (3.01%/3.24%) are declining. China's growth stems from cheap labor, infrastructure, and state support, while Japan's stagnation reflects demographic crisis, the relocation of production facilities to other Asian countries and competition with China [fig. 1].

Table 5. China's largest container ports according to Lloyd, capacity (million TEU) and growth rate (%), 2022–2023

Place in the rating	Port	Throughput capacity, thousand. TEU		
		2023	2022	2022/2023, %
1	Shanghai	49 158,30	47 303,00	3,9
3	Ningbo-Zhoushan	35 301,00	33 351,00	5,8
4	Shenzhen	29 880,00	30 036,20	-0,5
5	Qingdao	28 770,00	25 670,00	12,1
6	Guangzhou	25 414,40	24 857,60	2,2
8	Tientsin	22 187,20	21 021,30	5,5
10	Hong Kong	14 401,00	16 685,00	13,7
13	Xiamen	12 553,70	12 434,70	1
20	Taicang	8039,10	8025,86	0,2
29	Rizhao	6260,40	5804,40	7,9
30	Qinzhou	6210,00	5407,00	14,9
31	Lianyungang	6140,00	5570,00	10,2
35	Inkou	5331,00	4995,00	6,7
38	Dalian	5028,00	4459,00	12,8
45	Yangtai	4627,70	4117,80	12,4
50	Dongguan	3901,50	3410,00	14,4
55	Fuzhou	3496,20	3293,00	6,2
56	Nanjing	3461,00	3200,20	8,1
58	Jiaxing	3404,40	2853,90	19,3
86	Tangshan	2093,60	3343,00	-37,4
89	Nantong	2042,00	2240,00	-8,8
92	Quanzhou	1919,30	2091,40	-8,2
96	Jinzhou	1840,00	1876,00	-1,9
97	Yangpu	1833,50	1767,00	3,8
99	Shantou	1758,20	1765,00	-0,4

Source: compiled and calculated by the author according to: [Lloyd's, 2024]

China dominates maritime trade with 16.45% of container calls and 31.56% port productivity, plus 50.73% of global shipbuilding (GT), achieved through massive port investments (Shanghai, Ningbo) and state support. Japan trails in containers (7.88% calls, 2.64% productivity) but maintains niche leads (10.15% LNG tankers, 7.54% conventional tankers), though its position weakens due to high labor costs and competition from China/Korea.

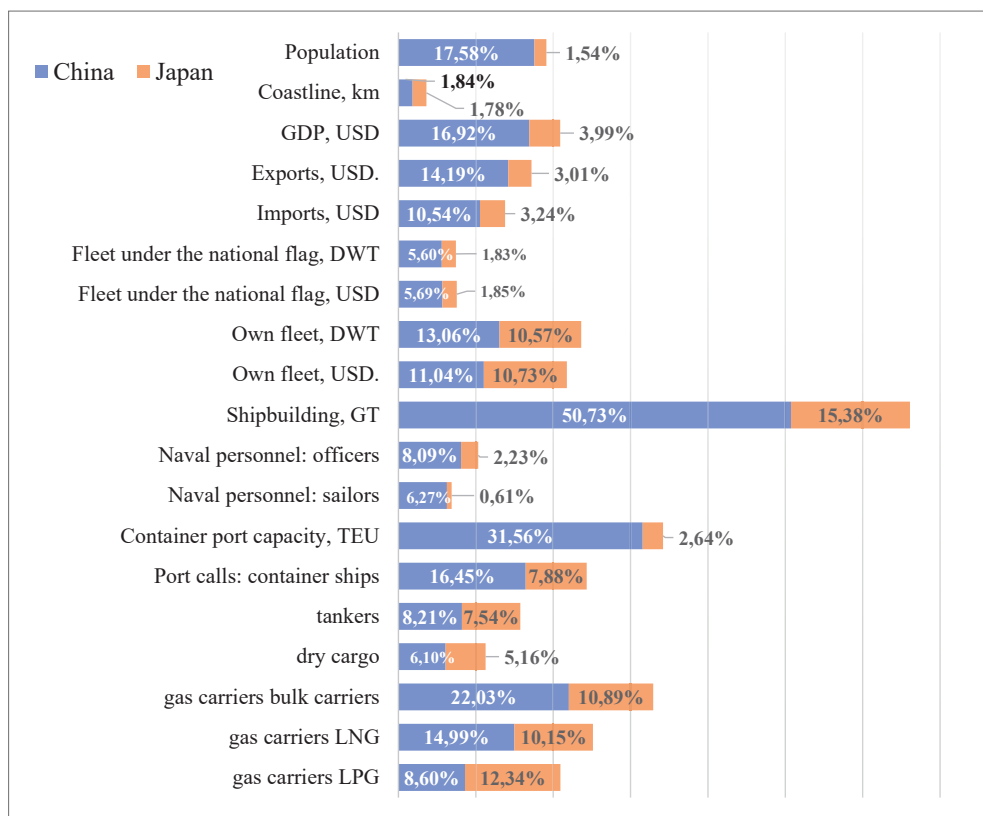

Figure 1. Socio-economic and maritime profiles of China and Japan, 2023, %

Source: compiled and calculated by the author according to [UNCTAD, 2024, 2; 3]

Symbols: DWT – deadweight, an indicator of the cargo capacity of merchant ships; GT – gigatons; TEU – twenty-foot equivalent – a conventional unit of measurement for the capacity of cargo vehicles; LNG – liquefied natural gas; LPG – liquefied petroleum gas.

China controls 22.03% of bulk carriers and 14.99% of LNG shipping, reflecting its growing energy demand. Japan's LNG share (10.15%) declines due to post-Fukushima (2011) energy diversification.

China supplies 6.3% of global seafarers and 8.09% officers, yet only 5.6% of its fleet sails under national flag (13.06% of tonnage) due to cheap labor. Japan maintains 1.83% of tonnage under its flag (with just 0.61% seafarers) through state regulation, compromising long-term competitiveness.

Despite its decline in global port rankings, Japan remains one of the world's leading economies, with over 1,000 ports (about 100 of which are major), including Tokyo, Yokohama, Nagoya, Osaka, and Kobe. It maintains leading positions in maritime transport metrics: fleet size, vessel arrivals, container throughput, and the Liner Shipping Connectivity Index [Clarksons Research, 2024; UNCTAD, 2024, 4; 5; 2025].

China and Japan rely on strategically significant ports for bilateral trade. Key Chinese hubs include Shanghai (the world's largest container terminal), Ningbo (electronics, textiles), Guangzhou (agro-industry, machinery), and Shenzhen (electronics). Japan's main trade gateways are Tokyo (imports and re-exports), Yokohama (cargo distribution), Kobe (automotive industry, disaster resilience), and Nagoya (auto parts). All feature advanced logistics and customs systems, ensuring efficient cargo delivery.

Competitive interdependence in Japan-China trade: structural shifts and asymmetric dynamics

Despite significant competitive elements in bilateral relations [Schulze, Blechinger-Talcott, 2019, pp. 725–747], China and Japan maintain their status as key trading partners in East Asia [fig. 2]. This is facilitated by extensive Japanese production networks established in China [Urata, 2007, pp. 114–138].

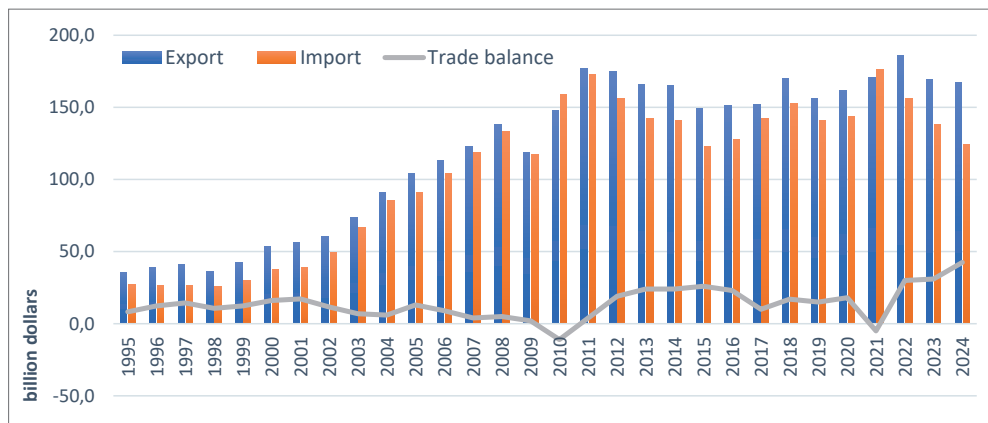

Figure 2. Indicators of China's foreign trade with Japan, exports, imports, trade balance sheet 1995–2024, USD billion

Sources: compiled by the author according to [Trading economics, 2024, 1; 2]

In the early 2000s, China's rapid economic growth led to a substantial increase in its export volumes, including shipments to Japan. An analysis of the trade balance for the period 1995–2024 reveals China's consistent dominance, with only two exceptions when the balance favored Japan [fig. 2].

A turning point occurred in 2010 when China's economic slowdown triggered changes in trade dynamics. For the first time in a decade, the trade balance shifted in Japan's favor, marking a significant development in bilateral economic relations. This phenomenon resulted from the complex interplay of several factors: Japan's economic recovery following the 2008–2009 recession caused by the global financial crisis; depreciation of the yuan against the yen; increased competitiveness of Japanese products in the Chinese market; Japanese corporations'

initiative to diversify their supplier base; development of domestic production capacity and localization of supply chains in Japan.

The trade balance shifted again in Japan’s favor in 2021, influenced by the following factors: global economic changes caused by the COVID-19 pandemic, including supply chain transformations; adjustments in domestic economic policies of both countries; changing conditions in international markets; escalation of the US-China trade war leading to additional tariff restrictions.

In 2024, a contraction was observed in Japan-China trade volumes, with exports declining by 3.5% and imports decreasing by 2.6%. Despite the overall reduction in trade turnover, a record trade surplus in China’s favor was recorded, reaching US\$42.5 billion.

This situation reflects the influence of long-term macroeconomic and geopolitical factors, such as the consistent strengthening of China’s technological capabilities, declining competitiveness of Japanese goods in international markets [Timonina, 2023] and profound structural transformations in global production and distribution networks [tab. 6].

Table 6. The main factors of China’s significant trade surplus in cooperation with Japan in 2024

Factors	Impact/Consequence
1. Rising Chinese high-tech exports	<i>China:</i> Strengthening its position in the production and export of high-tech goods (electric vehicles, semiconductors, renewable energy equipment, consumer electronics). <i>Japan:</i> Growing competition from Chinese companies offering cheaper analogues.
2. Weakening demand for Japanese exports in China	<i>China:</i> Slowing economic growth and strengthening domestic production; active investments in the development of domestic technologies, including artificial intelligence, quantum computing and renewable energy.
3. Changes in global supply chains	<i>China:</i> diversifying its supplies of raw materials and components, reducing dependence on Japanese manufacturers. <i>Japan:</i> Rising import costs due to global inflation and a significant weakening of the yen (2023-2024) against the dollar and yuan.
4. Political and economic trends	<i>China:</i> Strengthening trade with Asian partners, including Japan, amid trade restrictions and sanctions from the United States and its allies. <i>Japan:</i> as an ally of the United States, is forced to comply with the restrictions, which negatively affects its exports to China; rising energy prices (energy crisis), rising production costs, devaluation of the yen = Japanese imports more expensive and exports less competitive.
5. The COVID-19 pandemic and its aftermath	<i>China:</i> Accelerating digitalization and automation of production in China increases the competitiveness of Chinese goods. <i>Japan:</i> Slowing economic recovery weakens position in the global market.

Sources: compiled by the author according to [Elistratov, Piloyan, 2021, pp. 7–13; Timonina, 2023; Dōmoto, Kitagawa, Tanaka, 2025]

These trends significantly impact both countries' economic systems, shaping new vectors of bilateral interaction and defining promising areas for cooperation amid changing global economic conditions.

An analysis of the commodity structure of bilateral trade between Japan and China in 2024 reveals a pronounced orientation toward high-value-added industrial goods. As statistical data indicate (fig. 3), Japanese exports to China are predominantly composed of high-tech products: machinery and equipment (including integrated circuits, generators, and pumps) account for 24.5% of total shipments, while electrical goods (semiconductors, audio and video equipment) constitute 20.7%. Chemical products (17,8%), optical instruments (13,4%), and manufactured goods of ferrous and non-ferrous metals (11,7%) also play significant roles. Transport equipment and parts represent 7,4% of exports, whereas raw materials (3%), mineral fuels (1%), and food products (0,6%) [MOF Japan, 2025] occupy marginal shares in the commodity structure.

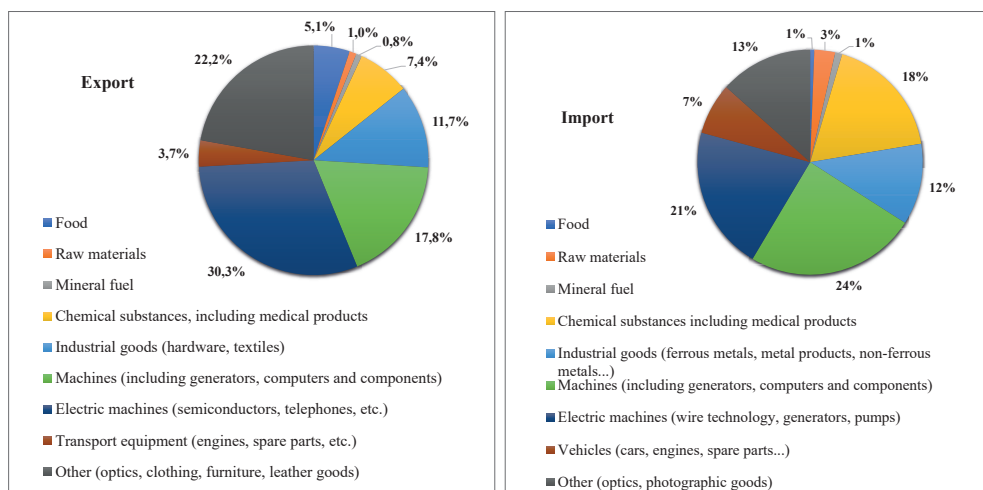

Figure 3. Shares of commodity groups in China's foreign trade with Japan, 2024, %

Source: compiled by the author according to [MOF Japan, 2025]

The structure of Japan's imports from China presents a somewhat different configuration. Electrical machinery (30,3%), including semiconductors and telecommunications equipment, holds a dominant position. Machinery and generators account for 17,8% of imports, while manufactured goods (metal products, textiles) constitute 11,7%. Notably, consumer goods (clothing, furniture, leather products) form a substantial share of 22,2%, reflecting China's export specialization in finished products. Chemical products and medical devices (7,4%), food products (5,1%), and transport equipment (3,7%) occupy more modest positions, while raw materials (1%) and mineral fuels (0,8%) [MOF Japan, 2025] play virtually insignificant roles in the import commodity structure.

Conclusion

The historical and contemporary analysis of China-Japan port relations reveals a complex interplay of economic interdependence, strategic competition, and shifting regional dynamics. Over centuries, both nations have developed their port infrastructures as critical nodes in global trade, yet their trajectories have diverged significantly in recent decades. While China has pursued aggressive expansion, leveraging state-backed investments to dominate global container throughput and shipbuilding capacity, Japan has adopted a more reactive approach, leading to relative stagnation in its port sector. This divergence underscores broader structural shifts in East Asia's economic landscape, where China's rise as the world's manufacturing hub has redefined trade flows and supply chain dependencies.

The examination of trade patterns between 1995 and 2024 demonstrates China's persistent surplus, punctuated only briefly by Japan's temporary advantages following the 2008 financial crisis and the COVID-19 pandemic disruptions. These fluctuations reflect deeper macroeconomic forces – China's technological ascendance, Japan's demographic constraints, and the recalibration of global supply chains amid geopolitical tensions. The recent establishment of the China-Japan «Golden Corridor» highlights the enduring potential for logistical cooperation, with RCEP providing institutional scaffolding for continued cooperation [Akimov 2025, 9–25], even as Japan seeks to reduce economic reliance on China through «friend-shoring» and domestic industrial policy.

At the heart of this relationship lies a paradox: while economic pragmatism has historically insulated trade from political friction (*seikei bunri*), growing U.S.-China rivalry and concerns over economic coercion are reshaping Tokyo's strategic calculus. Japan's declining port competitiveness – evidenced by its absence from the top 30 global container ports – stands in stark contrast to China's maritime dominance, raising questions about long-term equilibrium in bilateral trade.

Ultimately, the future of Sino-Japanese port relations will hinge on three key factors: (1) China's ability to sustain its export-driven growth amid slowing domestic demand and external trade barriers; (2) Japan's success in revitalizing its maritime logistics sector through technological innovation and regional partnerships; and (3) the broader geopolitical environment, particularly the stability of U.S.-China-Japan triangular relations. While competition will persist, mutual economic interests and the inertia of deeply integrated supply chains suggest that pragmatic cooperation will endure, albeit in increasingly circumscribed forms. As East Asia's economic center of gravity continues to shift, the evolution of Sino-Japanese port relations will remain a critical barometer of the region's strategic and economic trajectory.

References / Литература

1. Akimov A. V. (2025). Regional comprehensive economic partnership as the largest free trade area changing the global economy // *Eastern Analytics*. Vol. 16, No. 1. Pp. 9–25. DOI 10.31696/2227-5568-2025-01-009-025
2. Burns K. G. (2000). *China and Japan: economic partnership to political ends*. Washington: Stimson Center.
3. Dong W. (2024). Evolution of China's Role in the Asia-Pacific Region // *USA & Canada: economics, politics, culture*. No. 8. Pp. 63–73. (In Russian). DOI:10.31857/S2686673024080064
4. Elistratov A. S. and Piloyan M. G. (2021). Japan's Foreign Trade: Historical and Economic Analysis // *Journal of Historical Research*. 2021. Vol. 6. No. 2. Pp. 7–13. (In Russian).
5. Gordeeva I. V. (2020). China's Belt and Road Initiative and Japan's Position: Confrontation or Interaction? // *Far Eastern Studies*. No. 3. Pp. 53–66. (In Russian). DOI:10.31857/S013128120010378-6
6. Ilyin P. A. (2016). The history of relations between Japan and China in modern and contemporary times // *Problems of modern international relations and the world economy*, Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. pp. 12–23. (In Russian).
7. Kazantsev A. E. (2023). The Problem of the South China and East China Seas in the Context of China's Historical Policy Towards Japan. *Southeast Asia: Current Development Issues*. Vol. 3. No. 2(59). Pp. 212–223. (In Russian). DOI:10.31696/2072-8271-2023-3-2-59-212-223
8. Kistanov V. O. (2018). *China and Japan: Chronicle of Relations*. People's Republic of China: Politics, Economy, Culture 2017–2018. Ed. by S. G. Luzyanin. Moscow: Forum. Pp. 315–321. (In Russian).
9. Mayers W. F. and King C. (1867). *The treaty ports of China and Japan: a complete guide to the open ports of those countries, together with Peking, Yedo, Hongkong and Macao. Forming a Guide Book & Vade Mecum for Travellers, Merchants, and Residents in General*. London: Trübner and Company.
10. Nagy S. R. (2013). Territorial Disputes, Trade and Diplomacy: Examining the repercussions of the Sino-Japanese territorial dispute on bilateral trade. *China Perspectives*, 4, p. 46–57.
11. Nagy S. R. (2023). Re-defining the ASEAN–Japan Relationship. *East Asia Forum Quarterly*. Vol. 15. No 3. Pp. 27–30. DOI: 10.59425/eabc.1697148022
12. Semenova N. K. (2023). *Seaports of China: Current Status and Development Prospects*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (In Russian).
13. Schulze K. and Blechinger-Talcott V. (2019). Introduction special issue: dimensions of Sino–Japanese rivalry in a global context. *The Pacific Review*. No 32. Pp. 725–747. DOI: 10.1080/09512748.2019.1569116
14. Shulga N. G. (2018). Japanese-Chinese economic cooperation, Japan's influence on China's economic growth. *Science today: global challenges and development mechanisms*. Part 2. Vologda: OOO Marker. Pp. 124–127. (In Russian).

15. Timonina I. L. (2023). Japan in the Global Economy: Realities and Forecasts of the 21st Century. *New Trends in Economic Globalization*. Ed. by A. S. Bulatov, N. V. Galishcheva, M. A. Maksakova. Moscow: Aspect Press. Pp.193–215. (In Russian)
16. Urata S. (2007). The Creation of Regional Production Networks in Asia Pacific: The Case of Japanese Multinational Corporations // *Multinational Corporations and the Emerging Network Economy in Asia and the Pacific*. Ed. by Juan J. Palacios. London, Routledge. Pp. 114–138.
17. Urazaeva F. P. (2018). Japan and China: Cooperation in East Asia. *Issues of Political Science*. Vol. 8. No. 10 (38). Pp. 824–830. (In Russian).
18. Wu Chongbo and Yao Yungui 吴崇伯;姚云贵 (2018). Riben Haiyang Jingji Fazhan yiji yu Zhongguo de Jingzheng Hezuo 日本海洋经济发展以及与中国竞争合作 (The Development of Japan's Marine Economy and the Competition– Cooperation Relations between Japan and China). *Contemporary Economy of Japan*. No. 6 (222), Pp. 59–68. (in Chinese). DOI: 10.16123/j.cnki.issn.1000-355x.2018.06.006

Electronic sources / Электронные ресурсы

1. Clarksons Research (2024). Shipping Review and Outlook, Spring 2023. URL: <https://www.crsi.com/acatalog/shipping-review-and-outlook.html> (accessed: 13.06.2025)
2. Dōmoto K., Kitagawa R., Tanaka T. 堂本 健太, 北川 諒, 田中 嵩大 (2025). *Nihon keizai no genkyō 日本経済の現況 (Japanese Economy)* // Mitsubishi Research Institute. February. URL: https://www.mri.co.jp/knowledge/insight/econoutlook/2025/i5in-lu000001i7vk-att/nr20250218pec_02_japan.pdf (In Japanese)
3. Jeong Mi Sung (2025). A meeting of the Foreign Ministers of the Republic of Korea, China and Japan was held in Tokyo // *Korea.net*. 24.03.2025. URL: <https://russian.korea.net/NewsFocus/Policies/view?articleId=268578> (accessed: 10.06.2025). (In Russian).
4. Lloyd's. (2024). Lloyd's List One Hundred Ports 2023. URL: <https://www.lloydslist.com/one-hundred-container-ports-2024> (accessed: 15.06.2025)
5. Maeda H. (2016). Japan-China Relations at a Crossroads: Asia's two biggest economic powers continue to struggle to find common ground // *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2016/07/japan-china-relations-at-a-crossroads/> (accessed: 10.06.2025).
6. MOF Japan (2025). Trade Statistics of Japan // Ministry of Finance of Japan. January 30. URL: https://www.customs.go.jp/toukei/shinbun/trade-st_e/2024/2024_115e.pdf (accessed: 16.06.2025).
7. Trading economics (2024 (1)). Japan exports by Country. URL: <https://tradingeconomics.com/japan/exports-by-country> (accessed: 21.05.2025).
8. Trading economics (2024 (2)). Japan imports by Country. URL: <https://tradingeconomics.com/japan/imports-by-country> (accessed: 21.05.2025).
9. UNCTAD (2024 (1)). Merchandise: Total trade and share, annual. October 10. URL: [https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMerch Total](https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMerch%20Total) (accessed: 14.06.2025).
10. UNCTAD (2024 (2)). State maritime publication «Marine Profile»: Japan. October 11. URL: <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/MaritimeProfile/en-GB/392/index.html> (accessed: 03.06.2025).

11. UNCTAD (2024 (3)). Marine survey: China. October 11. URL: <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/MaritimeProfile/en-GB/156/index.html> (accessed: 03.06.2025).
12. UNCTAD (2024 (4)). Maritime transport. URL: <https://unctadstat.unctad.org/insights/theme/25> (accessed: 14.06.2025).
13. UNCTAD (2024 (5)). Liner shipping connectivity index. December 12. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx?ReportId=92> (accessed: 13.06.2025).
14. UNCTAD (2024 (6)). Ships built by country of building, annual. Jun 05. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.ShipBuilding> (accessed: 15.06.2025).
15. UNCTAD (2025). Container port throughput, annual. March 24. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.ContPortThroughput> (accessed: 11.06.2025).
16. Xin Xiaoli 辛小丽 (2022). Zhong-Ri «haishang gaosu» kaitong, quancheng hangshi jin xu 36 ge xiaoshi 中日«海上高速»开通 全程航时仅需36个小时 (China-Japan «sea highway» opened, the entire journey takes only 36 hours) // Qingdao Financial Daily. Jun 30, 2022. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/256563.html> (in Chinese). (accessed: 12.06.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Семенова Нелли Кимовна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Semenova Nelli K. – PhD (Polit.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 02.06.2025.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 05.06.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 02.06.2025.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 05.06.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

ПОЛИТИКА

POLITICS

Научная статья. Политические науки
УДК 351.761.3 (6)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2025-03-126-140>

НЕЛЕГАЛЬНЫЙ НАРКОТРАФИК ЧЕРЕЗ СТРАНЫ АФРИКИ: ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XXI В.

Ольга Евгеньевна Евсеенко

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
mitrofanenkova.olga@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0076-2956>

Аннотация: В статье исследованы маршруты наркотрафика из Афганистана и Латинской Америки, которые проходят через территорию африканского континента. Автором были выделены не только основные транзитные страны для наркотиков, но также и факторы, которые способствовали усилению роли данного региона в маршрутах наркотрафика.

Ключевые слова: наркотрафик, Африка, кокаиновый маршрут наркотрафика, Южный маршрут наркотрафика

Для цитирования: Евсеенко О. Е. Нелегальный наркотрафик через страны Африки: первая четверть XXI в. *Восточная аналитика*. 2025;16(3):126-140. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2025-03-126-140>

Original article. Politics studies

ILLEGAL DRUG TRAFFICKING THROUGH AFRICAN COUNTRIES: FIRST QUARTER OF THE 21st CENTURY

Olga Evseenko

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
mitrofanenkova.olga@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0076-2956>

Abstract: The article examines drug trafficking routes from Afghanistan and Latin America that pass through the African continent. The author identifies not only the main transit countries for drugs, but also the factors that have contributed to the increasing role of this region in drug trafficking routes.

Keywords: drug trafficking, Africa, cocaine drug trafficking route, Southern drug trafficking route

For citation: Evseenko O. E. Illegal Drug Trafficking through African Countries: First Quarter of the 21st Century. *Eastern Analytics*. 2025;16(3):126-140. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2025-03-126-140>

В XXI в. существуют три мировых центра традиционного наркопроизводства, в которых для производства наркотиков используется растительное сырье (кокаиновый куст, опийный мак). Основные центры незаконного производства наркотиков сформировались в Латинской Америке (где производится преимущественно кокаин), в Юго-Восточной Азии (Мьянма,

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Лаос, Таиланд – «Золотой треугольник»), где производится героин, а также в Афганистане, Пакистане, Иране, также производящих героин – с 2010 г. начало расти производство метамфетаминов. Центр наркопроизводства в последних трех странах получил название «Золотой полумесяц», что связано с доминированием населения, исповедующего ислам. Для данной статьи наибольшую актуальность имеют маршруты наркотрафика из стран Латинской Америки и «Золотого полумесяца», так как они проходят через территорию Африки.

Особенности географического расположения Африки

Африканский континент всегда имел тесные связи с Европой, которые были обусловлены не только близким географическим положением (в районе Гибралтарского пролива Европу и Африку разделяют всего 14 км.), но также тесным историческим взаимодействием как в колониальный, так и в пост-колониальный периоды. В результате между континентами сложились устойчивые транспортные связи, а также и торговые отношения.

На ряду с этим Африканский континент имеет выход в Атлантический и Индийский океаны, а также в Средиземное и Красное море. Это в свою очередь обеспечивает морские связи Африки со странами Азии и некоторыми странами Ближнего Востока, а также и со странами Латинской и Северной Америки.

Латиноамериканский наркотрафик через Африку

Ключевым производителем кокаина в мире являются страны Латинской Америки, так как именно в этом регионе всегда произрастала кока, из которой получают этот вид наркотика.

Крупнейшими мировыми производителями кокаина в XXI в. являются Колумбия, Боливия и Перу. Помимо этих стран кокаиновый куст также выращивают в Мексике, Эквадоре, Гватемале и Гондурасе¹.

Основные рынки сбыта для кокаина из Латинской Америки находятся в Северной Америке и в странах Европы. В Северную Америку кокаин поставляется из Колумбии в Мексику или в Центральную Америку морем, а после наземными путями в США и Канаду².

Крупнейшими мировыми потребителями кокаина по странам являются США, Канада, Аргентина, Гренландия, Уругвай. Среди европейских

¹ Coca and cocaine production // EUDA. URL: https://www.euda.europa.eu/publications/eu-drug-markets/cocaine/production_en (accessed: 16.07.2025).

² Mexico, Central America and the Caribbean // UNODC. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/drug-trafficking/mexico-central-america-and-the-caribbean.html> (accessed: 23.08.2025).

стран наибольшее потребление кокаина приходится на Испанию, Великобританию, Нидерланды и Исландию³.

Согласно данным за 2022 г. в Северной Америки около 6,5 млн человек употребляли кокаин на постоянной основе, в странах Европы данный показатель был равен 5,7 млн человек, а в азиатском регионе количество потребителей кокаина составило 2,9 млн человек. Наряду с этим в странах Африки потребляется до 10% мирового кокаина, 2,3 млн человек являются его активными потребителями. Непосредственно внутри самой Латинской Америки потребляется около 22% всего кокаина, которые приходятся на 5,2 млн человек⁴. Очевидно, что основными рынками сбыта для кокаина являются США и Канада, Европейский Союз, а также потребление внутри самого региона Латинской Америки. Однако несмотря на то, что кокаин весьма дорогостоящий наркотик (на европейском рынке наркотиков его цена колеблется от 55 до 90 евро за 1 г⁵), значительным рынком является также и Африканский континент, несмотря на то, что здесь находятся одни из самых бедных стран в мире (Бурунди, Мадагаскар, Малави, ЦАР, Сьерра Леоне и т. д.). Средняя цена 1 г кокаина в ЮАР в 2022 г. составляла 330R⁶, что приблизительно равно 20 долл. В Намибии цена того же 1 г кокаина составляла 115 евро, в соседней Зимбабве – 167 евро, в Кении – 54 евро, а в Танзании – 55 евро⁷. При этом в ряде африканских стран доход на душу населения едва превышает 300 долл. в год⁸. Страны Африки являются не только транзитной зоной для наркотиков из Латинской Америки, но и рынком сбыта. Последние два года УНП ООН отмечает рост потребления кокаина не только в странах Европы и Азии, но также и в странах Африки [World drug report 2024, p. 5].

В свою очередь потребление кокаина растет по мере движения маршрута наркотрафика внутри региона. От Западной и Центральной Африки к Северной [Illicit trafficking..., 2023, p. 11].

³ Most cocaine use by country 2025 // World Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/most-cocaine-use-by-country> (accessed: 12.03.2025).

⁴ Where Cocaine Is Produced and Where It's Consumed // Statista. URL: <https://www.statista.com/chart/31551/coca-leaf-producing-countries-worldwide-and-cocaine-users-by-region/> (accessed: 17.03.2025).

⁵ Dashboard. Cocaine market in Europe, price, purity, seizures // European Union Drugs Agency (EUDA). URL: https://www.euda.europa.eu/media-library/edr/cocaine-market-price-purity-seizures_en (accessed: 14.08.2025).

⁶ This is how much money people spend on drugs in South Africa // BusinessTech. URL: <https://businesstech.co.za/news/lifestyle/341473/this-is-how-much-money-people-spend-on-drugs-in-south-africa/> (accessed: 12.03.2025).

⁷ Cocaine Trade Grows in East and Southern Africa // WCO ESA RILO. URL: <https://www.wcoesarilo.org/post/cocaine-trade-grows-in-east-and-southern-africa> (accessed: 24.08.2025).

⁸ Median income by country // World Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/median-income-by-country> (accessed: 20.08.2025).

В Европе в последние десятилетия отмечается высокий спрос на кокаин. В связи с этим наркоторговцы начали использовать территорию Африки для транспортировки наркотиков из Латинской Америки с 2005 г. Основная часть маршрутов проходит через зону Сахеля (Сенегал, Мавритания, Мали, Буркино-Фасо, Нигер и Нигерия) [Абрамова, Фитуни, 2018, с. 40].

Согласно данным отчета Управления ООН по наркотикам и преступности (далее – УНП ООН) в странах Западной (Сенегал, Бенин, Капо-Верде, Гвинея-Бисау) и Центральной Африки изымается большинство контрабанды кокаина в Африке. Помимо этих регионов Африки о значительных изъятиях кокаина в 2019 г. также сообщили ЮАР и Марокко [World drug report 2022]. В основном перехват контрабанды происходит вблизи береговой линии [World drug report 2022, p. 27]. Это свидетельствует о том, что основные поставки кокаина из Латинской Америки осуществляются по морю через Гвинейский залив.

Колумбия является ведущим поставщиком кокаина в Европу. Однако в отличие от США в Европу также поставляется кокаин из Перу и Боливии [World drug report 2022]. Из Латинской Америки кокаин в Европу перевозят как морскими путями, так и с помощью воздушного транспорта. Для морских перевозок кокаина активно используются порты Бразилии, Эквадора и Венесуэлы. При этом в 2010-е гг. отмечался рост использования портов Бразилии в наркотрафике, что стало следствием увеличения поставок кокаина из Перу и Боливии. Другой важной точкой в наркотрафике из Латинской Америки является Венесуэла. Из Колумбии по суше кокаин перевозят в Венесуэлу. Отсюда либо по воздуху, либо морскими путями через Карибский бассейн и Африку кокаин поступает на рынки европейских стран⁹. В целом можно выделить два основных направления поставок кокаина в Европу: 1) страны Карибского бассейна (особенно Доминиканская Республика и Ямайка) 2) страны Западной Африки. Общим для этих двух транзитных зон будет: внутренние экономические проблемы, проблемы охраны границ и пограничного контроля, большая численность населения.

Важно отметить, что после 2020 г. в связи с пандемией COVID-19 роль африканского континента в кокаиновом наркотрафике сильно возросла. Это было связано с ограничениями, введенными против пандемии в тех странах, порты которых ранее активно использовались в наркотрафике (Колумбия, Бразилия и т. д.). Поэтому внутри региона стали более активно использоваться в наркотрафике страны, расположенные в южной части Латинской Америки (Уругвай, Аргентина) [Global cocaine report 2023,

⁹ Cocain trafficking to Europe // HRB National Drugs Library. URL: https://www.drugsandalcohol.ie/25583/1/Cocaine%20trafficking_POD2016.pdf (accessed: 12.03.2024).

р. 20–22]. В свою очередь, в период мировых ограничений в связи с пандемией многие страны Африки не вводили полное закрытие границ (кроме Египта, Лесото)¹⁰. Учитывая также, что на африканском континенте находятся одни из самых беднейших стран мира, а также есть сложности с осуществлением пограничного контроля, то в период пандемии данный регион получил еще большее значение для наркоторговцев.

Кокаиновый наркотрафик в Африке проходит через Западное побережье материка и соседние острова (Капо-Верде, Мадейра и Канарские острова). Из Западной Африки кокаин транспортируется в Европу морем, по суше и по воздуху. В регионе Северной Африки нередко бывает, что кокаиновый наркотрафик проходит по тем же маршрутам, по которым осуществляются поставки каннабиса¹¹. В свою очередь это приводит к столкновениям между наркокурьерами. При этом отличительной особенностью наркомаршрутов в этом регионе является их подвижность. Например, в 2012 г. отмечался резкий рост поставок кокаина через Алжир, но год спустя подобной ситуации уже не наблюдалось¹². Основными странами ввоза кокаина в Европу являются Испания и Португалия на юге, а также порты Нидерландов и Бельгии на севере¹³. Преимущественно кокаин в Европу из Африки ввозится морским путем. В последние годы отмечается рост поставок кокаина через страны Западной Африки, что связано с ростом объемов производства в самих странах Латинской Америки¹⁴.

Поставки кокаина из Африки в Западную Европу преимущественно осуществляются через страны Северной Африки. Можно сказать, что именно Египет, Алжир, Ливия, Тунис и Марокко являются воротами для латиноамериканского кокаина в Европу. Основные изъятия контрабанды кокаина в 2015–2021 гг. осуществлялись в Бенине и Марокко¹⁵. Помимо Европы часть кокаина через Африку также поставляется в страны Азии.

Роль стран Северной Африки в латиноамериканском наркотрафике

Выше уже было отмечено, что страны Северной Африки являются своеобразными «воротами» для кокаина в Европу. Тем не менее каждая из стран не только имеет значительные отличия от других, но также имеет и разную степень важности для нелегальных поставок кокаина.

¹⁰ Covid-19. Country restrictions // Global Rescue. URL: https://www.globalrescue.com/grcom/grmkt_resources/pdfs/Country-restrictions-table.pdf (accessed: 16.08.2025).

¹¹ Нигерия, Марокко, Лесото, ЮАР и Зимбабве.

¹² COVID-19. Country restrictions // Global Rescue. URL: https://www.globalrescue.com/grcom/grmkt_resources/pdfs/Country-restrictions-table.pdf (accessed: 16.08.2025).

¹³ Ibid.

¹⁴ Drug trafficking in Sahel // UNODC. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/tocta_sahel/TOCTA_Sahel_drugs.pdf (accessed: 17.10.2023).

¹⁵ Ibid.

Последние годы все больше возрастает роль стран Северной Африки в латиноамериканском наркотрафике. В частности, такие страны как Марокко, Алжир, Ливия стали значимой транзитной зоной для кокаина, который поступает в Европу¹⁶. Наряду с этим в Марокко длительное время уже находится центр нелегального производства каннабиса¹⁷. Из всех стран Северной Африки именно в Марокко отмечаются самые значительные перехваты нелегальной контрабанды кокаина [Illicit trafficking..., 2023, р. 13]. Вполне вероятно, что именно через территорию Марокко проходят одни из самых значительных поставок кокаина в африканском регионе. Подобная роль Марокко может быть связана с его крайне выгодным экономико-географическим положением. Береговая линия страны простирается на 3500 км. и имеет выход как в Средиземное море, так и в Атлантический океан. Наряду с этим в стране насчитывается 38 портов, 13 из которых открыты для международной торговли.

Среди стран Северной Африки второе место по объемам изъятия кокаина занимает Алжир. Это связано с тем, что алжирское побережье также является крайне удобным для наркоторговцев. Испанское побережье находится приблизительно в 150 км от Орана. Зачастую именно в районе Орана происходят изъятия крупных партий наркотиков¹⁸.

Латиноамериканские наркотики из Марокко поступают как правило в Испанию. При этом в источниках отмечается, что поставки латиноамериканского кокаина в Северную Африку продолжают расти¹⁹.

На третьем месте среди стран Северной Африки по изъятию кокаина находится Тунис. Тем не менее, начиная с 2018 г. здесь растет объем перехвата контрабанды кокаина. Однако определить роль Туниса в кокаиновом наркотрафике весьма сложно. Количество перехватываемых наркотиков намного меньше, чем в Алжире и Марокко²⁰. В связи с этим можно сделать вывод, что кокаин поступающий в Тунис идет на внутреннее потребление или на его экспорт дальше в соседние страны и на Ближний Восток. При этом возможно часть из этого кокаина поставляется также и в Европу.

В отличие от выше указанных стран Северной Африки в Египте ситуация связанная с наркотрафиком кокаина кардинально отличается. В отличие от Марокко, Алжира и Туниса территория Египта практиче-

¹⁶ Morocco's Expanding Role in Cocaine Trafficking Sparks Global Concerns // Trade World News. URL: <https://www.tradeworldnews.com/moroccos-expanding-role-in-cocaine/> (accessed: 12.02.2024).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

ски не используется для нелегальной перевозки кокаина. В год в среднем изымают всего несколько килограммов²¹. Подобная ситуация с трафиком кокаина в Египте может быть связана несколько с антинаркотическими мерами, так как сюда поставляется афганский героин, трамадол из Ливии, а также каннабис и его производные. Данные наркотики идут как на внутреннее потребление, так и поставляются из Египта на другие рынки²². Скорее всего подобная ситуация складывается из-за того, что Египет наиболее удаленно расположен от основных европейских рынков сбыта кокаина, также он не находится и на основных маршрутах латиноамериканского наркотрафика.

Безусловно, особое место в нелегальных поставках кокаина в Северной Африке занимает Ливия. Учитывая, что Ливия после свержения и гибели Муаммара Кадаффи оказалась практически полностью разрушена, а ее население оказалось в очень тяжелом положении, этими факторами воспользовались наркоторговцы. Ведь именно Ливия стала той страной, где сливаются два маршрута наркотрафика: латиноамериканский – кокаиновый и Южный маршрут афганского наркотрафика – героиновый [Абрамова, Фитун, 2018, с. 44], помимо того, в последние годы отмечается рост ввоза канабиса в Европу также через Ливию. После событий «Арабской весны» эта страна превратилась в один большой хаб для поставок наркотиков в Европу из других регионов мира. В свою очередь это приводит к криминализации Ливии.

Западная Ливия уже продолжительное время связана в сфере наркотрафика со странами Южной Европы. После событий 2011 г. в ключевых прибрежных центрах страны ополченцы объединились с преступными группировками, что привело как к развитию сложных преступных организаций, так и к расширению экспорта наркотиков в Европу через Средиземное море²³. Объединение ополченцев с преступными группировками в Ливии произошло из-за коллапса государственности, а также крайне сложной экономической ситуации в стране.

В ливийский порт Хомс из Мавритании или напрямую из Латинской Америки поставляется кокаин. Эти наркотики частично пополняют внутренний рынок Ливии. Основная часть поставляется в южную Италию и на Балканы, используя также территорию Мальты²⁴.

²¹ Criminality in Egypt // The Organized Crime Index. URL: <https://ocindex.net/country/egypt> (accessed: 12.03.2025).

²² Ibid.

²³ Shifting sands – Libya's changing drug trafficking dynamics on the coastal and desert borders // Global Initiative against Transnational Organized Crime (GI-TOC). URL: https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2019/11/EDMR2019_BackgroundReport_Libya.pdf (accessed: 12.02.2024).

²⁴ Ibid.

Большая часть трансграничной перевозки наркотиков осуществляется через пустынные переходы. Наряду с этим официальные трансграничные переходы также используются для наркотрафика, но в меньшем масштабе. Подобная ситуация связана с крайне слабым пограничным контролем со стороны Ливии²⁵.

Ливия является транзитной зоной и рынком сбыта не только для наркотиков из Латинской Америки, но также для гашиша, который поступает из Марокко, для афганского героина, а также для других синтетических и лекарственных видов наркотиков из других регионов не только Африки и Ближнего Востока, но и Азии.

В первой четверти XXI в. африканский континент стал не только транзитной зоной для латиноамериканского кокаина, но также одним из значительных рынков сбыта.

Южный маршрут афганского наркотрафика

После падения режима талибов в 2001 г. и кратковременного снижения производства героина в Афганистане в 2002 г. его производство было возобновлено с новой силой. Своего максимального значения производство наркотиков здесь достигло в 2017 г. и составило около 9000 т опи-я-сырца [Afghan opium survey 2017, p. 6]. После повторного прихода Движения Талибан к власти в Афганистане в августе 2021 г. ситуация, связанная с нелегальным производством опиатов, претерпела изменения. Придя к власти, талибы заявили, что они намерены бороться с производством наркотиков. Однако решительные действия в данной области произошли только спустя два года. Изначально талибы ввели официальный запрет в апреле 2022 г., а после приступили уже к активным действиям по уничтожению посевов опийного мака. В 2023 г. уже отмечалось практическое полное исчезновение посевов мака²⁶. Тем не менее до начала борьбы талибов с наркопроизводством афганские наркотики поставлялись почти во все регионы мира кроме Латинской Америки. После 2001 г., когда объемы наркопроизводства стремительно росли, появились и новые маршруты сбыта афганских наркотиков. Если до 2000 г. существовало два основных маршрута афганского наркотрафика (Северный маршрут, который шел через Центральную Азию в Россию, и Балканский маршрут, проходящий через территорию Пакистана и Ирана в страны Европы), то после 2000 г. на фоне увеличения объемов наркопроизводства расширились рынки сбыта. В свою очередь это привело к формированию нового Южного маршрута наркотрафика.

²⁵ Ibid.

²⁶ Mansfield D. The Taliban drugs ban // Alcis. URL: <https://www.alcis.org/post/taliban-drugs-ban> (accessed: 12.06.2023).

Отличительными особенностями Южного маршрута наркотрафика стало то, что он был направлен на наркорынки нескольких регионов, а также представлял собой не столько единый маршрут, а цепь более мелких маршрутов. Данный маршрут активно задействовал морские перевозки. Поэтому ключевыми странами для него стали соседние Пакистан и Иран, которые имеют не только выход в море, но также и крупные морские порты. Наркотики с помощью данного маршрута поступали в страны Азии, Восточной и Центральной Европы, а также и в страны Африки²⁷.

Африканский континент географически расположен между странами-производителями и странами-потребителями героина.

Героин из Афганистана поступал преимущественно в ЮАР, которая являлась для него транзитной зоной. Уже непосредственно из ЮАР наркотики далее транспортировались в основном в Европу. Непосредственно для поставки героина в Европу использовали как морские перевозки, так и воздушный транспорт²⁸.

Протяженная береговая линия от Кении до Южной Африки выглядела привлекательной для афганских наркоторговцев. Прежде всего это было связано со слабым контролем границ, плохой береговой охраной, коррупционностью местных чиновников, а также слабостью местных правоохранительных органов²⁹.

Наряду с ЮАР для транзита афганских наркотиков активно использовались побережья Танзании, Кении и Занзибара. Об этом свидетельствовало резкое увеличение изъятий афганских наркотиков начиная с 2010 г.³⁰

По примерным подсчетам в 2010-е годы на территорию Восточной Африки поставлялось от 20 т до 40 т афганского героина³¹.

В странах восточного побережья Африки от Сомали до ЮАР нелегальная торговля героином была хорошо интегрирована в местные теневые экономики, а также была тесно связана с местными политическими элитами³². В свою очередь трансрегиональная наркоторговля способствовала еще большему росту коррупции в этих странах, ухудшению ситуации свя-

²⁷ The Impact of Afghanistan's Drug Trade on its Neighbours // Global Initiative against Transnational Organized Crime (GI-TOC). URL: <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2023/11/SOCACE-RP25-AfganDrugTradeImpact-20Nov23.pdf> (accessed: 27.08.2025).

²⁸ Heroin trafficking through South Africa: why here and why now? // The Conversation. URL: <https://theconversation.com/heroin-trafficking-through-south-africa-why-here-and-why-now-81627> (accessed: 26.08.2025).

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid.

³¹ Tackling heroin trafficking on the East African coast // Global Initiative against Transnational Organized Crime (GI-TOC). URL: <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2018/07/2018-07-02-tackling-heroin-trafficking-policy-brief.pdf> (accessed: 22.08.2025).

³² Ibid.

занному с безопасностью, а также распространению наркомании и заболеваний, передающихся через кровь.

В свою очередь, страны восточного побережья Африки являются не только транзитной зоной для афганских наркотиков. К тому же здесь растет и потребление героина местным населением. Местный рынок наркотиков получает свой героин из «утечек» из крупных транзитных поставок (что связано с расчетом «натурой» с водителями, рыбаками, полицией и т. д.)³³.

В связи с увеличением объема наркотрафика из Афганистана в Африку, здесь стало расти потребление героина среди местного населения. Так количество наркозависимых от героина в Кении в 2017 г. составило 55 тыс чел, в Танзании 32 тыс чел, в ЮАР 75 тыс чел.³⁴ Из выше указанного можно сделать вывод, что страны транзита, расположенные на Восточном побережье Африки стали также и рынками сбыта.

Восточное побережье Африки становится основной зоной для проникновения афганских опиатов на африканский континент через Индийский океан.

Существует четыре способа транспортировки наркотиков из Афганистана в Африку: 1) незаконный оборот по почте; 2) морские перевозки (в грузовых, а также и в небольших лодках); 3) авиаперевозки (в грузе, багаже, а также и в телах наркокурьеров); 4) контрабанда по суше (на автомобилях через плохо охраняемые участки границы). Стоит отметить, что четвертый способ практически не используется для афганских наркотиков. Исключением является только Египет, расположенный на Севере Африки, который снабжается афганскими опиатами по суше. Но здесь это будет ответвление Балканского маршрута, проходящее транзитом через Ближний Восток. В основном наркотики из Афганистана поступают в порты Кении и Танзании [The Afghan Opiate trade..., 2016, p. 15].

Стоит отметить, что Южный маршрут Афганского наркотрафика, проходящий через Африку, состоит из цепочки более мелких маршрутов. Беря свое начало в Афганистане, он дальше идет на территорию соседних Пакистана или Ирана. Отсюда уже опиаты отправляются в Африку либо морем, либо с помощью авиаперевозчиков. Необходимо также подчеркнуть, что на данном направлении до 2009 г. больше использовались транспортировки героина из Афганистана с помощью авиаперевозок, а после 2010 г. стала расти популярность перевозок морем³⁵.

³³ Ibid

³⁴ Ibid

³⁵ Ibid.

Восточную часть Африки можно разделить на три региона: 1) регион Восточной Африки (Кения, Танзания, Уганда, Бурунди и Руанда) 2) Африканский Рог (Джибути, Эритрея, Эфиопия и Сомали) 3) Острова Индийского Океана возле восточного побережья Африки (Сейшельские острова, Коморские острова, Маврикий и Мадагаскар).

Начиная с 2000-х годов восточное побережье Африка стало крупнейшим пунктом выгрузки для афганских опиатов, которые переправляются через Индийский океан³⁶.

В период с 2010 г. по 2021 г. употребление опиатов среди населения Африки возросло с 0,33% до 1,24%³⁷.

Если рассматривать роль региона Северной Африки (Алжир, Марокко, Тунис, Египет и Ливия) в афганском наркотрафике, то можно отметить, что его значение не столь велико, как для латиноамериканского наркотрафика. Длительное время в данный регион не осуществлялось крупных поставок героина. Согласно международным отчетам с 2006 г. отмечался рост изъятия контрабанды героина в данном регионе. Пиковый показатель изъятия пришелся на 2008 г., что было связано с сильным ростом объема произведенных наркотиков в Афганистане (7700 т. опи-я-сырца [Afghanistan opium survey 2008, p. 9]), что напрямую имело взаимосвязь с увеличением объемов сбыта. Однако в период с 2008 г. по 2011 г. в Северной Африке фиксировалось сокращение перехвата контрабанды афганского героина [The Afghan Opiate trade..., 2016]. Подобные изменения могли быть вызваны несколькими факторами. Одним из них можно назвать сокращение объемов поставок героина на фоне снижения производства в самом Афганистане (2009 г. – 6900 т. [Afghanistan opium survey 2009, p. 5], 2010 г. – 3600 т. [Afghanistan opium survey 2011, p. 9–10]). На ряду с этим в 2011 г. ситуация, связанная с безопасностью в Северной Африки изменилась в худшую сторону, что было обусловлено событиями «Арабской весны». Вполне вероятно, что на фоне сильной дестабилизации региона Северной Африки в 2011–2012 гг. и роста объемов производства героина в Афганистане (2011 г. – 5800 т. [Доклад Международного комитета по контролю за наркотиками за 2011 г., с. 15], 2012 г. – 3700 т. [Afghanistan opium survey 2013, p. 17]) могли также увеличиться и поставки героина в этот регион.

Из всех стран Северной Африки длительное время лидером по количеству изъятия контрабанды наркотиков из Афганистана был Египет [The Afghan Opiate trade..., 2016]. Это могло свидетельствовать о том, что

³⁶ Tackling heroin trafficking on the East African coast // Global Initiative against Transnational Organized Crime (GI-TOC).

³⁷ Drug trafficking in Sahel // UNODC. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/tocta_sahel/TOCTA_Sahel_drugs.pdf (accessed: 17.08.2025).

именно через Египет проходил основной маршрут афганского наркотрафика в Северной Африке.

В свою очередь героин, который поставлялся в Северную Африку, преимущественно шел на местное потребление, но также некоторая его часть была предназначена для дальнейшего транзита. При этом важно отметить, что героин, поступавший в Египет, поставлялся по ответвлению Балканского маршрута (из Турции и Ирана)³⁸. Ответвление Южного маршрута также проходило через территорию Египта. В основном здесь использовалось побережье Красного моря. Как правило, маршрут через Суэцкий канал и Красное море служил для перевозки героина в Европу и в Северную Америку. Наряду с этим в других странах Северной Африки изъятия героина были намного меньше, чем в Египте. Территория соседней Ливии также выполняла роль хаба для афганского героина³⁹. Тем не менее приведенные выше данные говорят о том, что наркорынок в Северной Африке не был единым. Соответственно, наркотрафики из Латинской Америки и Афганистана на территории Северной Африки практически не пересекались. Единственное пересечение латиноамериканского и афганского героинового наркотрафика происходило на территории Ливии.

Тем не менее рынки сбыта как латиноамериканских, так и афганских наркотиков были сформированы в ЮАР, Кении, Танзании и еще в ряде стран на восточном побережье Африки.

Однако после существенного сокращения объемов производства героина в Афганистане и на фоне роста производства здесь метамфетамина Южный маршрут стал использоваться для распространения именно метамфетамина. В результате через территорию Ирака по морю осуществляются поставки афганского метамфетамина в Египет⁴⁰.

Причины формирования транзитной зоны для наркотрафика в Африке

Важно отметить, что большая часть береговой зоны Африки плохо охраняется, а значительную часть ее территории составляет малонаселенная пустыня, где практически отсутствует контроль за перемещением транспорта [Абрамова, Фитуни, 2018, с. 43].

При этом население Африки остается одним из самых бедных в мире. Население Африки южнее Сахары наиболее остро сталкивается с проблемами крайней экономической отсталости и массовой бедности. По дан-

³⁸ Ibid.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Drug Trafficking Dynamics Across Iraq and the Middle East: Trends and Responses // UNODC. URL: https://www.unodc.org/romena/uploads/documents/2024/UN_Iraq_ExSum_240318.pdf (accessed: 25.08.2025).

ным Всемирного Банка, здесь практически каждый второй человек живет за чертой бедности⁴¹. В тяжелых экономических условиях местное население легко вовлекается в процессы нелегальной транспортировки наркотиков для того, чтобы заработать.

Другими факторами, которые способствуют использованию территории Африки в качестве транзитной являются: неустойчивая политическая обстановка в ряде стран, высокий уровень коррупции, а также недостаточно развитое законодательство по борьбе с наркотиками и практически полное отсутствие организационных структур по контролю над наркотиками и борьбе с ними [Абрамова, Фитуни, 2018, с. 43].

Литература / References

1. Абрамова И. О., Фитун Л. Л. Наркотрафик через африканский континент – новый вызов европейской безопасности // Современная Европа. 2018. № 6. С. 40–50. [Abramova I. O., Fitun L. L. Drug trafficking through the African continent – a new challenge to European security // Modern Europe, No. 6, 2018. Pp. 40–50 (in Russian)].
2. Доклад Международного комитета по контролю за наркотиками за 2011 г. Нью-Йорк: УНП ООН, 2012. [Report of the International Narcotics Control Board for 2011. New York: UNODC, 2012].
3. Afghan opium survey 2008. UNODC, Vienna, Kabul, 2009.
4. Afghan opium survey 2009. UNODC, Vienna, Kabul, 2010.
5. Afghan opium survey 2010. UNODC, Vienna, Kabul, 2011.
6. Afghan opium survey 2013. UNODC, Vienna, Kabul, 2014.
7. Afghan opium survey 2017. UNODC, Vienna, Kabul, 2018.
8. Global cocaine report 2023.
9. Illicit trafficking of cocaine in Western and Northern Africa. Lyon, France. 2023.
10. The Afghan Opiate trade in Africa – a baseline assessment. UNODC, 2016. 73 p. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Afghanistan/Afghan_Opiate_trade_Africa_2016_web.pdf
11. World drug report 2022 // UNODC. URL: https://wdr.unodc.org/wdr2020/field/WDR_2020_QA_regional_trends_3_KN_TP.pdf (accessed: 27.08.2025).
12. World drug report 2024. UNODC, Vienna, 2025.
13. World drug report 2022. Vol 4. UNODC, Vienna, 2023.

Электронные ресурсы/ Electronic sources

1. Coca and cocaine production // EUDA. URL: https://www.euda.europa.eu/publications/eu-drug-markets/cocaine/production_en (accessed: 16.07.2025).

⁴¹ While Poverty in Africa Has Declined, Number of Poor Has Increased // World Bank Group. URL: <https://www.worldbank.org/en/region/afr/publication/poverty-rising-africa-poverty-report> (accessed: 25.08.2025).

2. Cocain trafficking to Europe // HRB National Drugs Library. URL: https://www.drug-sandalcohol.ie/25583/1/Cocaine%20trafficking_POD2016.pdf (accessed: 12.03.2024).
3. Cocaine Trade Grows in East and Southern Africa // WCO ESA RILO. URL: <https://www.wcoesarilo.org/post/cocaine-trade-grows-in-east-and-southern-africa> (accessed: 24.08.2025).
4. COVID-19. Country restrictions // Global Rescue. URL: https://www.globalrescue.com/grcom/grmkt_resources/pdfs/Country-restrictions-table.pdf (accessed: 16.08.2025).
5. Criminality in Egypt // The Organized Crime Index. URL: <https://ocindex.net/country/egypt> (accessed: 12.03.2025).
6. Dashboard. Cocaine market in Europe, price, purity, seizures // EUDA. URL: https://www.euda.europa.eu/media-library/edr/cocaine-market-price-purity-seizures_en (accessed: 14.08.2025).
7. Drug Trafficking Dynamics Across Iraq and the Middle East: Trends and Responses // UNODC. URL: https://www.unodc.org/romena/uploads/documents/2024/UN_Iraq_ExSum_240318.pdf (accessed: 25.08.2025).
8. Drug trafficking in Sahel // UNODC. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/tocta_sahel/TOCTA_Sahel_drugs.pdf (accessed: 17.08.2025).
9. Heroin trafficking through South Africa: why here and why now? // The Conversation. URL: <https://theconversation.com/heroin-trafficking-through-south-africa-why-here-and-why-now-81627> (accessed: 26.08.2025).
10. Mansfield D. The Taliban drugs ban // Alcis. URL: <https://www.alcis.org/post/taliban-drugs-ban> (accessed: 12.06.2023).
11. Median income by country // World Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/median-income-by-country> (accessed: 20.08.2025).
12. Mexico, Central America and the Caribbean // UNODC. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/drug-trafficking/mexico-central-america-and-the-caribbean.html> (accessed: 23.08.2025).
13. Morocco's Expanding Role in Cocaine Trafficking Sparks Global Concerns // Trade World News. URL: <https://www.tradeworldnews.com/moroccos-expanding-role-in-cocaine/> (accessed: 12.02.2024).
14. Most cocaine use by country 2025 // World Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/most-cocaine-use-by-country> (accessed: 12.03.2025).
15. Shifting sands – Libya's changing drug trafficking dynamics on the coastal and desert borders // Global Initiative against Transnational Organized Crime (GI-TOC). URL: https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2019/11/EDMR2019_BackgroundReport_Libya.pdf (accessed: 12.02.2024).
16. Tackling heroin trafficking on the East African coast // Global Initiative against Transnational Organized Crime (GI-TOC). URL: <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2018/07/2018-07-02-tackling-heroin-trafficking-policy-brief.pdf> (accessed: 22.08.2025).
17. The afghan opiate trade in Africa // UNODC. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Afghanistan/Afghan_Opiate_trade_Africa_2016_web.pdf (accessed: 12.08.2025).

18. The Impact of Afghanistan's Drug Trade on its Neighbours // Global Initiative against Transnational Organized Crime (GI-TOC). URL: <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2023/11/SOCACE-RP25-AfganDrugTradeImpact-20Nov23.pdf> (accessed: 27.08.2025).
19. This is how much money people spend on drugs in South Africa // BusinessTech. URL: <https://businesstech.co.za/news/lifestyle/341473/this-is-how-much-money-people-spend-on-drugs-in-south-africa/> (accessed: 12.03.2025).
20. Where Cocaine Is Produced and Where It's Consumed // Statista. URL: <https://www.statista.com/chart/31551/coca-leaf-producing-countries-worldwide-and-cocaine-users-by-region/> (accessed: 17.03.2025).
21. While Poverty in Africa Has Declined, Number of Poor Has Increased // World Bank Group. URL: <https://www.worldbank.org/en/region/afr/publication/poverty-rising-africa-poverty-report> (accessed: 25.08.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Евсеенко Ольга Евгеньевна — канд. ист. наук, научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Evseenko Olga E. — PhD (Hist.), researcher fellow at the Centre for study of the Near and middle East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.09.2025.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 04.09.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 01.09.2025.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 04.09.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

EASTERN ANALYTICS
Peer-reviewed academic journal

Computer layout *Nadezhda V. Makeeva*

Languages in which articles in the journal can be printed: Russian, English,
Arabic, Yiddish, Chinese, Korean, Turkish, Farsi, Hindi, Japanese

Signed in the press on 15.10.2025. Format 70×100/16.
Typeface Noto Serif. Circulation 500 copies. Order No.
Website: <https://analitika.ivran.ru>

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.
The Science Publishing Centre, head of A. O. *Zakharov*
12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031. Website: www.ivran.ru

Printed in accordance with the materials provided
at “T8 Publishing Technologies”
109316, Moscow, Volgogradsky Prospekt, 42, bldg. 5
Phone: 8 (499) 288-74-01
E-mail: www.t8print.ru

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА
Научный рецензируемый журнал

Верстальщик и корректор *Н. В. Макеева*

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнале: русский, английский, арабский, идиш, китайский, корейский, турецкий, фарси, хинди, японский

Подписано в печать 15.10.2025. Формат 70×100/16. Гарнитура Noto Serif.
Усл. печ. л. 11,54. Уч.-изд. л. 9,2. Тираж 500 экз. Заказ №
Веб-сайт: <https://analitika.ivran.ru>

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Научно-издательский центр, заведующий А. О. Захаров
107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. Веб-сайт: www.ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, 42, корп. 5
тел.: 8 (499) 288-74-01
e-mail: www.t8print.ru